

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2020
№ 4(16)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 4(16)
2020**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2020
№ 4
(16)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2020
№ 4
(16)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Т.А. Новогородский</i> Традиционная культура этнических меньшинств Беларуси: поляки и татары	6
<i>М.А. Михайлец</i> Источники по культуре питания поляков белорусских земель XIX – начала XX в.	22

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>И.С. Маховская</i> Белорусское местечко как социокультурный феномен	35
<i>Р.И. Ващук</i> Вклад греческой диаспоры в социально-экономическое развитие Кубани во второй половине XIX – начале XX в.	52
<i>Н.М. Маркдорф</i> Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950)	64
<i>О.А. Балабейкина, К.С. Гаврилова, А.А. Янковская</i> Процесс формирования экологической ответственности и его влияние на бытовое поведение у населения Швеции в XX в.	80

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Ю.В. Митлина</i> Торгово-промышленная деятельность товарищества «Жорж Борман» во второй половине XIX – начале XX в.	90
---	----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.В. Мачульская, А.В. Немирова</i> Сцена из рыцарского романа «Джауфре» в контексте средневековой истории и культуры Окситании	105
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Е.В. Бурлуцкая (Банникова)</i> Рецензия на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук В.В. Устюговой «Раннее немое кино и трансляция ценностей модерна в жизнь российского губернского города (на материале Перми конца XIX – начала XX века)» (Пермь, 2020. 611 с.)	120
Сведения об авторах	137

Contents

NATIONAL ASPECTS OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Tadeush A. Novogrodskii*
Traditional culture of ethnic minorities in Belarus: Poles and Tatars 6
- Mikhail A. Mikhailets*
Sources on the food culture of the Poles of the Belarusian lands
of the XIX – early XX centuries22

REGIONAL EVERYDAY LIFE

- Irina S. Makhovskaya*
Belarusian little town as a socio-cultural phenomenon 35
- Ruslan I. Vashchuk*
The contribution of the Greek diaspora to the Kuban socio-economic
development in the second half of the XIX – early XX century 52
- Natal'ya M. Markdorf*
On the elimination of child neglect and homelessness
in Kuzbass (1944–1950) 64
- Ol'ga A. Balabeikina, Karineh S. Gavrilova,
Anna A. Yankovskaya*
The process of formation of environmental responsibility and its impact
on everyday behavior of the population of Sweden in the XX century 80

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Yuliya V. Mitlina*
Commercial and industrial activities of the Georges Borman company
in the second half of the XIX – early XX centuries 90

PUBLICATIONS

- Elena V. Machul'skaya, Alina V. Nemirova*
An Episode of the "Jaufre" Romance in the Context
of Medieval Occitan Culture 105

REVIEWS

- Elena V. Burlutskaya (Bannikova)*
Review of V.V. Ustyugova's dissertation for the degree of Doctor
of Historical Sciences "Early silent cinema and the transmission
of the values of the Modern into Russian provincial city life
(based on the material of Perm in the late XIX – early XX centuries)"
(Perm, 2020, 611 p.) 120
- About Authors 138

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 316.7:323.1(476)

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

03.17: История Белоруссии

DOI 10.35231/25419501_2020_4_6

Т.А. Новгородский

Традиционная культура этнических меньшинств Беларуси: поляки и татары*

В статье рассматривается традиционная культура двух этнических меньшинств Беларуси: поляков и татар. Подробно описаны основные элементы материальной, духовной и социальной культуры польского и татарского населения на территории Беларуси. Дана характеристика жилища, выделена специфика традиций питания, охарактеризован костюм, показаны особенности взаимоотношений и воспитания в семье и обществе, проанализированы основные календарные и семейные праздники и обряды. Поляки в Беларуси, живущие среди представителей других этнических общностей, позаимствовали некоторые компоненты традиционной культуры белорусов и, в свою очередь, оказали сильное влияние на белорусскую народную культуру. В то же время, несмотря на давние связи, взаимовлияние и межнациональные отношения, поляки и татары все же сохранили многие специфические черты своей национальности. Традиционная культура поляков и татар Беларуси, несмотря на значительные трансформации, сохранила ряд отличительных черт. Они проявляются в хозяйственных занятиях, традициях питания, костюме, религиозной жизни, способах и средствах социализации, празднично-обрядовой культуре.

Ключевые слова: этнические меньшинства, традиционная культура, поляки, татары, жилище, костюм, традиции питания, семья, празднично-обрядовая культура.

Tadeush A. Novogrodskii

Traditional culture of ethnic minorities in Belarus: Poles and Tatars

The article is devoted to the traditional culture of two ethnic minorities in Belarus – Poles and Tatars. The main elements of the material, spiritual and social culture of the Polish and Tatar population on the territory of Belarus are described in detail. The characteristics of the dwelling are given, the specifics of food traditions are highlighted,

© Новгородский Т.А., 2020

© Novogrodskii Tadeush A., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.».

the costume is characterized, the features of relationships and upbringing in the family and society are shown, the main calendar and family holidays and rituals are analyzed. Poles in Belarus, who live among representatives of other ethnic communities, borrowed some components of the traditional culture of Belarusians and, in turn, had a strong influence on the Belarusian folk culture. At the same time, Poles and Tatars still retained many specific features of their nationality despite long-standing ties, mutual influence and interethnic relations. The traditional culture of Poles and Tatars in Belarus has retained a number of distinctive features despite significant transformations. They are manifested in household activities, food traditions, costume, religious life, methods and means of socialization, festive and ceremonial culture.

Key words: ethnic minorities, traditional culture, Poles, Tatars, housing, costume, food traditions, family, festive and ceremonial culture.

Традиционная культура, как известно, основана на традиции – устойчивом этнокультурном явлении, которое передаётся из поколения в поколение. Для традиции характерна такая черта, как повторяемость. Именно этим она отличается от явлений одноразовых, например многих исторических событий. В Беларуси, по данным переписи 2019 г., проживают представители 138 этнических меньшинств [1]. Некоторые из них (старообрядцы, поляки, украинцы, литовцы, евреи, татары, цыгане), давно проживая на территории Беларуси, оказали влияние на культуру белорусского этноса и сами испытали влияние традиций белорусов. В последние десятилетия появились относительно новые этнические меньшинства (корейцы, народы Юго-Восточной Азии, Афганистана), которые только начинают активно адаптироваться к этнической ситуации в стране. Рассмотрим традиционную культуру поляков и татар Беларуси, которые, проживая на протяжении столетий бок о бок с белорусами, оказали влияние на многие элементы материальной, духовной и социальной культуры белорусского народа.

Поляки – вторая по численности (после русских) этническая группа в Беларуси. По переписи 2019 г. их в Беларуси насчитывается более 287 тыс. (3,1 %) [1, с. 31]. По конфессиональной принадлежности поляки – католики. Характер их расселения в Беларуси дисперсный, однако наибольшая концентрация польского населения наблюдается в западных районах Гродненской, Брестской, Минской и Витебской областей. Среди городского населения поляки составляют 5 % населения, но в ряде городов Западной Беларуси (Гродно, Лида, Щучин, Мосты, Поставы) и в Минске их доля намного выше. Большинство белорусских поляков – сельские жители. Некоторые села в западных регионах почти полностью заселены поляками [2, с. 178].

Изучению особенностей традиционной культуры, этнической истории польского населения страны способствовала деятельность Межреспубликанской группы по изучению польских диалектов на территории СССР, которая существовала в 1967–1984 гг. при Институте языкознания имени Я. Коласа Национальной академии наук Республики Беларусь по инициативе В. Веренича. Результаты исследований отражены в труде «Польские диалекты в СССР» (1973). Отдельные элементы традиционной культуры поляков изучали белорусские этнологи А.Вл. Гурко [3], М. А. Михайлец [4], Т. А. Новгородский [3]. Белорусско-польское влияние на элементы материальной культуры исследовала И.Г. Бочило [5].

Коллективом белорусских этнологов в 2012 г. был издан труд «Кто живёт в Беларуси» [6], в котором подробно рассматривается этническая история и традиционная культура основных этнических групп страны. Отдельные разделы в нем посвящены традициям поляков и татар Беларуси.

Традиционная культура поляков имела свои особенности. В жилищном строительстве наиболее распространенным вариантом было трёхкамерное жилище (хата + сени + хата), которое в народе называли домом на две стороны (хата на два канцы). Наиболее типичным типом застройки был погонный двор, когда жилой дом с хозяйственными постройками выстраивались в один длинный ряд, часто под одной крышей. Основными элементами интерьера были печь, покуть (центральное место в доме, своеобразный домашний алтарь), бабий кут (хозяйственный угол), стол, скамейки, полати (место, где спали жильцы дома). На стене алтаря висело множество икон с изображениями католических святых. Польско-дворянское влияние отразилось на одежде знати (колорит, покрой, характер орнамента, манера ношения). М.В. Довнар-Запольский отмечал, что «польское влияние сказалось на одежде и привычках знати. Шляхтич сбривает бороду, надевает черный или серый тканевый кафтан, а на голове носит картуш в польском стиле. Шляхтянка носит кофту и юбку из паркаля, одевается в пальто старинного покроя» [7, с. 201].

Польская кухня имеет много общего с белорусской. Поляки, как и белорусы, считают крупник и жур своими национальными блюдами [8, с. 30]. Польская кухня отличается большим разнообразием первых блюд: супы прозрачные и густые, без заправки и пропитанные мукой,

сметаной, сливками, молоком, яичными желтками, супы из огурцов и пива, лимонов и помидоров, молочные и фруктовые. В связи с тем, что супы – жидкая пища, их дополняют добавки в виде картофеля, фасоли, круп, гренок, изделий из вареного, жареного и запеченного теста. Поляки любят каши, блюда из яиц, творог. Их кухня славится мучными изделиями: блинами, лазанками, оладьями, пирогами, мазурками. Мясные блюда готовятся из телятины, свинины, говядины, птицы. Широко используются субпродукты. Знаменитые фляки готовят из рубца, чернину – из гусиной кишки и крови [9, л. 45]. Среди самых распространенных напитков были хлебный квас, березовый сок и пиво. Чай и местный кофе получили большее распространение среди польского населения Беларуси.

Поляки строго придерживаются постов: за четыре недели до Рождества (адвент) и за шесть недель до Пасхи. В это время едят только нежирную пищу: солодуху, рыбу, грибы, гармушку (сушеные листья репы) и др.

У поляков в Беларуси сложились устойчивые взгляды на семью и семейные традиции. Важным аспектом брака для них была принадлежность к той или иной религии, например между поляками-католиками и поляками-протестантами. Против такого брака чаще выступали родители и родственники старшего поколения. Сегодня эти взгляды на брак не являются решающими.

Стабильность семьи зависела также от возрастных особенностей разных социальных групп. Если в XIX–XX вв. в деревне женились в 25–30 лет и замуж выходили до 20 лет, то в межвоенный период – в 25–29 и 20–24 года соответственно. Поздний брак парня в Беларуси получил крылатое выражение «польский кавалер».

Крещение ребенка было важным моментом в семейных обрядах поляков. Крестили обычно в первые дни или недели после рождения. Это не только акт принятия новорожденного в лоно костёла, но и присоединение его к своему роду, семье. После крещения ребенка в церкви устраивалась трапеза, в которой повивальная бабка и крестные занимали самое почетное место. По обычаю при крещении могли присутствовать только женатые мужчины и замужние женщины. Крестные родители новорожденного пекли в качестве угощения большие булочки – кукелки [9, л. 45]. Согласно распространенному мнению, они становились близкими для ребёнка людьми, как бы роднились между собой, и

по неофициальному распространенному мнению крестные родители не могли вступать в брак друг с другом, хотя по католическим законам такого запрета не было.

Имя новорожденного у поляков, особенно мальчиков, чаще всего передавалось из поколения в поколение, поэтому почти в каждой семье были свои родовые имена. Костёл играл важную роль в выборе имени ребенку. Согласно религиозным традициям, во время крещения новому христианину давали имя, выбирая его из календаря – из имен святых, выпавших на соответствующие или близкие дни. Обряд первой стрижки ребенка проходил, когда он начинал говорить. Обычно стригут по достижению ребёнком одного года, волосы сжигают в печке или пускают на бегущую воду [9, л. 34].

Представления современной польской молодежи о том, какой должна быть мать, жена, каким должен быть отец и муж, остались традиционными. Важное качество современных молодых девушек – умение организовывать семейную жизнь, заботиться о детях, быть надежными, воспитанными и образованными. У парней высоко ценят такие качества, как умение заботиться о любимой девушке, а также проявлять знаки внимания к ее близким. Издавна характерной чертой поляков были их честь и независимость, которые они стремятся сохранить при любых обстоятельствах. Эти качества характера до сих пор учитываются при выборе жениха и невесты и имеют большое значение в браке. При этом личностные качества молодых людей, их внешний вид, хорошие манеры, поведение также играют определенную роль.

Похоронные и поминальные обряды белорусских поляков также имели свои особенности. По традиции человек должен был встретить смерть в родном доме среди родственников. Перед смертью он собирал всех членов семьи, просил прощения перед всеми за проступки и отдавал последние наставления. Он просил позвать священника для последней исповеди, и если церковь была близко, это желание исполнялось, если нет, то старший член семьи должен был его перекрестить. Это означало прощение грехов и то, что домочадцы прощают умирающему все плохие поступки и обиды. Смерть за пределами родного дома считалась прискорбной. Самоубийство осуждалось еще и потому, что, согласно религиозным верованиям, такая смерть обрекала самоубийцу на вечные муки в аду и была позором для всей семьи [9, л. 81].

Поминки по умершему обычно устраивались через тридцать дней и год спустя. В церкви заказывали службу, молились, ходили на кладбище, проводили траурную трапезу. Поминки осуществлялись польским населением и в так называемый День Вознесения Господня, или День всех святых, который отмечался 2 ноября. Вся семья шла на кладбище, где накануне убирали, зажигали свечи, молились, женщины громко причитали около свежих могил.

Среди праздников и обрядов народного календаря большинство поляков отмечали Рождество и Пасху. К Рождеству в семье готовились заранее: били кабана, готовили разные мясные блюда, хозяйка убирала в доме. Накануне Рождества, 24 декабря, праздновали постную кутью. После захода солнца и появления звезд на небе все члены семьи садились за стол, на который клали сено и накрывали его сверху белой скатертью (настольником, абрусом). Хозяйка ставила на стол постные блюда: кашу из круп (груцу), овсяный кисель, селедку, жареную рыбу, грибные блюда, ушки с маком, яблоками и грибами, галушки и др. [2, с. 380].

Семейный ужин начинался с молитвы. Все вставали на колени и молились. Затем хозяин (или хозяйка) дома брали облатку, заранее приобретённую в костёле, подходили к каждому из присутствующих, предлагали отломать часть и съесть ее каждому члену семьи, высказывая каждому из них пожелания здоровья, успехов. Затем они садились за стол. В промежутках из-под скатерти вытаскивали стебли сена и по их длине предсказывали будущий урожай льна. После обеда все пели рождественские песни и начинали украшать елку игрушками [10, с. 63].

На Пасху (Вельканоц, Великдень) варили и красили яйца, пекли пироги, готовили мясные блюда: колбасу, окорок, студень и др. В костеле освящали яйца, хлеб, соль и другие продукты. После службы в церкви садились за стол и ели «свянцоное». Старший в семье чистил одно из освященных яиц и разрезал его на столько частей, сколько членов семьи сидело за столом. Все, перекрестившись, съедали свой кусок с солью. Затем приступали к другим блюдам. При встрече в этот день произносили приветствие: «Христос воскрес» («Хрыстус змартвыхстал»), на что они получали ответ: «Воистину воскрес» («Правдиве повстал»). Дети гуляли по деревне, их угощали сладостями, крашеными яйцами. Крестные родители преподносили своим крестникам подарки. На Пасху

взрослые и дети играли в битки (бились крашеными яйцами), качали их с лопаты или горки [11, с. 304].

Вечером по дворам ходили волочebники (алоловники, глыкаль-ники), которые пели религиозные песни («святые песни»). Считалось, что обход дворов приносил плодovitость животным, способствовал урожаю на полях, защищал дворы от различных природных стихий. По-дойдя к окнам, волочebники пели песни, прославляя хозяина и его семью. После исполнения песен хозяева угощали их яйцами, водкой, колбасой, пирогами и другими блюдами с пасхального стола.

Религия оказала сильное влияние на повседневную жизнь поляков. С ранних лет их учили молиться, водили в костёл и воспитывали в лучших католических традициях, которые передавались из поколения в поколение. Сегодня поляки в Беларуси, живущие в иноэтнической среде, восприняли многие элементы традиционной белорусской культуры и, в свою очередь, оказали сильное влияние на белорусскую народную культуру. В то же время, несмотря на давние связи, взаимовлияние и межнациональные отношения, поляки все же сохранили многие отличительные черты своей национальности.

Татары – этническая группа, которая традиционно играет заметную роль в отношениях белорусов с другими этническими меньшинствами. Согласно переписи 2019 г., в Беларуси насчитывается 8445 татар [1, с. 31]. Расселены они преимущественно дисперсно, однако есть и компактные поселения в некоторых районах Гродненской, Витебской и Минской областей. Среди работ, посвященных белорусским татарам, можно отметить монографию С. Думина и И. Конопацкого «Белорусские татары: былое и современность» [12], книгу А. Локотко «Берег путешествий или откуда в Беларуси мечети» [13], учебное пособие И. Конопацкого и А. Смолика «История и культура белорусских татар» [14]. Проблемы, связанные с традиционной белорусской культурой, изучали белорусские этнологи В. Белявина [15] и С. Захаркевич [16]. Истории и культурному наследию татар Беларуси был посвящен ряд международных научно-практических конференций, материалы которых были изданы [17].

На протяжении многих столетий проживания на территории Беларуси татары сохранили свои особенности в материальной и духовной культуре, в традициях, обрядах и обычаях, особенно связанных с религиозной жизнью. Давая подробную характеристику клецких татар в

своём труде «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», П.М. Шпилевский отмечал их честность, гостеприимство и аккуратность [18, с. 60].

Татарские усадьбы всегда были ограждены, имели палисадник с цветами, заботливо ухоженный огород, в котором росли плодово-ягодные кусты и фруктовые деревья.

Жилище татар мало чем отличалось от белорусского. Дом был разделён на две половины: чистую (светлицу, гридницу), которая служила для приёма гостей и различных торжеств, и чёрную, или хозяйственную, где жили сами хозяева. Светлица имела деревянный пол и окна больших размеров, стены белились, а часто и расписывались узорным орнаментом с текстами на татарском и арабском языках. Обязательными были в доме шкафы с восточным украшением, красивые детские колыбели. Предметом особого внимания и заботы татарских женщин была постель, которая состояла из перины, пуховых подушек, теплого прошитого одеяла яркого цвета.

Этническим своеобразием в прошлом выделялся женский костюм. Вот как его описывает П.М. Шпилевский: «Женщины сохранили свой национальный костюм: они носят яркие, пестрые, по преимуществу оранжевые и желтых цветов, короткие шлафроки с широкими рукавами; плечи покрывают красными, длинными платками; на шею вешают по несколько снурков крупного бисера с разными коралловыми и серебряными фигурками, также пацерками, переходящими из рода в род и сохранившимися у них, кажется, со времен пленничества; в уши вдевают огромные серебряные серьги; головы повязывают пёстрыми, ярких цветов платками в виде чалмы, с большими под лбом узлами и длинными по бокам головы концами; ноги большей частью обувают в коротенькие сапожки с подковками и красными каблучками...» [18, с. 60]. Мужчины приняли костюм белорусских мещан: они ходили в смазанных, выростковых сапогах, серых, длинных, с фалдами кафтанах, с отложенными воротниками и в шапках с козырьками [18, с. 59].

Самобытным являлось народное питание белорусских татар. Среди традиционных татарских блюд, которые употребляются и сегодня, можно назвать гальму, джайму, баурсаки, палючастое (поливку с мясом), перекачваники с сыром и др. Особой популярностью пользуется тутыргантавык – курица, фаршированная яйцами и молоком. Она готовится к особым торжествам.

Значительное место в питании татар занимали молочные продукты. Из молока делали сузьму, эремчик и курт (вид творога), катык (сырокваша из топленого молока), каймак (сметана). Масло, приготовленное татарами, имело отличное качество и пользовалось большим спросом на белорусских рынках.

Из мелкой речной рыбы готовится тэбэ – запеканка с яйцом. Овощи чаще всего используются в виде начинок и приправ.

В татарской кухне многие блюда готовятся к определённым праздникам и обрядам. Так, например, на свадьбу готовят бал-май (масло с мёдом), чак-чак (мучные орешки с мёдом), туй-ашы (полосочки теста, жаренные во фритюре, которые затем макаются в сладкую массу) и др. Жениху подносили особые пельмени, оладьи, перемечи.

Центром религиозной и общественной жизни татар была мечеть. Первые мечети в Великом княжестве Литовском начали появляться в местах оседлости татар, перевезенных Витовтом из Золотой Орды [19, с. 185]. Особенностью мечетей Беларуси был разделение внутреннего пространства на две части: мужскую и женскую. В странах мусульманского Востока такое разделение отсутствует. Там женщины, согласно традиции, молятся дома.

Служба проводилась в мужской части. Здесь в стене, обращенной к Мекке, имелась срубная ниша – михраб. Лицом к ней во время мессы сидел мулла. Справа от михраба имелось возвышение с приступками и навесом-балдахином на столбах – минбар. Отсюда к прихожанам обращался мулла с хутбай (речью) во время богослужения в пятницу и провозглашал важные документы. Минбар украшали надписями (строчками из Кур'ана). Здесь могли быть сведения о дате возведения мечети и фамилия архитектора.

Пол мечети застилался зелёными шерстяными дорожками – килимами. В промежутках между ними ложились круглые тканые одеяла – чалуны. Около стен находились скамейки и табуретки для старых и больных. В мечети совершались пятиразовые намазы – молитвы верующих-мусульман. Во время поста (месяц рамадан) совершалась ещё дополнительная молитва – таравих-намаз.

В женской половине пол был также застлан килимом. В углу находилась полка для жертвенных угощений – садаги. На стенах иногда висели похоронные веночки. Так же, как в мужской половине, висели мухиры.

С середины XIX в. татары-мусульмане начинают требовать разрешения строить не деревянные, как это было предписано законами Речи Посполитой, а мураванные мечети. Единственная каменная мечеть в северо-западном крае Российской империи была построена в Минске. Она начала действовать с 1901 г. и стала одним из известных памятников архитектуры города [13].

Белорусские татары исповедуют ислам суннитского толка. Учение суннитов имеет четыре направления. Татары Беларуси придерживаются суннитского учения Абу-Ханифа (умер в 767 г. н. э.). Заповеди священной книги мусульман Корана требуют от мусульман выполнения пяти обязательных предписаний ислама, которые составляют основу мусульманского образа жизни: веры, молитвы, милосердия к бедным, поста и, если есть возможность, паломничества в Мекку [20].

Уважением и почтением пользуются обычаи милосердия – садага. Это могут быть специально приготовленные деликатесы, выпечка, конфеты, иногда деньги. Садагу человек может осуществить лично или через авторитетного человека, чаще всего через духовное лицо. У белорусских татар садага обычно раздаётся в память об умерших родителях, детях, дедах, членах семьи, родственниках.

Каждый год на протяжении рамадана (девятого месяца по мусульманскому календарю) татары-мусульмане придерживаются поста от восхода до заката солнца, который заключается в полном воздержании в светлое время суток от пищи, питья и исполнения супружеских обязанностей. От поста освобождаются состарившиеся люди, беременные женщины и женщины, кормящие ребёнка грудью, а также те, кто не может придерживаться поста по каким-либо другим причинам (тяжёлая болезнь, нахождение в другой стране и др.) Пост мусульманами рассматривается в первую очередь как способ самоочищения.

Несмотря на утерю белорусскими татарами языка своих предков, некоторых национально-культурных традиций, обычаев, частичную христианизацию, они до настоящего времени донесли многие татарские обряды, обычаи и праздники. Наиболее торжественным является ритуал по случаю рождения ребёнка (нифас). Отец с хлебом и солью приглашает соседей провести роженицу. Обряд придания ребёнку имени (святой азал) происходит в присутствии муллы, свидетелей и гостей [9, л. 67].

Довольно строго совершался татарами ритуал обрезания (сунет). Люди, которые делали обрезание (суннетджеи), пользовались большим уважением. Нельзя было обрезать мальчиков до года [12, с. 191].

Торжественно отмечается татарами обряд венчания, который проходит в доме родителей невесты. После молитвы и угощений мулла и близкие родственники жениха направляются в дом невесты, где она, сидя на подушках, ожидает жениха. За стол, на котором стоят зажжённые свечи, вода, хлеб и соль, садятся мулла вместе со свидетелями. Жених и невеста становятся на козлах или покрывало напротив стола, лицом на юг, в направлении Мекки. Мулла читает молитву, спрашивает у жениха о размере приданого, предназначенного для жены в случае развода. Сумма записывается в метрический документ. После молитвы мулла надевает молодым обручальные кольца. Все поздравляют их, и свадьба продолжается до утра.

Похоронный обряд татар имеет свои особенности. Тяжелобольного мусульманина перед смертью по просьбе родных навещает мулла и читает около его кровати краткие молитвы (иманы). Умершему родные закрывают глаза и кладут тело в комнате на сено, накрытое простыней. В этот же день покойника моют, читая при этом молитвы. Затем его заворачивают в новое белое полотно (саван) [9, л. 68]. Похороны у белорусских татар очень дорогие, поскольку значительные расходы связаны с молитвами.

Культ умерших проявляется в ежегодных сборах татар на кладбище, которые происходят весной и в начале лета в первую четверть месяца в пятницу или четверг. Такое посещение могил называется зиреть. Молясь, татары обходят мизары слева направо, но обязательно оставляя могилы по правую руку. На могилах раздают садагу участникам обряда в память об умерших.

Среди обычаев и обрядов белорусских татар, связанных с семейной и общественной жизнью, выделяется обряд побратимства – искусственное породнение, которое под влиянием ислама постепенно приобрело модифицированные формы. В XIX в. его называли охратание и совершали в присутствии муллы. Участники обряда брались за полотенце и трижды обходили вокруг стола, на котором стояла вода, лежали хлеб, соль и молитвенник. Мулла читал молитву и поздравлял охрестей. В конце они одаривали один другого полотенцами, которые

должны иметь непреходящую ценность и храниться всю жизнь. Совершать охратание могли двое мужчин или мужчина с женщиной, если он женат, а она замужняя. Женщинам такой союз заключать не разрешалось. Отношения побратимства всегда придавалось большое значение, нарушение его было тяжелым грехом. Если такое случалось, то охрести вновь брали полотенце, и мулла рассекал его символически, ударяя ладонью в знак прерывания побратимства [12, с. 196].

Существовал интересный обряд, связанный с сельским хозяйством и огородничеством. Для того чтобы вызвать дождь, жертвовали у реки черного барана, для наступления сухой погоды в жертву на возвышенности приносили белого барана. Согласно представлению белорусского татарина, мир всегда был населён множеством духов (феереев), большей частью враждебных людям. Человек мог их победить, зная достаточное количество молитв.

Болезни татары лечили молитвами, окуриванием берёзовой корой или бумагой, на которой написаны молитвы. Гадали на основании буквенного гороскопа, который составлялся индивидуально для каждого, в соответствии с личными данными: фамилией, происхождением, возрастом, влиянием на него той или иной планеты [12].

Свободное время молодёжь проводила больше всего на вечерках. Здесь парни и девушки знакомились, играли в игры, танцевали (в основном белорусские и польские танцы). На вечерках узнавали о последних новостях и событиях в деревне и округе, сведения о которых приносили походурь – особый тип людей, которые путешествовали от одного татарского поселения к другому, попрошайничали и переносили новости о свадьбах, крестинах, смерти и других важных событиях в жизни человека.

Главный праздник – Рамадан-байрам – отмечался сразу же после окончания месяца поста Рамадана (разговение). Празднование длилось три дня. В первый день все шли в мечеть с праздничными подарками муллам и муэдинам. Завершив торжественный намаз, мулла поздравлял присутствующих. Возвратившись домой, мусульмане устраивали трапезу, многие шли на кладбище помолиться за предков и родственников, раздавали садагу. В последующие дни ходили в гости, устраивали игры и забавы.

Курбан-байрам, праздник жертвоприношения, отмечается четыре дня. В эти дни режут жертвенных животных. Мясо быков и баранов раз-

дается бедным, гостям, которые приехали на праздник, верующим общины, чтобы каждый мог приготовить праздничный обед. В мечети проводится богослужение. Каждый мусульманин навещает могилы своих родных и близких. Делаются подношения в пользу мечети, раздается милостыня состарившимся и немощным [12].

Праздничным днём у мусульман считается пятница (джума). Согласно преданиям, в пятницу родился пророк Мухаммед и его зять Али, и мир ислама начал расширяться именно в пятницу. В этот день татары физически не работают, считая этот день недели днём отдыха. Они посещают мечеть, где совершают намаз [9, л. 46].

Фольклор белорусских татар очень близок к фольклору белорусов, а такие жанры, как пословицы и поговорки, песни, припевки и загадки, почти ничем не отличаются от белорусских. Очень интересны устные предания белорусских татар, посвященные различным историческим фактам и событиям. Более оригинальные предания, легенды и рассказы белорусских татар помещены в Китабах.

Сегодня белорусские татары живут в мире и согласии со всеми этническими группами Беларуси. В своих молитвах они просят Всевышнего Аллаха о милости и милосердии к земле, на которой они живут и которая стала им родиной, к людям, которых татары считают своими братьями.

Таким образом, традиционная культура поляков и татар Беларуси, несмотря на значительные трансформации, сохранила ряд отличительных черт. Они проявляются в хозяйственных занятиях, традициях питания, costume, религиозной жизни, способах и средствах социализации, празднично-обрядовой культуре.

Список литературы

1. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь // Стат. бюл. – Минск, 2020.
2. Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя / Беларус. Сав. энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.
3. Гурко А. Вл., Новгородский Т.А. Поляки. Духовная культура // Кто живет в Беларуси / А.В. Гурко и др. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 384–399.
4. Михайлец М.А. Поляки. Материальная культура // Кто живет в Беларуси / А.В. Гурко и др. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 354–373.
5. Бачыла І.Г. Даследаванне беларуска-польскіх сувязей у матэрыяльнай культуры айчыннымі этнолагамі другой паловы XX – пачатку XXI ст. // *Dziedzictwo kulturowe Europy Środkowej w białorusko-polskiej perspektywie badawczej / Uniwersytet*

im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; Michał Jarnecki, Arkadiusz Bednarczuk. – Poznań, 2016. – С. 71–84.

6. Кто живёт в Беларуси / А.В. Гурко и др. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 799 с.

7. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: настол. и дорож. кн. для рус. людей: в 19 т. / под ред. В. П. Семенова; и под общ. рук. П.П. Семенова, В.И. Ламанского. – СПб.: А.Ф. Девриена, 1899–1914. – Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – 1905. – VII. – 619 с.

8. Наваградскі Т.А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стагоддзях. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2015. – 243 с.

9. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Ф. 6. Воп. 13. Спр. 67.

10. Михайлец М.А. Культура питания поляков Беларуси в конце XIX – начале XX в. // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф., 19–20 мая 2010 г., Минск / редкол.: Т.А. Новогородский (отв. ред.) и др. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2011. – С. 60–65.

11. Наваградскі Т.А. Традыцыйная культура палякаў у Беларусі // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 27 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2020. – С. 300–306.

12. Думін С.У., Канапацкі І.Б. Татары на Беларусі: мінулае і сучаснасць. – Мінск, 1993.

13. Лакотка А.І. Бераг вандраванняў, ці адкуль у Беларусі мячэці. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 95 с.

14. Канапацкі І.Б., Смолік А.І. Гісторыя і культура беларускіх татар. – Мінск: Беларускі ўніверсітэт культуры, 2000. – 258 с.

15. Беявіна В.Н. Татары // Кто живёт в Беларуси / А.В. Гурко и др. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 466–525.

16. Захаркевіч С.А. Этнаграфія XIX ст. аб этнічных меншасцях Беларусі // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исслед. по новой и новейшей истории. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 133–145.

17. Мечети и мизары татар Беларуси, Литвы и Польши: к 100-летию второй Минск. мечети: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Новогрудок, 5 июля 2002 г. / редкол.: И.Б. Канапацкий (отв. ред.) и др. – Новогрудок, 2003. – 180 с.

18. Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. – Мн., 1992. – 251 с.

19. Чаквин И.В., Новогородский Т.А. Национальные меньшинства и межнациональные (межэтнические) отношения в Беларуси // Этнические и конфессиональные отношения в современном мире: науч.-информ. сб. – Мн.: Четыре четверти, 1999. – Вып. 1. – 220 с.

20. Захаркевіч С. Культурная адаптацыя татар Вялікага княства Літоўскага паводле тэстаментаў XVII – XVIII ст. // Sic erat in fatis. Studia i szkice historyczne dedykowane Profesorowi Boghdanowi Rokowi: w 2 t. / Red. Naukowa E. Kościk, R. Żerelik, P. Badyńska, F. Wolański. – Toruń: Adam Marszałek, 2012. – S. 451–460.

References

1. *Obshchaya chislennost' naseleniya, chislennost' naseleniya po vozrastu i polu, sostoyaniyu v brake, urovnyu obrazovaniya, nacional'nostyam, yazyku, istochnikam sredstv k sushchestvovaniyu po Respublike Belarus'. Statist. byul.* [Total population, population by age and gender, marital status, level of education, nationality, language, and sources of livelihood in the Republic of Belarus]. – Minsk, 2020.

2. *Etnagrafiya Belarusi: encyklopedyya* [Ethnography of Belarus: encyclopedia] / Belarus. Sav. Encykl.; redkal.: I.P. SHamyakin (gal. red.) [i insh.]. – Minsk: BelSE, 1989. – 575 s.

3. Gurko A.VI., Novogrodskij T.A. *Polyaki. Duhovnaya kul'tura* [Poles. Spiritual culture] // *Kto zhivet v Belarusi* [Who lives in Belarus] / A.V. Gurko [i dr.]. – Minsk: Belarus. navuka, 2012. – S. 384–399.

4. Mikhailets M.A. *Polyaki. Material'naya kul'tura* [Poles. Material culture] // *Kto zhivet v Belarusi* [Who lives in Belarus] / A.V. Gurko [i dr.]. – Minsk: Belarus. navuka, 2012. – S. 354–373.

5. Bachyla I.G. *Dasledavanne belaruska-pol'skih suvyazej u materyyal'naj kul'tury ajchynnymi etnologami drugoj polovy XX – pachatku XXI st.* [Research of Belarusian – Polish relations in material culture by Russian ethnologists of the second half of the XX-beginning of the XXI century] // *Dziedzictwo kulturowe Europy Środkowej w białorusko-polskiej perspektywie badawczej / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; Michał Jarnecki, Arkadiusz Bednarczuk.* – Poznań, 2016. – C. 71–84.

6. *Kto zhivyyot v Belarusi* [Who lives in Belarus] / A.V. Gurko [i dr.]. – Minsk: Belarus. navuka, 2012. – 799 s.

7. *Rossiya: Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: nastol. i dorozh. kn. dlya rus. lyudej: v 19 t. / pod red. V. P. Semenova; i pod obshch. ruk. P.P. Semenova, V.I. Lamanskogo* [Russia: a Complete geographical description of our Fatherland: настол. and expensive. book for Russian people: in 19 vols]. – SPb.: A.F. Devriena, 1899–1914. – T. 9: Verhnee Podneprov'e i Belorussiya. – 1905. – VII. – 619 s.

8. Navagrodski T.A. *Evalyucyya tradycyj harchavannya belarusaŭ u XIX–XX stagoddzyah* [Evolution of Belarusian food traditions in the XIX–XX centuries]. – Minsk: Belarus. dzyarzh. un-t, 2015. – 243 s.

9. *Arhiŭ Instytuta mastactvaznaŭstva, etnografii i fal'kloru imya K. Krapivy Nacyyanal'naj akademii navuk Belarusi* [Archive Of the Institute of art history, Ethnography and folklore named after K. Krapiva of the National Academy of Sciences of Belarus]. F. 6. Vop. 13. Spr. 67.

10. Mihajlec M.A. *Kul'tura pitaniya polyakov Belarusi v konce XIX – nachale XX v* [Food culture of the poles of Belarus in the late XIX – early XX century] // *Etnokul'turnoe razvitie Belarusi v XIX – nachale XXI v.: materialy Mezhdunar. Nauch.-prakt. Konf., 19–20 maya 2010 g., Minsk* [Ethnocultural development of Belarus in the XIX-early XXI century: materials of the international scientific and practical conference, may 19–20, 2010, Minsk] / redkol.: T.A. Novogrodskij (otv. red.) [i dr.]. – Minsk: Izd. Centr BGU, 2011. – S. 60–65.

11. Navagrodski T.A. *Tradycyjnaya kul'tura palyakaŭ u Belarusi* [Traditional culture of poles in Belarus] // *Pytanni mastactvaznaŭstva, etnologii i fal'klarystyki. Vyp. 27 / [Questions of art history, Ethnology and folklore. Issue 27] / Centr dasledavannyaŭ belaruskaj kul'tury, movy i litaratury NAN Belarusi; navuk. red. A.I. Lakotka.* – Minsk: Prava i ekanomika, 2020. – S. 300–306.

12. Dumin S.U., Kanapacki I.B. *Tatary na Belarusi: minulae i suchasnasc'* [Tatars in Belarus: past and present]. – Minsk, 1993.

13. Lakotka A.I. *Berag vandravannyaŭ, ci adkul' u Belarusi myacheci* [Coast of travel, or where in Belarus]. – Minsk: Navuka i tekhnika, 1994. – 95 s.

14. Kanapacki I.B., Smolik A.I. *Gistoryya i kul'tura belaruskich tatar* [History and culture of the Belarusian Tatars]. – Minsk: Belaruski ŷniversitet kul'tury, 2000. – 258 s.

15. Belyavina V.N. *Tatary* [Tartars] // *Kto zhivyyot v Belarusi* [Who lives in Belarus] / A.V. Gurko [i dr.]. – Minsk: Belarus. navuka, 2012. – S. 466–525.

16. Zaharkevich S.A. *Etnagrafiya XIX st. ab etnichnyh menshascyah Belarusi* [Ethnography of the XIX century AB ethnical menshastsiah Belarus] // «*Dolgij XIX vek*» v

istorii Belarusi i Vostochnoj Evropy: Issledovaniya po novoj i novejshej istorii ["Long XIX century" in the history of Belarus and Eastern Europe: Research on new and modern history]. – Minsk: RIVSH, 2020. – S. 133–145.

17. *Mecheti i mizary tatar Belarusi, Litvy i Pol'shi: K 100-letiyu vtoroj Min. mecheti: Materialy VIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Novogrudok, 5 iyulya 2002 g.* [Mosques and mizars of the Tatars of Belarus, Lithuania and Poland: to The 100th anniversary of the second Min. mosque: Materials of the VIII international scientific and practical conference, Novogrudok, July 5, 2002] / Redkol.: I.B. Kanapackij (otv. red.) i dr. – Novogrudok, 2003. – 180 s.

18. *SHpilevskij P.M. Puteshestvie po Poles'yu i Belorusskomu krayu* [Travel to Polesie and the Belarusian territory]. – Mn., 1992. – 251 s.

19. *CHakvin I.V., Novogrodskij T.A. Nacional'nye men'shinstva i mezhnacional'nye (mezhetnicheskie) otnosheniya v Belarusi* [National minorities and inter-ethnic (inter-ethnic) relations in Belarus] // *Etnicheskie i konfessional'nye otnosheniya v sovremennom mire Nauch.-inform. sb.* [Ethnic and religious relations in the modern world. Scientific-inform. sat.]. – Mn.: CHetyre chetverti, 1999. – Vyp.1. – 220 s.

20. *Zaharkevich S. Kul'turnaya adaptacyya tatar Vyalikaga knyastva Litoŷskaga pavodle testamentaŷ XVII–XVIII st.* [Cultural adaptation of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania according to the wills of the XVII–XVIII centuries] // *Sic erat in fatis. Studia i szkice historyczne dedykowane Profesorowi Boghdanowi Rokowi: w 2 t.* / Red. Naukowa E. Kościk, R. Żerelik, P. Badyňa, F. Wolański. – Toruń: Adam Marszałek, 2012. – S. 451–460.

М.А. Михайлец

Источники по культуре питания поляков белорусских земель XIX – начала XX в.

Статья носит историографический и источниковедческий характер и посвящена анализу источников по культуре питания поляков белорусских земель XIX – начала XX в. Несмотря на то, что поляки всегда составляли значимую этническую группу Беларуси, изучение комплекса их культуры профессиональными этнографами не проводилось. В статье рассмотрена историография проблемы и выделены основные виды источников по рассматриваемой теме. В историографии тема исследования затрагивалась косвенно, наиболее значительны работы А.И. Мальдиса, К.А. Цвирки, Т.А. Новгородского. Основным типом источников являются мемуары и близкие к ним художественные произведения, а также ряд кулинарных книг. В статье анализируются произведения А. Мицкевича, В. Сырокомли, Э. Ожешко, Ф. Чернышевича, мемуары Я. Булгака. При работе с этими видами источников необходим критический подход при анализе содержащейся в них информации. Прежде всего, следует учитывать, что они ориентированы на средние и высшие слои общества, носят субъективный, а кулинарные книги также компилятивный характер. Несмотря на недостатки, оба вида источников содержат ценную информацию по культуре питания белорусских поляков XIX – начала XX в.

Ключевые слова: историография, культура питания, поляки, Беларусь, мемуары, кулинарные книги, шляхта.

Mikhail A. Mikhailets

Sources on the food culture of the Poles of the Belarusian lands of the XIX – early XX centuries

The article has a historiographic nature and is devoted to the analysis of sources on the eating habits of the Poles of the Belarusians lands of the XIX – early XX centuries. Despite the fact that the Poles have always constituted an important ethnic group in Belarus, the study of the complex of their culture as a whole hasn't been carried out by professional ethnographers. The article discusses historiography of the problem and highlights the main types of sources on the topic. In the historiography the research topic was touched upon indirectly. The most important researches are A. Mal'dzis, K. Tsvirka, T. Navahrodzki. The main types of sources are memoirs and close to them fiction, as well as number of cookbooks. The works of A. Mickiewicz, W. Syrokomla, E. Orzeszkowa, F. Czarnyszewicz and the memoirs of J. Bulhak are analyzed in the article. Working with these types of sources and analyzing the information they contain required a critical approach. First of all, it should be taken into account, that the sources have subjective character and are focused on the middle and high strata of society. The cookbooks also

often have a compilation character. Despite the limitations, both types of the sources contain valuable information on the eating habits of Belarusians Poles in the XIX – early XX century.

Key words: historiography, eating habits, Poles, Belarus, memoirs, cookbooks, nobility.

Поляки составляли и составляют значительную этническую группу Беларуси, тем не менее изучение их можно назвать однобоким. На протяжении уже более чем двух столетий главным предметом исследования является прежде всего проблема самосознания и самоидентификации данной группы. Не принижая значимости этого вопроса, следует отметить, что такой подход совершенно не способствовал изучению всего комплекса культуры поляков белорусских земель – воплощения их отличительных особенностей, являющегося классическим предметом этнологии. Это касается в том числе такой значимой проблемы, как культура питания, сведения о которой довольно скупы и содержатся в специфических источниках. Между тем исследование этого вопроса позволит не только охарактеризовать важную часть материальной культуры польской этнической группы Беларуси, но и понять особенности адаптации ее в иноэтнической среде, определить основные этноопределяющие характеристики ее культуры.

Целью исследования является выявление особенностей источников по культуре питания поляков белорусских земель XIX – начала XX в.

Задачи исследования: 1) выявление характерных черт и особенностей источников по культуре питания поляков белорусских земель указанного периода; 2) определение научной значимости данных источников.

Гипотеза исследования: предполагается, что источники по культуре питания поляков белорусских земель XIX – начала XX в. имеют специфические черты, характерные для источников донаучного периода.

Непосредственно теме настоящего исследования не посвящено специальных работ. Отдельные ее аспекты рассматривались автором в статьях «Особенности материальной культуры польской этнической общности Беларуси (XIX–XX вв.)» [1] и «Роман Флориана Чернышевича „Надберезинцы“ как источник изучения культуры поляков Восточной Беларуси начала XX в.» [2].

Работы А.И. Мальдиса носят литературоведческий характер, в них немало внимания уделено анализу художественной и мемуарной польскоязычной литературы Беларуси, что позволяет лучше понять общий

контекст создания произведений, определить степень достоверности приводимых в них фактов [3; 4].

В книге К.А. Цвирки «Слово про Сырокомлю. Быт и культура белорусов в творчестве деревенского лирника» в разделе «Еда» автор анализирует некоторые традиции питания шляхты белорусских земель [5, с. 84].

Краткий анализ информации, содержащейся в кулинарных книгах XIX в., приведен в исследовании Т.А. Новгородского «Эволюция традиций питания белорусов в XIX–XX вв.» [6, с. 12–13].

Ряд работ Л. Голембёвского и Э. Ожешко упоминается в исследованиях В.К. Бондарчика [7–9].

Весьма многочисленна историография, посвященная жизни и творчеству Адама Мицкевича, особенно его эпической поэме «Пан Тадеуш»: В. Гостомский «Шедевр польской поэзии «Пан Тадеуш» А. Мицкевича» [10], С. Тарновский «О поэме «Пан Тадеуш»» [11], М. Живов «Адам Мицкевич: жизнь и творчество» [12], Л. Нестерчук «Адам Мицкевич: гений, поэт, литвин» [13] и многие другие. Близка к теме данной работы статья Н. Галабурды и В. Зуева «Шляхетская кухня времен Адама Мицкевича» [14].

Анализ литературы показал, что отдельные аспекты темы затрагивались рядом исследователей, но в целом она остается неисследованной.

Методологической основой исследования стал системный подход, в рамках которого использовался главным образом структурно-типологический метод исследования, с помощью которого были выявлены специфические особенности источников, их многослойная структура, прослежены взаимоотношения с иными источниками, условия их создания. Типологизация источников охватывала накопление сведений о культуре питания поляков белорусских земель в рамках периода XIX – начала XX в.

Сведения по культуре питания поляков белорусских земель этого периода немногочисленны, целенаправленных ее описаний профессиональными этнографами не существует, поэтому большую роль играют художественные произведения мемуарного характера и сами мемуары.

Одни из первых таких сведений встречаются в эпической поэме Адама Мицкевича (1798–1855) «Пан Тадеуш», написанной поэтом в Париже в 1832–1834 гг. и отражающей с почти документальной точностью многие стороны жизни польской шляхты на белорусских землях на рубеже XVIII и XIX вв. Так, А. Мицкевич отмечает, что белорусские поляки издавна использовали в своей кулинарии различные съедобные грибы,

которые готовили как основное горячее блюдо, подавали на стол в качестве закуски, добавляли как ароматический компонент к различным супам и соусам. Грибы являлись составной частью бигоса и многих других блюд. Хранили грибы солеными, сушеными, пережаренными в масле [15, с. 640–641].

Подлинным национальным блюдом поляков стал бигос, истоками своими уходящий, по мнению многих исследователей, в традиции литовской и латышской кухни. Одни из самых известных строк, восхваляющих бигос, принадлежат А. Мицкевичу:

А бигос греется; сказать словами трудно
О том, как вкусен он, о том, как пахнет чудно!
Слова, порядок рифмы, все передашь другому,
Но сути не понять желудку городскому!
Охотник-здоровяк и деревенский житель –
Литовских кушаний единственный ценитель!
Но и без тех приправ литовский бигос вкусен,
В нем много овощей, и выбор их искусен;
Капусты квашеной насыпанные горки
Растают на устах по польской поговорке.
Капуста тушится в котлах не меньше часа,
С ней тушатся куски отборнейшего мяса,
Покуда не проймет живые соки жаром,
Покуда через край они не прыснут паром
И воздух сладостным наполнят ароматом.
Готово кушанье... [15, с. 676]

Описание более 20 блюд, употреблявшихся шляхтой Беларуси (названных литовскими), представлено в книге Л. Голомбёвского (1773–1849) «Дома и дворы» [16, с. 30]. В то же время эта работа имеет ряд недостатков, которые проистекают главным образом из ее эклектичного, даже компилятивного характера. Известно, что при ее написании автор пользовался преимущественно печатными источниками, ссылки на которые, однако, отсутствуют. Материал систематизирован слабо, совершенно по разным критериям; очень тяжело отделить данные с территории Беларуси от информации из других регионов Речи Посполитой; часто непонятно, идет ли речь о еде крестьян или высших слоев общества.

В. Сырокомля (1823–1862) в своих произведениях уделял некоторое внимание культуре питания шляхты. В частности, отметил, что популярными блюдами в ее среде были жареная говядина, шляхетский борщик с копченой свиной грудинкой, полендвица и др. Из напитков, кроме пива, среди шляхты был очень распространен питной мед, который на протяжении многих лет настаивался в погребе. Чем старше он был, тем выше ценился [5, с. 84].

Интереснейшими источниками по культуре питания шляхты белорусских земель середины – второй половины XIX в. являются кулинарные книги. В 1825 г. была напечатана книга «Совершенный повар» [17], в 1848 – «Литовская хозяйка», в 1854 – «Литовская кухарка», в 1860 – «Литовский повар».

Вслед за А. Ельским принято считать, что автором книги «Литовская хозяйка» является Анна Тюндевицкая (из рода Прушинских) (1803–1850), шляхтянка, которая родилась в имении Королицевичи под Минском, а потом была женой председателя дворянства Борисовского уезда [18, с. 3–6]. «Литовская хозяйка» – это справочник по ведению хозяйства, который содержит более четырехсот интересных полезных рецептов и рекомендаций по приготовлению блюд, приемам заготовки и хранения продуктов и др. В отличие от многих кулинарных книг своего времени, большинство рецептов, приведенных в издании, являются местными, а не перепечатанными из западноевропейских кулинарных книг. По сегодняшний день большой интерес представляют рецепты изготовления сыров, колбас, рыбных блюд и блюд из дичи, напитков. Среди последних большое распространение получил чай [18, с. 183], а кофе А. Тюндевицкая рекомендует смешивать с молотым корнем цикория; полезным считает автор употребление ржаного кофе [18, с. 182].

Изданию «Литовская кухарка» присущи те же особенности, что и «Литовской хозяйке». Кстати, во введении автор Винцента Завадская разъясняет, что очень часто представляли собой кулинарные книги того времени. По ее словам, это в большинстве своем были компиляции аналогичных немецких изданий, почти не приспособленные к местным условиям. При этом она выделяет среди них именно «Литовскую хозяйку», которая избежала подобных недостатков и поэтому пользовалась большой популярностью. В начале издания автор поместила меню на каждую неделю месяца в году, а затем перечень постных блюд и блюд на завтрак. При этом отмечен номер каждого блюда и страница, на которой оно

описано в основной части. Основная часть состоит из 20 разделов, где дано описание рецептов блюд, процесса их приготовления и другие полезные советы [19]. Книга стала бестселлером и выдержала не менее 15 переизданий. В 2013 г. она вышла в переводе на белорусский язык с красочными иллюстрациями [20].

Едва ли не единственный случай, когда сведения о культуре питания поляков Беларуси (впрочем, весьма скудные) содержатся в этнографической работе, – труд А.С. Дембовецкого (1840–1920) «Опыт описания Могилевской губернии», напечатанный в 1882 г. Автор отмечает лишь, что питание поляков было лучше, чем у белорусов, они пекли хлеб из хорошей, просеянной муки, часто ели супы с мясом, разные блюда из молока, яиц, сыра (сырники, ватрушки, колдуны и т. п.). В праздничные дни подавали также жареную баранину, поросят или птицу. Во время постов употребляли соленую и свежую рыбу, клецки с луком, конопляным маслом или маком и др. Некоторые пили кофе и чай [21, с. 606].

Известная польская писательница Элиза Ожешко (1841–1910) перед написанием своего главного произведения, посвященного мелкой шляхте Гродненщины, – романа «Над Неманом» – некоторое время жила в шляхетском застенке, чтобы как можно лучше узнать жизнь его обитателей, их заботы и надежды. Это позволило с большой, почти документальной, точностью отразить в своих художественных произведениях особенности культуры этой группы (обладавшей польским этническим самосознанием).

В своих произведениях Э. Ожешко уделила внимание традициям питания, в частности, мелкошляхетским трапезам: «Пододвинув стулья и лавку, все уселись за длинный стол и положили на глиняные тарелки яичницу и протоквашу. Несколько минут ели молча. Ели особенно старательно, соблюдая пристойность, осторожно отламывали от толсто нарезанного хлеба маленькие куски, двумя пальцами подносили их ко рту, свои деревянные ложки держали изящно и ловко, ели тихо и неспешно и после каждого глотка ложили ложки на стол. В этой особенной, очень спокойной и степенной манере держаться за столом отражалась привитая еще с детства сдержанность и боязнь показать себя прожорливым и невоспитанным» [22, с. 213–214].

Подмечено Э. Ожешко широкое употребление мелкой шляхтой чая, который пили с сахаром, без молока, иногда вприкуску с вареньем;

широко использовался самовар, который был обычным предметом обихода [22, с. 126–127, 214]. Из произведений писательницы можно сделать вывод, что кофе был популярен преимущественно среди представителей высшего общества, в то время как мелкая шляхта предпочитала чай.

Большой интерес для исследователей культуры польского населения Беларуси представляют мемуары известного фотографа Яна Булгака (1876–1950), написанные в годы Второй мировой войны, но посвященные концу XIX – началу XX в. В 2004 г. они были опубликованы в переводе на белорусский под названием «Край дзіцячых гадоў». Они являются интереснейшим источником по культуре шляхты средней руки белорусских земель. В них, в частности, встречаются весьма красочные описания традиций питания. Я. Булгак описывает блюда, подаваемые на ужин: каша, клецки, вареники, овощи с маслом, колбасы; он пишет о том, что в воскресные и праздничные дни на столе появлялись жаркое, куры, утки и гуси, а также десерты (для них каждая хозяйка заготавливала несколько больших банок конфитюров и повидла). Весьма популярным было брусничное повидло темно-красного цвета; конфитюры делали из малины, клубники, вишни, крыжовника. Обычным алкогольным напитком средней и мелкой шляхты было пиво собственного приготовления [23, с. 93].

Особенно красочно и подробно в мемуарах Я. Булгака описаны трапезы, в частности, повседневный ужин, за который обычно садились около восьми часов вечера. На ужин обычно подавали картошку с кислым молоком и сметаной. Заменой картошке служили забеленный крупник, в который также добавляли картошку, затирка (делалась из ржаной, пшеничной или «приварковой» муки, представлявшей собой смесь ячменной и гречневой), лемешка – густое тесто из гречневой муки с добавлением молока. Более сытным вариантом являлась очень густо сваренная гречневая каша («железная каша»), которую подавали зашкваренной, т. е. с салом. Автор отмечает близость этих блюд крестьянской кухне, их простоту и неприхотливость [23, с. 180].

Весьма подробно Я. Булгак описал пасхальную трапезу и связанные с ней обряды. Перед тем как разговляться на Пасху, хозяин должен был обязательно окропить все усадебные постройки святой водой, принесенной накануне из костела. Непосредственно перед главной трапезой пасхальным утром все делились друг с другом освященным яйцом,

произнося при этом свои пожелания. Пасхальный стол отличался обилием мясных и сладких блюд, на него подавались различные виды ветчины, колбас, зельца, заливная рыба, запеченный целиком поросенок и пасхальные изделия из теста: мазурки, торты, слойки и знаменитые старопольские «бабы». В центре стола на возвышении находился пасхальный агнец из масла или сахара. Описание пасхального стола Я. Булгаком очень живописно: «Спереди возвышается, как на троне, свиная голова, украшенная зеленью, держащая в зубах красное яйцо. За ней располагаются тетерев, поросенок, телятина и говядина, наконец стопы колбас и горы шинок. Посередине фигурируют самые чудесные торты, богато прибранные вареными фруктами и ягодами, а между ними – корзинка с расписанными яйцами, сахарный барашек с позолоченными рогами и хоругвочка, привезенная как-то из города. Мазурки и лепешки, белые и желтые, коричневые и радужные лежат везде понемногу, а на четырех концах – чудесные бабы, толстые как пузыри, расселись горделиво и стерегут стол, как будто четыре башни оборонной крепости. Хлеб, сыры и прочие вещи, которые уже не получилось разместить, идут на другой стол около стены. Там возвышались горы салфеток, тарелок и столовых приборов, в ряд вытянулись бутылки с разноцветными напитками: вишневкой, сливянкой, апельсиновой и старкой, а сопровождение граненых рюмок придает батарею еще больше глянцевой роскоши. Поздним вечером с последним стежком иголки, которая прикрепляет к внешней стороне скатерти гирлянды зелени, пасхальный стол готов» [23, с. 213].

Замечательные строки посвятил Я. Булгак чайной церемонии («хэрбата») [23, с. 93–94], приобретшей, по его мнению, к началу XX в. черты национальной традиции у поляков Беларуси.

Роман Ф. Чернышевича «Надберезинцы» впервые был опубликован в Буэнос-Айресе в 1942 г., а в 2017 г. был издан в переводе на белорусский язык. Автор произведения родился в Бобруйском уезде в 1900 г. в семье мелкого шляхтича. Детские и юношеские годы Ф. Чернышевич провел на белорусских землях, принимал участие в бурных политических и военных событиях. Критики и исследователи творчества Ф. Чернышевича единодушны в том, что его произведения имеют документальную основу [24; 25]. Лингвист И. Грек-Пабис на основании его произведений даже составила словарик слов и выражений, характерных для польского языка белорусских земель [26]. Этнологи также

могут найти в произведениях Ф. Чернышевича много интересной информации о культуре поляков восточнобелорусских земель.

В частности, в романе Ф. Чернышевича «Надберезинцы» содержатся сведения о питании местного польского населения, главным образом праздничном: «Завтрак женщины сегодня приготовили чрезвычайно щедрый: пеклеванные ячменные блины, мочанка с яйцами, густо посыпанными шкварками и копчеными стружками, на закуску – картофельные клецки на молоке и кислое молоко со сметаной и сыром» [27, с. 33]. «...потом возвращались к радостям Пасхи в Смолярне, к освященным яйцам, вареникам, копченой свинине, фаршированным пороссятам, сладким сырникам и макаронам на молоке, к игре в битки, к музыке, танцам и межсоседской болтовне» [27, с. 93].

Так выглядит описание богатого стола: «Что касается еды, то у него настали настоящие пасхальные праздники. На завтрак был чай, пшеничная булка, свежий подслащенный сыр, а иногда еще и блинцы, на обед – фаршированный поросенок или курица, пшеничные вареники, которые прямо плавали в жире, просяная каша, сваренная на молоке и заправленная маслом и смешанной с творогом сметаной, на ужин – пеклеванные гречневые блины, верещака со свинными ребрышками и макароны на молоке. По средам и пятницам постные дни, вместо мяса и молочных продуктов ему приносили свежую рыбу наивысшего качества, поджаренную на постном масле, селедку, овсяный и клюквенный кисель, который запивался разбавленным медом, мак, варенье и печенье» [27, с. 193–194].

Таким образом, хотя поляки в XIX – начале XX в. составляли значительную этническую группу на белорусских землях, однако их культура, особенно материальная, не была объектом специального исследования этнографов, и сбор информации о ней на систематической основе не проводился. Сведения о культуре белорусских поляков указанного периода содержатся преимущественно в художественной и мемуарной литературе. Дополнительными источниками по культуре питания выступают кулинарные книги того времени. Оба вида источников имеют общие характерные черты. Во-первых, они рассказывают нам преимущественно о культуре высших и средних социальных слоев, и в меньшей степени – о культуре слоев низших, хотя в количественном отношении последний составлял подавляющее большинство. Во-вторых,

описания, представленные в произведениях художественной литературы, носят очень субъективный характер, факты, там приводимые, авторами не проверялись (исключения здесь составляют произведения Э. Ожешко, которая лично посещала шляхетские околицы и подолгу общалась с их жителями), зачастую произведения писались спустя много лет после событий, иногда в иммиграции. Наконец, специфическими особенностями кулинарных книг являются их компилятивный характер (публикация рецептов из подобных зарубежных изданий, авторских рецептов и др.), ориентация на высший и средний слои общества, стремление представить необычные, зачастую экзотические, блюда.

Несмотря на вышеупомянутые недостатки, следует признать большую научную ценность обоих видов источников. При должном критическом подходе к ним, перепроверке содержащейся в них информации художественные произведения и кулинарные книги предоставляют нам ценные сведения по культуре поляков Беларуси XIX – начала XX в., в частности, по традициям питания.

Список литературы

1. Міхайлец М.А. Асаблівасці матэрыяльнай культуры польскай этнічнай супольнасці Беларусі (XIX–XX стст.) // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 3. (матэрыялы Міжнароднай навук. канф., прысвечанай 50-гадоваму юбілею ІМЭФ імя К.Крапівы НАНБ “Мастацтва, фальклор, этнічныя традыцыі ў вырашэнні актуальных задач сучаснай культуры”, Мінск, 7–8 чэрвеня 2007 г.). – Ч. 2. – Мінск: ВГАА “Права і эканоміка”, 2007. – С. 158–163.

2. Міхайлец М.А. Раман Фларыяна Чарнышэвіча “Надбярэзінцы” як крыніца вывучэння культуры палякаў Усходняй Беларусі пачатку XX ст. // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: этнакультурныя традыцыі і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал.: В. А. Міхедзька (адказны рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2017. – С. 196–202.

3. Мальдзіс А.В. Падарожжа ў XIX ст.: 3 гісторыі беларускай літаратуры, мастацтва і культуры. – Мінск: Нар. асвета, 1969. – 206 с.

4. Мальдзіс А.В. Творчае пабрацімства. Беларуска-польскія літаратурныя ўзаемасувязі ў XIX ст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 160 с.

5. Цвірка К.А. Слова пра Сыракомлю. Быт і культура беларусаў у творчасці «вясковага лірніка». – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – 200 с.

6. Наваградскі Т.А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст. – Мінск: БДУ, 2015. – С. 12–13.

7. Бандарчык В.К. Гісторыя беларускай этнаграфіі – пач. XX ст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 123 с.

8. Бандарчык В.К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1964. – 232 с.

9. Беларусы: у 8 т. / рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1995–2005. – Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння / В.К. Бандарчык. – 1999. – 365 с.

10. Gostomski W. Arcydzieło poezji polskiej A. Mickiewicza "Pan Tadeusz". – Kraków: Nakładem Księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1894. – 266 s.
11. Tarnowski S. O "Panu Tadeuszu". – 2-e wyd. - Kraków: Nakładem Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1922. – 104 s.
12. Живов М. Адам Мицкевич: жизнь и творчество. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. – 591 с.
13. Несцярчук Л. Адам Міцкевіч: геній, паэт, ліцвін. – Брэст: Брэсцкая друкарня, 2019. – 375 с.
14. Галабурда Н., Зуеў Ул. Шляхецкая кухня часоў Адама Міцкевіча // Altanka. – 2008. – №1. – С. 24–27.
15. Міцкевіч А. Пан Тадэвуш, або Апошні наезд у Літве: шляхецкая гісторыя з 1811 і 1812 гг. у дванаццаці кнігах вершам / укладанне У. Гілеп і інш. – Мінск: Беларускі фонд культуры, 1998. – 878 с.
16. Gołębowski. Domy i dwory. – Warszawa: Druk. N. Glücksberga, 1830. – 298 s.
17. Kucharz doskonały w wyborzym guście z oszczędnością dogodny, czyli sposób gotowania różnych potraw z mięsa i ryb, robienia do nich gąszczów, sosów, galaretów. – Grodno: W drukarni Zymela. – wyd. 3. – 185. – Т. 1–2. – 350 s.
18. Літоўская гаспадыня, ці навуча аб утрыманні ў добрым стане хаты і забяспячэнні яе ўсімі прыправамі і запасамі кухоннымі і аптэкарскімі і гаспадарчымі, а таксама гадаванні і ўтрыманні скаціны, птушкі і іншай жывёлы адпаведна спосабам найбольш выпрабаваным і правераным вопытам і да таго ж самым танным і простым / пер. з польскай П.Р. Казлоўскага, В.В. Нядзвецкай. – Мінск: Палымя, 1993. – 336 с.
19. W.A.L.Z. Kucharka Litewska. – Wilno: Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1860. – 522 s.
20. Завадская В. Літоўская кухарка. Першая беларуская кулінарная кніга: пераклад з польскай мовы. – Мінск: Харвест, 2013. – 431 с.
21. Дембовецкі А.С. Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 1. – Могилев, 1882. – 782 с.
22. Ожешко Э. Над Неманом. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 383 с.
23. Булгак Я. Край дзіцячых гадоў. – Мінск: Беларусь, 2004. – 415 с.
24. Zadencka M. W poszukiwaniu utraconej ojczyzny: obraz Litwy i Białorusi w twórczości wybranych polskich pisarzy emigracyjnych: Florian Czarnyszewicz, Michał Kryspin Pawlikowski, Maria Czapska, Czesław Miłosz, Józef Mackiewicz // Acta Universitatis Upsaliensis. – 1995. – №35. – 223 s.
25. Bednarczuk L. O języku polskim nad Berezyną // Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. – Kraków, 1999. – S. 204–215.
26. Grek-Pabisowa I. Słownictwo kresowe z powieści Floriana Czarnyszewicza "Nadbereżyńcy": mało znane świadectwo zaginionej polszczyzny przełomu XIX i XX w. // Acta Baltico-Slavica. – 2009. – №33. – S. 205–228.
27. Чарнышевіч Ф. Надбярэзінцы: раман у трох частках, заснаваны на рэальных падзеях; пер. з пол. К.С. Маціеўскай [і інш.]; пад рэд. М.А. Мартысевіч. – Мінск : А.М. Янушкевіч, 2017. – 664 с.

References

1. Mikhailets M.A. *Asablivasci materyyał'naj kul'tury pol'skaj etnichnaj supol'nasci Belarusi (XIX–XIX stst.)* [Features of the material culture of the Polish ethnic group of Belarus 19th – 20th centuries] // *Pytanni mastactvaznaustva, etnologii i fal'klarystyki*. 2007. – Вып. 3. – Vol. 2. – S. 158–163.
2. Mikhailets M.A. *Raman Flaryyana Charnyshevicha "Nadbyarezincy" yak krynica vyvuchennya kul'tury palyakau Uskhodnyaj Belarusi pachatku XIX st.* [Florian Charnyshe-

vich's novel "Nadberezincy" as a source of studying the culture of Poles of Eastern Belarus in the early 20th century] // *Belarus u XIX–XXI stagoddzyah: etnakul'turnyya tradytsy i nacyyanal'na-dzyarzhauyya pracesy* [Belarus in the 19th – 21th centuries: ethnocultural traditions and national-state processes]. – Homel: HSU, 2017. – S. 196–202.

3. *Maldzis A.V. Padarozhzhya u XIX st.: Z gistoryi belaruskaj litaratury, mastactva i kul'tury* [Journey in the 19th century: from the history of Belarusian literature, art and culture]. – Minsk: Nar. asvieta, 1969.

4. *Maldzis A.V. Tvorchae pabracimstva. Belaruska-pol'skiya litaraturnyya uzaemasuvyazi u XIX st.* [Creative brotherhood. Belarusian – Polish literary relations in the 19th century]. – Minsk: Navuka i tekhnika, 1966.

5. *Tsvirka K.A. Slova pra Syrakomlyu. Byt i kul'tura belarusaŭ u tvorchasci «vyaskovaga lirnika»* [A word about Syrokomla. Life and culture of Belarusians in the works of 'village lyricist']. – Minsk: Navuka i tekhnika, 1975.

6. *Novogrodski T.A. Evalyucyya tradytsy harchavannyya belarusau u XIX–XX stst.* [Evolution of Belarusian eating habits in the 19th – 20th centuries]. – Minsk: BDU, 2015.

7. *Bandarchyk V.K. Gistoryya belaruskaj etnagrafii – pach. XIX st.* [History of Belarusian ethnography – early 20th century]. – Minsk: Navuka i tekhnika, 1970

8. *Bandarchyk V.K. Gistoryya belaruskaj etnagrafii XIX st.* [History of Belarusian ethnography of XIX 20th century]. – Minsk: Navuka i tekhnika, 1964.

9. *Bandarchyk V.K. Gistoryya etnalagichnaga vyvuchennyya* [History of ethnological study]. *Belarusy* [Belarusians]. V.1. V.K. Bandarchyk etc. (Ed.). (Vols. 1–8). – Minsk: Belar. navuka, 2005.

10. *Gostomski W. Arcydzieto poezyi polskiej A. Mickiewicza "Pan Tadeusz"* [A masterpiece of Polish poetry by A. Mickiewicz "Pan Tadeusz"]. – Kraków: Nakładem Księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1894.

11. *Tarnowski S. O "Panu Tadeuszu"* [About "Pan Tadeusz"]. – Kraków: Nakładem Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1922.

12. *Zhivov M. Adam Mickevich: zhizn' i tvorchestvo* [Adam Mickiewicz: life and work]. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1951.

13. *Nescyarchuk L. Adam Mickevich: genij, poet, licvin* [Adam Mickiewicz: genius, poet, litvin]. – Brest: Bresckaya drukarnya, 2019.

14. *Galaburda, N., Zueu Ul. Shlyahaekaya kuhnya chasou Adama Mickevicha* [Noble cuisine of the time of Adam Mickiewicz] // *Altanka*. – 2008. – Vol. 1. – S. 24–27.

15. *Mickevich A. Pan Tadevush, abo Aposhni naezd u Litve: shlyahaekaya gistoryya z 1811 i 1812 gg. u dvanaccaci knigah versham* [Pan Tadeusz, or The last raid in Litva: A noble story from 1812 and 1812 in twelve books in verse]. – Minsk: Belaruski fond kul'tury, 1998.

16. *Gołębiowski L. Domy i dwory* [Houses and manors]. – Warszawa: Druk. N. Glücksberga, 1830.

17. *Kucharz doskonały w wybornym guście z oszczędnością dogodny, czyli sposób gotowania różnych potraw z mięsa i ryb, robienia do nich gąszczów, sosów, galaretów* [An excellent cook of an marvelous taste with a convenient economy, i.e. a way of cooking various dishes of meat and fish, making marinades, sauces, jellies for them]. – Grodno: W drukarni Zymela, 1825. Vol. 1–2.

18. *Litouskaya gaspadynya, ci navuka ab utrymanni u dobrym stane haty i zabyaspyachenni yae usimi prypravami i zapasami kuhonnymi i aptekarskimi i gaspadarchymi, a taksama gadavanni i utrymanni skaciny, ptushki i inshaj zhyvyoly adpavedna sposabam najbol'sh vyprabavanyim i praveranyim vopytam i da tago zh samym tannym i prostym* [Lithuanian housewife, or the science of keeping the house in good condition and providing it with all the spices and supplies of kitchen and pharmacy and household, as well as feeding and keeping cattle, poultry and other animals, respectively, in the most tried and tested way]. Minsk: Polymya, 1993.

19. W.A.L.Z. *Kucharka Litewska* [Lithuanian cook]. – Wilno: Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1860.
20. Zavadskaya V. *Litouskaya kuharka. Pershaya belaruskaya kulinarnaya kniga* [Lithuanian cook]. Minsk: Harvest, 2013.
21. Demboveckiy A.S. *Opyt opisaniya Mogilevskoj gubernii. Kn. 1* [The experience of describing the Mogilev province. Vol.1]. Mogilev, 1882.
22. Orzeszko E. *Nad Nemanom* [Over the Neman]. – Minsk: Narodnaya asveta, 1985.
23. Bulgak Y. *Kraj dzicyachyh gadou* [The country of my childhood]. – Minsk: Belarus, 2004.
24. Zadencka M. *W poszukiwaniu utraconej ojczyzny: obraz Litwy i Białorusi w twórczości wybranych polskich pisarzy emigracyjnych: Florian Czarnyszewicz, Michał Kryspin Pawlikowski, Maria Czapska, Czesław Miłosz, Józef Mackiewicz* [In search of the lost homeland: the image of Lithuania and Belarus in the works of selected Polish immigrant writers: Florian Czarnyszewicz, Michał Kryspin Pawlikowski, Maria Czapska, Czesław Miłosz, Józef Mackiewicz] // *Acta Universitatis Upsaliensis*. 1995. №35.
25. Bednarczuk L. *O języku polskim nad Berezyną* [About the Polish language on the Berezina river]. *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego*. – Kraków. 1999.
26. Grek-Pabisowa I. *Słownictwo kresowe z powieści Floriana Czarnyszewicza "Nadberezyńcy": mało znane świadectwo zaginionej polszczyzny przełomu XIX i XX w.* [Borderland vocabulary from the novel 'Nadberezyńcy' by Florian Czarnyszewicz: a little-known testimony to the lost Polish language at the turn of the 19th and 20th centuries] // *Acta Baltico-Slavica*. – 2009. – №33. – S. 205–228.
27. Charnyshevich, F. *Nadbyarezincy: raman u troh chastkah, zasnnavany na real'nyh padzeyah* [Nadberezyńcy: a novel in three parts, based on real events]. – Minsk: A.M. Yanushkevich, 2017.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 316.7(476)

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25419501_2020_4_35

И.С. Маховская

Белорусское местечко как социокультурный феномен

Местечки, известные на территории Беларуси начиная с XIV в., представляют собой особый социокультурный феномен, сыгравший важную роль в истории. Возникшие как торгово-посреднические центры, местечки сочетали черты городского и сельского поселений, основные занятия населения также включали как характерные городские, так и сельские направления деятельности. Для местечек характерна полиэтничная и поликонфессиональная среда. Вследствие насильственного выселения евреев из сельских поселений самыми крупными общинами местечек были еврейские, которые во много определили типичные характеристики местечка. Кроме белорусской и еврейской общин в местечках зачастую проживали польская и татарская. Типичная застройка местечка включает торговую площадь как планировочный центр, вокруг которой находились культовые сооружения: костел, церковь, синагога, получившие название «белорусский треугольник». Феномен местечка заключается в организации пространства взаимодействия разных этноконфессиональных групп в рамках малого социума.

Ключевые слова: Беларусь, местечко, Мир, штетл, история Беларуси, устная история, поликультурность, национальные меньшинства, белорусы, евреи, поляки, татары.

Irina S. Makhovskaya

Belarusian little town as a socio-cultural phenomenon

The little towns, known on the territory of Belarus since the XIV century, represent a special socio-cultural phenomenon that played an important role in history. Little towns, which emerged as trade and intermediary centers, combined the features of urban and rural settlements. Main occupations of the population also included both typical urban and rural areas of activity. The characteristics of little towns is multi-ethnic and multi-confessional environment. Due to the forcible eviction of Jews from their rural settlements, the largest communities of the townships were Jewish, which mostly determined the typical characteristics of the town. In addition to the Belarusian and Jewish communities, Polish and Tatar communities often lived in the little towns. Typical development of the town includes a trading square as a planning center around which there were religious buildings: a catholic church, an orthodox church, a synagogue, called the "Belarusian triangle". The phenomenon of the little town consists in organizing the space of interaction between different ethno-confessional groups within the framework of a small society.

© Маховская И.С., 2020

© Makhovskaya Irina S., 2020

Key words: Belarus, little town, Mir, shtetl, history of Belarus, oral history, multiculturalism, national minorities, Belarusians, Jews, Poles, Tatars.

Местечки как поселения известны на территории Беларуси с XIV–XV вв. Слово «местечко» является уменьшительной формой от общеславянского «место» (город). Возникают они, как правило, на месте торгов неподалеку от великокняжеских или иных частновладельческих усадеб, исполняя роль торгово-посреднических центров между городом и деревней. Самые древние местечки были образованы рядом с замками (Иказнь, основана в 1504 г.), монастырями (Жировичи, основаны в 1643 г.), а также на перекрестках торговых путей на месте бывших деревень [1, с. 97].

Торговля всегда была определяющим фактором развития местечка, но лишь этим роль его не ограничивалась, связующая, объединяющая функция прослеживается буквально во всех аспектах его жизнедеятельности. Это не город в полной мере, но и не деревня, в местечке сочетаются городской и сельский быт. Проблема определения понятия «местечко» занимает значительное место в исследованиях, в качестве ключевых рассматриваются различные характеристики. В первую очередь отмечают такие отличия местечка от города, как меньшее количество населения, упрощенная социальная структура. От деревни местечко отличается наличием стационарной торговли, планировка и застройка поселения более сложная и разнообразная, административно местечко имеет более высокий статус [2, с. 251]. При том что значительное количество населения занято в сельском хозяйстве, в целом местечко характеризуется большим, чем в деревне, разнообразием сферы занятости. Здесь представлены ремесло, торговля, посредническая деятельность [3, с. 43]. Многие исследователи относят местечко к категории городов, подчеркивая лишь их небольшой размер – не более 300 дымов [4, с. 9].

Одна из определяющих черт местечка – полиэтничность и поликонфессиональность населения. Привязка культовых объектов к планировочному ядру местечка – торговой площади – получила название «белорусский треугольник»: церковь – костел – синагога, к которым в некоторых местечках добавлялись также мечеть или кирха. В белорусских местечках сложились как минимум две культурные среды – еврейская и белорусская, к которым во многих местечках еще прибавлялись польская и татарская [5, с. 5; 3, с. 43; 6, с. 197].

Крайне важна посредническая роль местечка, они выполняли функцию контактной зоны для крестьян из ближайших деревень, населения самого местечка и торговцев из других городов. Вместе с тем местечки играли роль ремесленного, а то и промышленного центра округи, выполняли не только торговые функции, но и административные, образовательные, культурные и религиозные [5, с. 45; 7, с. 34].

Подытоживая подходы к определению, известная исследовательница местечек Беларуси Инна Соркина предлагает следующее: «Местечки целесообразно рассматривать как отдельный тип поселений, нетождественных ни деревне, ни городу, который исполнял функции экономического, административного, коммуникативного, культурного центра сравнительно небольших сельских районов, которые, как правило, не имели городов. Местечки органично сочетали черты и сельских, и городских поселений. Это проявлялось в хозяйственных занятиях, структуре населения, архитектуре... Специфика местечек во много определялась этим пересечением города и деревни» [5, с. 46].

В литературе, живописи, а нередко и исторических исследованиях местечку была уготована роль утраченного рая, прекрасного места, где все жили в мире и согласии, и откуда родом приписываемые белорусам толерантность, рассудительность и терпимость. В известной мере такая идиллическая картина является результатом мифологизации образа местечка. Но в любом случае местечки представляют огромный исследовательский интерес как социокультурный феномен, сыгравший важную роль в истории Беларуси. Колорит и особый образ жизни маленького городка, где все были знакомы друг с другом, тесно взаимодействовали в повседневной жизни, представляя при этом пеструю поликультурную и поликонфессиональную среду, неизменно привлекает внимание историков, антропологов, писателей, художников и музыкантов.

Особенности белорусского местечка как социокультурного феномена будут рассмотрены на примере местечка Мир, который стал объектом устноисторического исследования, проведенного автором совместно с И. Романовой в 2003–2005 гг. Исследовательский фокус был максимально широкий, так как нас интересовало все, что миряне помнят об истории местечка, а также как они помнят и как презентуют эту историю. В качестве основного метода использовалось биографическое (лейтмотивное и нарративное) полуструктурированное интервью. В ходе исследования были записаны 85 интервью с жителями Мира

1910–1930-х гг. рождения. Результаты исследования были изложены в книге «Мир: история местечка, рассказанная его жителями» [8]. В данной статье использованы воспоминания, относящиеся к 20–30 гг. XX в., частично вошедшие в книгу, а также ранее не публиковавшиеся.

Первое упоминание Мира в письменных источниках относится к 1396 г., когда он был сожжен крестоносцами. С 1486 г. Мир, как частное владение, переходит к роду Ильиничей, которые в 1510–1520-е гг. возводят замок, который и поныне обеспечивает Миру широкую известность и популярность в качестве туристской дестинации¹. В 1568 г. Мир переходит во владения князей Радзивиллов, затем в 1829 г. становится собственностью рода Витгенштейнов, а в 1891 г. Мирский замок и усадьбу приобрели князья Святополк-Мирские, которые владели им до прихода советской власти в 1939 г. [8, с. 57; 9].

История Мира в XX в. – это история многократной смены власти. На момент начала XX в. Мир входил в состав Российской империи вследствие разделов Речи Посполитой. По условиям Рижского мирного договора Мир отошел к Польше в 1921 г. 17 сентября 1939 г. Мир был занят советскими войсками (местные жители называют период 1939–1941 «первые Советы»). 27 июня 1941 г. Мир был захвачен немецкими войсками и находился под властью Германии до освобождения 7 июля 1944 г. С этого момента – центр Мирского района Барановичской области БССР, с 1956 г. – вошел в состав Кареличского района Гродненской области БССР, с 1991 г. – Республики Беларусь. О жизни в Мире в XX в. ёмко выразилась одна из наших информанток: «Жили при Польше, пришли русские, потом – немцы, потом – русские. Все это надо было пережить» [10].

Среди различных национальных общин местечек самыми крупными были еврейские. Евреи-ашкеназы переселяются на земли Речи Посполитой с XV–XVI вв., но среди местечкового населения их доля первоначально была незначительной. В XVII в., особенно после войны между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 гг., в которой было уничтожено более половины городского населения [11, с. 130], активизируется приток евреев прежде всего в частновладельческие города, где еврейским общинам обещались безопасность, сохранность имущества, свобода торговли, религии и самоуправления [12].

¹ В 2000 г. замок был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

После разделов Речи Посполитой происходит окончательная кристаллизация социокультурной модели местечка. В 1791–1794 гг. определяются территории «черты еврейской оседлости», восточнее которых евреям запрещалось селиться. Восточная граница территорий совпадала с границей белорусских губерний. Дальнейшая политика царского правительства была направлена на вытеснение еврейского населения из сельских поселений, что оказало мощнейшее влияние на развитие местечек. Законодательно выселение евреев из деревень было закреплено в 1804 г. «Положением о евреях», в котором последним запрещалось арендовать шинки, кабаки и постоялые дворы в деревнях и продавать там вино. Также запрещалось жить в деревнях «под каким бы то видом ни было, разве проездом» [цит. по 5, с. 72]. В результате количество городского населения в границах современной Беларуси возросло за 1786–1885 гг. в 7,5 раз. В конце XIX в. в 44 городах Беларуси евреи составляли 53,5 % [13].

Одним из результатов Положения стал рост количества местечек. Крупные землевладельцы Речи Посполитой могли основывать местечки без отдельного разрешения верховных властей еще с конца XVI в., и царское правительство не вмешивалось в существовавшее правило, признавая местечками все поселения, претендовавшие на это звание. А в 1810 г. выходит указ Сената, согласно которому помещики могут переводить свои сёла и деревни в статус местечек для торговли вином, что было запрещено в деревнях. Для перевода достаточно было разрешения губернатора [14, с. 18–19, 5, с. 53]. В результате в губернские администрации была подана масса прошений о переводе сел в местечки, иногда в весьма своеобразные. Так, в 1825 г. было основано местечко Мальта Режицкого уезда Витебской губернии. Во время осмотра губернатором региона было обнаружено, что в этом местечке всего три здания: корчма и две бани [5, с. 53].

Преобразования сел в местечки использовались помещиками как способ сохранить возле себя еврейское население и доходы от аренды и посреднических услуг. Несмотря на предписываемую губернским властям строгость и разборчивость в процессе выдачи разрешений на перевод, статистические материалы по Виленской губернии за 1861 г. свидетельствуют, что из 189 зарегистрированных местечек только девять соответствовали статусу местечка, остальные были не более чем деревнями, заселенными евреями [15, с. 704].

Следствием насильственного выселения евреев из сельской местности стала большая концентрация их в городах и местечках, что приводило к значительной скученности, росту конкуренции и обеднению населения. В то же время концентрация евреев в городах и местечках способствовала консервации здесь еврейской традиционной культуры и образа жизни. Местечки были не просто населенными пунктами, характер, особый стиль жизни их определяла еврейская община, жившая замкнуто своим миром по законам Галахи. Община непосредственным образом влияла на жизнь каждого своего члена, проповедуя идишкайт (традиционные еврейские ценности) и меншлихкайт (гуманность) [12]. Образ жизни, обычаи и традиции, в целом еврейская культура, ассоциируются в первую очередь с местечком или штетлом, который рассматривается как натуральная еврейская среда обитания, как типично еврейский городок.

И в научной, и в художественной литературе складывается ностальгический дискурс в отношении штетла как некоего заповедного ландшафта [16, с. 34], замкнутого и самодостаточного еврейского микроскопа [17], малой еврейской родины, своего рода «Израиля в изгнании» [5], метонимического хронотопа утерянного мира ашкеназских евреев [18]. Термин «штетл» был введен в широкий оборот работой Э. Герцог и М. Зборовского «Жизнь с народом», где изображается картина идеального места, исключительно еврейская «натуральная среда обитания» [19].

Понятия «штетл» и «местечко» нередко используются как синонимы, что не совсем верно, так как в этом случае игнорируется белорусская, польская, литовская или украинская составляющая местечек. На самом деле местечек с чисто еврейским населением было крайне мало, на территории Беларуси это местечко Захарино Мстиславского уезда. В то же время были местечки, в которых вовсе не было еврейского населения, например, м. Греск, здесь в первой половине XIX в. не было зафиксировано ни одного еврейского двора [5, с. 47]. В современной историографии штетл рассматривается не как изолированная среда, а как зона, связывающая евреев с христианами и евреев с евреями, зона интенсивных межэтнических и межрелигиозных контактов [17]. Инна Соркина предлагает рассматривать штетл как «еврейское физическое и духовное пространство в белорусском (польском, украинском, литовском) местечке», а наличие штетла называет главной особенностью белорусского местечка [5, с. 48].

Основная роль местечек как центров местной торговли и важных коммуникативных транспортных узлов сказывалась не только на характере занятий населения, их планировка и застройка также наилучшим способом соответствовала этой роли. Градостроительная основа местечек Беларуси соответствует западноевропейской. В особенности это касается местечек Западной Беларуси, в Восточной – застройка местечек была ближе к сельской [20, с. 137].

Планировочным ядром местечковой застройки была рыночная площадь, что является характерной чертой европейских средневековых городов. Рыночная площадь, чаще всего прямоугольная или квадратная, была центром, вокруг которого сосредотачивались торговые объекты (торговые ряды, магазины, лабазы, склады), культовые сооружения (синагоги, костел, церковь, мечеть), административные здания, а также гостиные двory, корчмы и рестораны. По периметру площадь застраивалась жилыми домами, причем, как правило, центр местечка был местом компактного расселения евреев, что также обеспечивало своеобразие местечкового архитектурного облика. Еврейские дома отличались от белорусских как размером, так и планировкой, материалом изготовления. В м. Мир на рыночной площади находились магазины, расположенные в два ряда, вокруг площади были возведены костел св. Николая, Троицкая церковь, и комплекс зданий Синагогального двора: холодная и теплая синагоги, школа, иешива и кагальные постройки, неподалеку находилась татарская мечеть.

Планировка Мира имела радиально-веерный характер, и уличная система была связана с дорогами, ведущими в крупные города. Назывались улицы в соответствии с направлениями: Слонимская, Виленская, Несвижская и Минская. Городская планировка является выразительной особенностью местечек: она складывается в соответствии с путями сообщения, что обеспечивает удобство торговцам и путешественникам и содействует реализации посреднической функции местечка и его функционированию в качестве транспортного узла.

Многие местечки именно как транспортные узлы и были основаны [5, с. 98]. Как правило, эта сфера деятельности была в ведении еврейской части населения. В Мире в 20–30 гг. XX в. было налажено регулярное автобусное сообщение с ближайшими городами. Автобусы принадлежали братьям Кравец. Наш информант вспоминает, как его отец выполнял заказ по обивке сидений мирского автобуса: «Тут автобуса

уже два было, двух евреев. Возили в Городею, в Новогрудок. Двух братьев автобусы. [...] Каждый день ходили, как сейчас маршрутный автобус. [Не знаю] дорого ли, мне не приходилось. При Польше, это еще в году где-то 1930-м. [...] Они узнали, что отец занимается этим делом, так они, чтобы автобус не стоял долго, потому что это ж, знаете, для них заработок, и срывает линию. Так он что, фамилия его Кравец, заключили договор таки с отцом: за пять дней чтобы ты все сидения нам обобил. И он, бедняга, всю ночь не спал, не ел. А я больной был на корь, это ж тогда корью болели дети. А меня завесили, отгородили, а он ночью стучит. Так он: сынок, ты уже прости меня, я тебе куплю что-нибудь в подарок. Я уже молчу: деньги – 100 злотых за тые сидения, это корова, за пять дней! Корову заработал. И он мне потом ножик, перочинный ножик. И я с тех пор, и в армии был, и на фронте был, и у меня всегда ножик в кармане, всегда. Я и теперь. Ну, не этот ножик, а уже другой. А я всегда ношу с собой ножик. Вот что-нибудь надо, а в кармане есть. Вот это мне в памяти осталась» [21].

В основном транспорт был гужевой. Евреи-балаголы держали лошадей для доставки грузов из Мира на ближайшую железнодорожную станцию Городея, а также в другие населенные пункты. На лошадях также доставляли в Городею спирт, изготовленный на Мирском спиртзаводе. Роль местечка как транспортного узла стимулировала развитие сопутствующих услуг: постоянных дворов, корчем, ресторанов, ремонт транспортных средств и т. д. В Мире был постоянный двор, несколько гостиниц и целых пять ресторанов [8, с. 23].

Главным фактором возникновения местечек, определившим их внешний облик и влиявшим на само содержание этого особого социокультурного феномена, была торговля. Она реализовывалась в нескольких формах: стационарной и периодической. Основной формой, определявшей специфику местечка, была именно периодическая торговля: еженедельные базары и ярмарки, которые проходили несколько раз в год. На базарах, которые проходили каждую неделю (в Мире по понедельникам), торговали продуктами, ремесленными товарами. Мир особенно славился гончарными изделиями. Эта форма торговли обеспечивала потребности прежде всего населения местечка и близлежащих деревень.

Ярмарки проходили реже, несколько раз в год, это было событие гораздо более широкого, межрегионального, а нередко международного масштаба. Мир, как и ряд других местечек Беларуси, был широко известен конскими ярмарками. По сведениям за 1833 г., в Мире проходило восемь ярмарок в год [9]. В XX в. до Второй мировой войны было три ярмарки в год, они были приурочены к дню св. Дмитрия 26 октября (8 ноября) и дням св. Николая 9 (22) мая и 6 (19) декабря. На ярмарках торговали лошадьми, а также другими животными: коровами, овцами, свиньями и т. д. Здесь же продавали выделанные кожи, сбрую для лошадей. Наши информанты вспоминают, что на ярмарку приезжали представители польского правительства закупать лошадей для армии. А одну из сельскохозяйственных выставок, которые приурочивались к ярмаркам, посетил президент Польши Игнаций Мосцицкий [21]. Мир славился не только конским базаром, но и конокрадством. Александр Ельский описывает Мир второй половины XIX в. как гнездо отлично организованных конских воров. По его свидетельству, в мирском костеле св. Николая была икона св. Антония, опекуна потерянных вещей. И вся икона была увешана серебряными дарами в виде лошадей [22, с. 289]. По свидетельству очевидцев, в 30-е гг. XX в. с ярмарочными ворами полиция вполне справлялась: *«Было 2 злодзее¹: Тармола и еще [один] – карманники. Полиция приезжала за ними до кирмаша², забирала их и садила в каталажку до тех пор, пока кирмаш не закончится»* [23].

На ярмарках и базарах не только совершались торговые операции, здесь происходили деловые встречи, заключались договоры, к ярмаркам приурочивали проезд в местечко артисты, демонстрировались батлейки и райки, цыгане водили дрессированных медведей, разыгрывались лотереи и т. д. [24, с. 79–89]. Ярмарки были неким прообразом современных торговых центров, где сочетаются деловая и развлекательная среда. Вот как вспоминал один из наших информантов о базарах 30-х гг. XX в.: *«Мой отец надевал парадный костюм и шел на базар. Там он встречался со всеми друзьями и знакомыми, решал все важные вопросы»* [23].

Постепенно все большую роль начинала играть стационарная торговля. В 20–30 гг. XX в. в Мире было более сотни магазинов, что для

¹ Вора.

² Ярмарки.

местечка с населением около 5,5 тыс. чел. весьма немало. В основном это были небольшие лавочки, которые стояли в два ряда на рыночной площади и на примыкающих к ней улицах. Магазины в абсолютном большинстве принадлежали евреям, исключение составлял польский кооперативный магазин и обувной магазин, принадлежащий белорусу Бируле.

В памяти информантов ассортимент товаров, которые продавались в лавках, был поистине неисчерпаем. В первую очередь это были продукты и товары первой необходимости. Но если нужен был какой-то крупный товар, например, швейная машина или велосипед определенной марки, то можно было оставить заказ, и владелец магазина доставлял товар. Богатство выбора товаров в магазинах Мира описал этнограф Владислав Сырокомля. Он отмечал, что известность Мира как рая изобилия стала устойчивым выражением. Если про девушку, которая собралась замуж, говорили: «Поехала уже в Мир», это означало, что она начинает готовить себе приданое. Сырокомля обращал внимание на то, что смысл этой фразы был хорошо известен даже в местах, весьма от Мира отдаленных [25, с. 207].

Население Мира, как и других местечек, было многонациональным. Здесь проживали евреи, белорусы, поляки, татары, а в XVIII – начале XIX в. за Миром была закреплена слава цыганской столицы [26, с. 89]. Татарское население в регионе фиксируется с конца XIV в., а с конца XV – начала XVI – еврейское. Феномен местечка проявляется в организации единого социального и экономического пространства вполне комфортного сосуществования различных этносов, культур и религий в рамках небольшого сообщества, где фактически все друг с другом были знакомы.

Сотрудничеству и мирному сосуществованию во многом содействовало отсутствие экономической конкуренции вследствие разделения сфер деятельности между разными этническими группами. Христианское население – белорусы и поляки – были заняты в основном в сельском хозяйстве и ремесле, в первую очередь гончарном. Татары занимались огородничеством и выделкой кож. Торговое предпринимательство, посредническая деятельность, корчмарство, ремесло, транспорт было полем деятельности евреев.

Такая специализация обеспечивала не только отсутствие конкуренции, но и обязательное сотрудничество между этническими группами, так как профессиональная структура содействовала экономическим контактам и взаимодействию. Змитрок Бядуля о белорусах и евреях написал: «Соседство этих двух наций создало такие жизненные и экономические связи, в которых одна нация без другой не могла обойтись» [27, с. 24]. Взаимоотношения между представителями разных этнических групп характеризовались высокой степенью толерантности, хотя это далеко не всегда означало тесное общение или близкую дружбу. Дистанция между разными группами была различной, но она всегда присутствовала.

Наиболее сложной в сочетании контакта/дистанцирования была еврейская община. С одной стороны, поскольку в руках евреев была сконцентрирована торговля, в значительной мере – ремесло, полностью – медицинская сфера, то формальные повседневные контакты евреев с другими группами были неизбежны. Но сфера частной жизни была максимально закрытой от других групп.

В нашем исследовании мы смогли записать воспоминания о довоенном Мире только с точки зрения белорусов, поляков и татар. Евреев, которых было 3,3 тыс. чел. в 1939 г., после Второй мировой войны осталось только 40, а к концу XX в. не было ни одного. Но по Миру, в отличие от большинства местечек, существует довольно много источников эпистолярного и мемуарного жанра. В Мире до 1939 г. функционировала одна из самых знаменитых в Восточной Европе иешив, куда приезжали для получения образования студенты из самых разных стран: Англии, Голландии, Германии, США, Канады и др. Сохранились письма студентов-ешиботников своим родственникам, где они описывают повседневную жизнь в Мире, воспоминания студентов и раввинов, интересным источником является книга Рухомы Шайн «Все для босса», где от имени жены раввина описывается Мир в главе «Город из пяти улиц» [28–32]. Если бы в распоряжении историков были только эти документы, можно было бы и не догадаться, что 40 % населения Мира было нееврейским, настолько вся жизнь, не только религиозная, но и бытовая, сфера повседневной коммуникации была ограничена общиной.

Со стороны нееврейского населения картина наблюдается аналогичная. Наши информанты вспоминают, какими прекрасными были евреи продавцами, как вежливо обслуживали в магазинах и как умело

предлагали товар. Рассказывают, что у евреев можно было одолжить деньги или как сосед еврей пришел на помощь, когда сгорел дом, предложил взять у него стройматериалы бесплатно с перспективой отдать, когда сможешь [33]. Но в частной жизни контактов было немного. Вот что, например, вспоминала Юзефа Б.: «Евреев любить не любили, но жили дружно. Мы жили вместе с евреями в одном доме. В тыльной части жили евреи, в передней – мы. Отпускал нам квартиры татарин. Не было вражды, злобы. Каждый занимался своим делом. Еврей был раввином. [...] У него не было приязни к нам. Он детей к нам не пускал. [...] Они – себе, мы – себе» [34]. Несколько раз мы столкнулись с ситуацией, когда информанты, рассматривая школьные фотографии и рассказывая об одноклассниках, вспоминают имена белорусов, поляков и татар, но далеко не всегда евреев.

Более близкие неформальные отношения были между белорусами и татарами. Здесь нужно принимать во внимание сходные сферы деятельности. Белорусы занимались в основном сельским хозяйством, и татары в большинстве своем были огородниками. И если про евреев могли сказать: «Они не работали, а только торговали», то про татар-огородников говорили, что «работали как пчелки с ранней весны до поздней осени» и «с огорода целый год не вылезали». Несмотря на разные религии, встречались смешанные белорусско-татарские семьи. И в целом было довольно много рассказов о совместном времяпрепровождении, взаимном угощении на праздники и т. д. Юзефа Б. вспоминала: «С татарами хорошие отношения были. Танзилька, Котловская Мария и мама моя соберутся на лавочке и папироску дружно курят. [...] Жили все дружно» [34].

Инна Соркина, анализируя особенности межнациональных отношений в белорусских местечках, отмечала: «Существенным фактором ежедневных межэтнических отношений в местечках было то, что из-за небольших размеров все местечковые жители знали друг друга, что было невозможным в городе. Отсутствие анонимности большого города содействовало тому, что частная жизнь в местечке была у всех на глазах. Взаимоотношения между представителями разных этноконфессиональных групп населения в местечках характеризуются достаточно высокой степенью толерантности. Их можно выразить формулой «другой свой». Именно определение «тутэйшай свойскасці», «тутэйшасці»

оберегало от конфликтов. В условиях такого нетолерантного государства, которым была Российская империя, местечки демонстрировали сохранение местных традиций самоуправления на принципах религиозной толерантности и конструктивной мультиэтничности» [5, с. 226].

Местечко как особый тип поселения и как социокультурный феномен просуществовало в Западной Беларуси до начала Второй мировой войны. В холокосте были уничтожены еврейские общины, после войны в местечки активно переселялись жители окрестных деревень. Оказавшись под властью СССР, местечки прошли через отмену частной собственности, насильственную коллективизацию, массовые высылки, в результате чего их социальный и культурный облик трансформировался. В результате административных реформ часть местечек обрело статус городов, районных центров, часть – городских поселков или деревень. Ныне понятие «местечко» в административном делении Беларуси отсутствует.

Местечки – это социальное, экономическое и культурное пространство взаимодействия разных народов, культур, религий, сфер деятельности, образов жизни и традиций. Феномен местечка реализовался в организации социокультурной среды, в которой, с одной стороны, обеспечивалось функционирование и развитие этноконфессиональных культур, а с другой – их активное взаимодействие во внешней среде. Фактором, положительно влиявшим на уровень толерантности и терпимости в мультикультурном обществе, была специализация этноконфессиональных групп в разных областях экономической деятельности, что не создавало конкурентного напряжения между ними. Специфика местечка проявлялась в том, что амбивалентные процессы дистанцирования и взаимодействия происходили в рамках очень небольших сообществ, где фактически все были друг с другом знакомы. Отсутствие анонимности, характерной для больших городов, также служило фактором, влияющим на стремление к выстраиванию отношений сотрудничества и взаимодействия.

Список литературы

1. Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве / Т.А.Наваградскі [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – 335 с.
2. Лакотка А. Мястэчка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 5. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. – С. 251.

3. Аляксандраў Г. Праграма вывучэння мястэчка // Наш край. – 1928. – № 2 (29). – С. 45–53.
4. Грицкевич А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. – Минск: Наука и техника, 1975. – 248 с.
5. Соркіна І. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII -першай палове XIX ст. – Вільня: Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт, 2010. – 488 с.
6. Шыбека З. Гарады Беларусі: (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 292 с.
7. Углік І.Р. Камунікацыйная функцыя мястэчак цэнтральнай Беларусі ў інтэграцыйных працэсах на беларускіх землях у дарэвалюцыйны перыяд // Быт і культура беларусаў: Тэзісы дакладаў навук. канф. – Мінск: АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, 1984. – С. 34–35.
8. Раманава І., Махоўская І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. – Вільня: Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт, 2009. – 247 с.
9. Shtetl Routs. Мир – карта историко-культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: <http://shtetlroutes.eu/ru/mir-cultural-heritage-card/> (дата обращения: 11.12.2020).
10. Интервью с Лидией Ш., 1923 г. р.
11. Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 144 с.
12. Школьнікова Э. Трансформация еврейского местечка в СССР в 1930-е гг. – М., 1998. [Электрон. ресурс]. – URL: http://jhist.org/lessons_09/1930.htm (дата обращения: 11.12.2020).
13. Соркина И. Феномен белорусско-еврейской толерантности в местечках Белоруссии XIX – начала XX в. (по материалам мемуаристики) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга: сб. науч. ст. – М.: Сэфер, 2003. – С. 386–404.
14. Лютый А.М. Социально-экономическое развитие городов в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. – Минск: Наука и техника, 1987. – 181 с.
15. Корево А. Материалы для географии и статистики России. Виленская губерния. – СПб., 1861. – 821 с.
16. Соколова А. Еврейские местечки памяти: локализация штетла // Штетл, XXI век: полевые исслед. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2008. – С. 29–64.
17. Крутиков М. Штетл между фантазией и реальностью // НЛО. – 2010. – № 2 [Электрон. ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/shtetl-mezhdu-fantaziej-i-realnostyu.html> (дата обращения: 11.12.2020).
18. Ялен Д. Так называемое еврейское местечко: штетл, большевистская идеология и советская этнография в межвоенный период // НЛО. – 2010. – № 2 [Электрон. ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/tak-nazyvaemoe-8220-evrejskoe-8221-mestechko-shtetl-bolshevistskaya-ideologiya-i-sovetskaya-etnografiya-v-mezhvoennyj-period.html> (дата обращения: 11.12.2020).
19. Zborowski M., Herzog E. Life Is with People: The Culture of the Shtetl. – New York: Schocken Books, 1995.
20. Лакотка А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры. – Мінск: Ураджай, 1999. – 366 с.
21. Интервью с Владимиром Л., 1922 г. р.
22. Ельскі А. Выбранае. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2004. – 493 с.
23. Интервью с Серафимом Р., 1934 г. р.
24. Гуд П.А., Гуд Н.І. Беларускі кірмаш. – Мінск: Палымя, 1996. – 270 с.
25. Сыракомля У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах. Успаміны, даследаванні гісторыі і звычаяў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2010. – 175 с.

26. Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю. – Минск: Беларусь, 2004. – 251 с.
27. Бядуля Зм. Жыды на Беларусі // ARCHE. – 2000. – № 3 (8). – С. 23–32.
28. Lewis T. Bar mitzvah sermons at Touro Synagogue: National historic site, Newport, Rhode Island [Электрон. ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir.html> Remembrances of Mir Yeshiva (дата обращения: 11.12.2020).
29. Additional information about houses and food in Mir (1935–1939) in a letter from Rabbi Theodore Lewis, as he remembers his student years [Электронный ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir2.html> (дата обращения: 11.12.2020).
30. Broyde Judah Memories of Mir [Электронный ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/BroydeMemories.html>. (дата обращения: 11.12.2020).
31. Rabbi Gordon, Judah L. Letter from Mir – 1932 [Электронный ресурс]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/GordonLetter.html> (дата обращения: 11.12.2020).
32. Рухома Шайн. Город из пяти улиц // Все для Босса // Хасидус по-русски [Электрон. ресурс]. – URL: http://www.chassidus.ru/library/vse_dlya_bossa/12.htm (дата доступа: 12.01.2006).
33. Интервью с Галиной М., 1926 г. р.
34. Интервью с Юзефой Б., 1923 г. р.

References

1. *Etnalogiya Belarusi: tradycyjnaya kul'tura naseľnictva u gistorychnaj perspektyve / T.A.Navagrodski [i insh.]* [Ethnology of Belarus: traditional culture of the population in historical perspective]. – Minsk: BDU, 2009. – 335 s.
2. *Lakotka A. Myastechka [Mestechko] // Encyklapedyya gistoryi Belarusi* [Encyclopedia of the history of Belarus]. – Т. 5. – Minsk: Belaruskaya encyklapedyya, 1999. – S. 251.
3. *Alyksandrau G. Pragrama vyvuchennya myastechka [Shtetl Study Program] // Nash kraj [Our region]*. – 1928. – № 2 (29). – S. 45–53.
4. *Grickevich A.P. Chastnovladel'cheskie goroda Belorussii v XVI–XVIII vv.* [Private cities of belarus in the XVI–XVIII centuries]. – Minsk: “Nauka i tekhnika», 1975. – 248 s.
5. *Sorkina I. Myastechki Belarusi u kancy XVIII – pershaj palove XIX st.* [Towns of Belarus in the late XVIII – first half of the XIX century]. – Vil'nya: Eurapejski gumanitarny universitet, 2010. – 488 s.
6. *Shybeka Z. Garady Belarusi: (60-ya gady XIX – pachatak XX stagoddzyau)* [Cities of Belarus: (60s of the XIX-early XX centuries)]. – Minsk: EuroForum, 1997. – 292 s.
7. *Uglik I.R. Kamunikacyjnaya funkcyja myastechak central'naj Belarusi u integracyjnyh pracesah na belaruskich zemlyah u darevalyucyjny peryjad* [Communication function of small towns of central Belarus in integration processes on the Belarusian lands in the pre-revolutionary period] // *Byt i kul'tura belarusau: Tezisy dakladau navuk. kanf.* [Life and culture of Belarusians: theses of reports of sciences. Cant]. – Minsk: AN BSSR, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru, 1984. – S. 34–35.
8. *Ramanava I., Makhouskaya I. Mir: gistoryya myastechka, shto raskazali yago zhyhary* [Mir: the history of the town, what its inhabitants told us]. – Vil'nya: Eurapejski gumanitarny universitet, 2009. – 247 s.
9. Shtetl Routs. *Mir – karta istoriko-kul'turnogo naslediya* [Mir-map of historical and cultural heritage] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://shtetlroutes.eu/ru/mir-cultural-heritage-card/> (data obrashcheniya: 11.12.2020).
10. *Interv'yu s Lidiej Sh.* [Interview with Lydia Sh.], 1923 g.r.

11. Saganovich G. *Nevyadomaya vajna: 1654–1667* [Nevedomaja vine: 1654–1667]. – Minsk: Navuka i tekhnika, 1995. – 144 s.
12. Shkol'nikova E. *Transformaciya evrejskogo mestechka v SSSR v 1930-e gg.* [Transformation of the jewish shtetl in the ussr in the 1930s.] – Moskva, 1998. [Elektronnyj resurs]. URL: http://jhist.org/lessons_09/1930.htm (data obrashcheniya: 11.12.2020)
13. Sorkina I. *Fenomen belorussko-evrejskoj tolerantnosti v mestechkah Belorussii XIX – nachala XX v. (po materialam memuaristiki)* [The phenomenon of Belarusian-Jewish tolerance in the towns of Belarus of the XIX-early XX century (based on the materials of memoiristics)] // *Svoj ili chuzhoj? Evrei i slavyane glazami drug druga: sb. nauch. st.* [Your or someone else's? Jews and Slavs through the eyes of each other: collection of scientific articles]. – M.: Sefer, 2003. – S. 386–404.
14. Lyutyj A.M. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov v Belorussii v konce XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Socio-economic development of cities in Belarus at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. – Minsk: Nauka i tekhnika, 1987. – 181 s.
15. Korevo A. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii. Vilenskaya guberniya* [Materials for geography and statistics of russia. Vilna province]. – SPb., 1861. – 821 s.
16. Sokolova A. *Evrejskie mestechki pamyati: lokalizaciya shtetla // Shtetl, XXI vek: Polevye issledovaniya.* – SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. – S. 29–64.
17. Krutikov M. *Shtetl mezhdru fantaziej i real'nost'yu* [Shtetl between fantasy and reality] // NLO. – 2010. – № 2 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/shtetl-mezhdru-fantaziej-i-realnostyu.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).
18. Yalen D. *"Tak nazyvaemoe "evrejskoe" mestechko": shtetl, bol'shevistskaya ideologiya i sovetskaya etnografiya v mezhdvoennyj period* ["The So-called 'Jewish ' Shtetl": Shtetl, Bolshevik ideology and Soviet Ethnography in the Interwar period] // NLO. – 2010. – № 2 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/tak-nazyvaemoe-8220-evrejskoe-8221-mestechko-shtetl-bolshevistskaya-ideologiya-i-sovetskaya-etnografiya-v-mezhdvoennyj-period.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020)
19. Zborowski M., Herzog E. *Life Is with People: The Culture of the Shtetl.* –New York: Schocken Books, 1995.
20. Lakotka, A.I. *Nacyyanal'nyya rysy belaruskaj arhitektury* [National features of belarusian architecture]. – Minsk: Uradzhaj, 1999. – 366 s.
21. *Interv'yu s Vladimirom L.* [Interview with Vladimir L.], 1922 g.r.
22. *El'ski A. Vybranae* [Selected]. – Minsk: Belaruski knigazbor, 2004. 493 s.
23. *Interv'yu s Serafimom R.* [Interview with Seraphim R.], 1934 g.r.
24. Gud P.A., Gud N.I. *Belaruski kirmash.* – Minsk: "Polymya", 1996. – 270 s.
25. Syrakomlya U. *Vandrouki pa maih bylyh vakolicah. Uspaminy, dasledavanni gistoryi i zvychayau* [Traveling through my former neighborhood. Memories, studies of history and customs]. – Minsk: Mastackaya litaratura, 2010. – 175 s.
26. Shpilevskij P.M. *Puteshestvie po Poles'yu i belorusskomu krayu* [Travel to Polesie and the Belarusian territory]. – Minsk: Belarus', 2004. – 251 s.
27. *Byadulya Zm. Zhydy na Belarusi* [The Jews in Belarus] // ARCHE. – 2000. – № 3 (8). – S. 23–32.
28. Lewis T. *Bar mitzvah sermons at Touro Synagogue: National historic site, Newport, Rhode Isand* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir.html> Remembrances of Mir Yeshiva. (data obrashcheniya: 11.12.2020).
29. Additional information about houses and food in Mir (1935-1939) in a letter from Rabbi Theodore Lewis, as he remembers his student years [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/RememberMir2.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).

30. Broyde, Judah Memories of Mir [Elektronnyj resurs]. URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/BroydeMemories.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).

31. Rabbi Gordon, Judah L. Letter from Mir – 1932 [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://darkwing.uoregon.edu/~rkimble/Mirweb/GordonLetter.html> (data obrashcheniya: 11.12.2020).

32. *Ruhoma Shajn. Gorod iz pyati ulic // Vse dlya Bossa // Hasidus po-rusски* [A city of five streets // All for the boss / / Hasidus in Russian] [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.chassidus.ru/library/vse_dlya_bossa/12.htm (data dostupa: 12.01.2006).

33. *Interv'yu s Galinoj M., 1926 g.r.* [Interview with Galina M.]

34. *Interv'yu s YUzefoj B., 1923 g.r.* [Interview with Jozefa B.]

Р.И. Ващук

Вклад греческой диаспоры в социально-экономическое развитие Кубани во второй половине XIX – начале XX в.

В данной статье исследуется роль греческой диаспоры в социально-экономическом развитии Кубани в период Российской империи начиная с середины XIX в., а также первых двадцати лет советской власти. Анализируются отношения греков с другими народами в данном регионе. Уделяется внимание религиозной составляющей, которая играла одну из ключевых ролей во взаимоотношениях как с христианским (православным), прежде всего русским, населением, так и с преимущественно мусульманскими коренными жителями. Отмечаются причины, по которым греки переселялись в Кубанский регион, оставаясь здесь на постоянное проживание. Выявляются основные направления участия греков в экономической деятельности и то, каким образом их сфера экономических интересов соотносилась с другими народами, как коренными, так и прочими этническими меньшинствами. Делается вывод о вкладе греческой диаспоры в экономику Кубани.

Ключевые слова: греческая диаспора, Кубань, социально-экономические отношения, этнические меньшинства, коренное население.

Ruslan I. Vashchuk

The contribution of the Greek diaspora to the Kuban socio-economic development in the second half of the XIX – early XX century

This article examines the role of the Greek diaspora in the socio-economic development of the Kuban during the period of the Russian Empire, starting from the middle of the XIX century, as well as the first twenty years of Soviet power. Their relations with other peoples in the region are analyzed. Attention is paid to the religious component, which played one of the key roles in relations, both with the Christian (Orthodox), primarily Russian population, and with the predominantly Muslim indigenous population. The reasons for which the Greeks moved to the Kuban region, staying here for permanent residence, are noted. The article identifies their main directions in economic activity and how much their sphere of economic interests correlated with other peoples, both indigenous and other ethnic minorities. It is concluded, how great was the role of the Greek diaspora in comparison with other population in the economy of the Kuban.

Key words: Greek diaspora, Kuban, socio-economic relations, ethnic minorities, indigenous population.

Первые греки появились на берегах Черноморского побережья еще в VI в. до н. э. После колонизации этих земель они создали ряд торговых факторий, которые постепенно объединились в Боспорское царство. Это царство перестало существовать еще в период античности, в 64 г. до н. э. Но история греков в данном регионе не прерывается. С IV в. н. э., с наступлением христианской эпохи, эти земли стали сферой влияния Византийской империи, которая занималась миссионерской деятельностью в Кубанском, Крымском, а также Кавказском регионах [1; 2].

В отечественной историографии есть немало исследований, посвященных как коренному населению Кубанского региона, так и его этническим меньшинствам, в том числе и грекам [3–12].

В Новое время массовые переселения греков в Россию было во многом связано с русско-турецкими войнами. Переезжая на юг России, греки зачастую смешивались с местным населением. Так, в 1799 г. близ черкесского аула на Ангелинском ерике возникло смешанное греко-армяно-адыгское селение. В нем разместились выходцы из Крыма и из-за Кубани, большая часть из этих переселенцев вернулась на Кубань до 1827 г. Греки, которые по своему вероисповеданию были православными христианами, в 1848 г. поселились в Переяславской станице. В фондах государственного архива Краснодарского края хранится «Докладная записка от общества переселенцев из Гривенского аула от 30 мая 1853 года», в которой они жаловались, что после переселения в станицу Переяславскую приходилось им терпеть притеснения от местных жителей [13, с. 94].

Греческим эмигрантам, которые пришли на эти земли, было достаточно тяжело жить с точки зрения хозяйственно-экономической деятельности. Но вместе с тем жизнь в Российской империи была гораздо спокойнее. Немаловажную роль в этом играло единоверие русских и греков, поэтому количество греческих беженцев постепенно увеличивалось. Многие греки поступали на службу в русскую армию. Так, в исторических документах 1840-х гг. не раз встречается фамилия есаула Черноморского казачьего войска Псполитакки. Этот представитель весьма популярной впоследствии екатеринодарской фамилии воевал с местным мусульманским населением: карачаевцами, черкесами и пр. Прославился на военном поприще и штабс-капитан Лико Николай Константинович – грек из Балаклавы, который командовал гарнизоном укрепления Михайловского [14].

В середине XIX столетия в том месте, где ранее находился черкесский аул Хаджихабль, появляется очередное греческое поселение. Оно было создано решением имперской администрации после рассмотрения следующего донесения помощнику главнокомандующего Кавказского корпуса: «В среде горских народов Кубанской области издавна проживали греки православного исповедания, занимавшиеся ремеслом и торговлей, подобно армянам. Греки эти не отличались от черкесов ни языком, ни одеждой, ни домашним бытом, а только лишь религией, которую они твердо сохранили, живя посреди мусульманских обществ. Общее число их было незначительно.

Находя невыгодным для себя жить как бы из милости среди других народов и будучи стеснены в отправлении религии, 30 семейств этих греков просили разрешения соединиться в один поселок против Григориполисской станицы на месте бывшего аула Хаджихабль с отводом земли в размерах, достаточных для хозяйства, с тем чтобы начальство включило их в число прихожан Григориполисской церкви, от которой отстоит их поселок не более как на две версты. Принимая во внимание нынешнее стесненное положение греков в религиозном отношении, а также и то, что они по своим правам и обычаям ни в чем не отличаются от черкесов, нахожу неудобным отказать в настоящей просьбе, несмотря на ограниченное число этих семейств, а потому прошу разрешения на водворение их против Григориполисской станицы с наделением по 11 десятин и с причислением их к Григориполисскому приходу» [15, с. 149]. В результате 44 женщины и 42 мужчины аула Эфипшукай 1-го Псекупского округа и 60 греков мужского пола из Урупского округа стали новыми жителями аула Хаджихабль [16, с. 51–52].

Греческое население Урупского округа занималось разными направлениями экономической деятельности: ремесленными промыслами, земледелием, торговлей, скотоводством. При этом они рассматривали свою жизнь на этой территории как звено неразрывной генеалогической греческой цепи, которая существовала на Кубани с древних времен, считая себя потомками эллинов, которые приплыли на эти берега еще до н. э. Предположительно название села Байбарис на левом берегу ущелья р. Уруп (в Отрадненском районе) происходит от древнегреческого βαμβάκερός – плотная шелковая и парчевая ткань, которой греки торговали с местным населением в этом регионе с античности.

Часть греческих переселенцев принимала участие и в основании г. Армавира. Одними из первых поселенцев в будущем Армавире стали члены греческой семьи Матеосовых, причем греки в армянском ауле были на хорошем счету. В 1855 г. хозяин 300 голов скота, украденного у него армянами, согласился поменять стадо на пленного грека из армавирцев. Греческие переселенцы, проживавшие среди местного черкесского населения, на тот момент еще не покоренного Российской империей, в 1858 г. должны были становиться мещанами «Прочноокопского армянского селения» (т. е. аула Армавир). В 1899 г. на месте греческого селения был образован г. Романовск. Здесь греками была построена церковь святого Хараламия и открыта школа (ныне пос. Красная Поляна) [17].

На Кубани во второй половине XIX в. о греческом населении отзывались вполне положительно: «Характер у них тихий, уживчивый, но вместе с тем горячий и вспыльчивый, что не может быть поставлено им в укор, соображаясь с прежним их местом жительства. Народ трудолюбивый, не терпящий праздности и пьянства, нравственное состояние жителей-греков безукоризненное» [15, с. 150].

В XIX столетии самый мощный миграционный процесс греков приходится на 1860–1870-е гг. Связано это было с активной освободительной борьбой народов от власти Османской империи. В свою очередь Российская империя всячески способствовала переселению единоверных греков, которые, переезжая в Россию и на Кубань в частности, спасались от гонений, которым подвергались в Османской империи. В результате массовой миграции 1860–1870-х гг. на Кубани появляется целый ряд однородных, компактно проживающих греческих селений [15].

Как сообщает статистика, на 1871 г. на Кубани проживало 798 греков, из них 721 чел. в двух поселках Темрюкского уезда (Витязево и Мерчан) и 86 чел. в Баталпашинском уезде. Эти цифры не включают греческое населения ряда станиц и городов Кубанского региона: Армавира, Екатеринодара, Новороссийска и т. д. Очевидно, что реальная цифра греческих переселенцев в это время была гораздо больше [18, с. 291]. В 1897 г. в империи была проведена первая всеобщая перепись населения, в ходе которой этническая принадлежность учитывалась по родному языку человека. Родным для себя греческий язык в пределах Кубани назвало 20 137 чел. [19, с. 60–63]. Греки занимали по количе-

ству жителей пятое место в регионе, после русских (включая малороссов и белорусов), а также черкесов, карачаевцев и немцев [20, с. 73].

Та часть территории, которая была отведена грекам для заселения, была далеко не самой лучшей. Это был край с густым лесом, с большими камышовыми зарослями и в целом не очень благоприятным климатом по сравнению с Малой Азией или Балканами. Но греческие переселенцы смогли превратить никем не обжитые территории в уютные поселки. На новом месте греки стали строить такие же жилища, как те, в которых они привыкли жить до эмиграции. Их постройки выглядели следующим образом: «постройка в селении турлучная за незначительным исключением рубленая; дома построены на две половины, с навесом среди дома, с устроенной печью в одной и трубою в другой половине» [16, с. 55].

Совсем по-иному складывалась жизнь у тех греков, которые, перейдя Кавказские горы, никому из местных властей не сообщили о своем присутствии, предпочитая селиться в горах. Эти греческие беженцы по своему желанию ходили по всей территории юга Российской империи. В начале XX в. их жизнь описывалась следующим образом: «замкнутая в горах жизнь турецких эмигрантов, отделенных бездорожием не только от культурных русских поселений, но даже и от своих соотечественников, находившихся на плоскости, и разного рода лишения, приводили этих поселенцев в уныние. Да и какая могла быть радость у таких людей, которые, вышедши из заграницы на русскую землю в надежде на лучшую жизнь в экономическом отношении, встретили суровую природу и в борьбе за существование не нашли того, чего желали – потеряли здоровье, а многие поплатились и жизнью безвременно» [16, с. 55].

Греческие переселенцы, которые проживали в горной местности, не поставив в известность русские кубанские власти, долго не выдерживали в таких условиях. В результате они стали переселяться на равнину и селиться либо среди русского населения, либо в места проживания своих соотечественников [21].

На Кубани греки активно занимались табаководством, торговлей, а те, кто успешно создал большие капиталы в сфере торговли, затем вкладывали их в промышленность. Правда, не все спешили перейти в российское подданство, на случай, если все же необходимо будет

уехать и отсюда. Греческих переселенцев, которые не принимали подданства Российской империи, называли «турецкоподданными гражданами» [22].

Совсем маленькую, но экономически важную группу населения составляли греки в дореволюционном г. Армавир. Составляя перед революцией менее 0,2 % горожан, они были разбросаны по всему городу, не имея своего национального квартала. 22 представителя диаспоры занимались хлебной торговлей, которая в достаточной степени удовлетворяла нужды Армавира, а также продавали хлеб и в Армавирскую округу. Греки владели приблизительно половиной хлебных ссыпок города [23, с. 196].

Исследователем С.Н. Ктиторовым в городском архиве Армавира были найдены свыше полутора десятков имен греческих хлебных торговцев, стабильно занимавшихся хлебной коммерческой деятельностью в разные годы начала XX в. Вот некоторые фамилии: В.Г. Дусманис, П.М. Гаганис, А.М. Евангелиди, И.Д. Аподиако, И.Д. Хрисанти, Т.И. Вокояни, А.Н. Спари, И.И. Кусидис, Д.И. Хандзидис, Г.Н. Воядзи, А.И. Кологереси, П.С. Анастасиади, К.Г. Кавурас и др.) [23, с. 196].

Греки-хлеботорговцы не только обеспечивали нужды Кубани в зерне, но также являлись крупнейшими экспортерами кубанского зерна. В данной области особенно выделялись представители фамилии Спари. К числу самых больших мукомольных мельниц в регионе относились предприятия Асланиди и Александраки. Видными предпринимателями Екатеринодара были греки Азвестопуло, Фотиади и Акритас [24]. Некоторые греки, особо состоятельные, сделавшие свои капиталы на продаже зерна, кроме хлебных ссыпок, приобретали в свою собственность паровые мельницы, маслобойные заводы, занимались производством халвы. В их числе были П.И. Калогереси, П.Д. Спари, Х.М. Туритаки, Г., А. и И. Александраки, Х.И. Дусманис.

В 1901 г. рядом с маслобойными предприятиями армян, братьев Бабаевых и Унановых, в Армавире был основан маслобойный завод грека П.Д. Спари. В 1909 г. на этом заводе работало 80 чел. На маслобойне действовал паровой двигатель мощностью 120 л/с и ежегодно выпускалось растительного масла и жмыхов на сумму около 2 млн р. С технологической точки зрения завод Спари был наиболее развитым по сравнению с остальными местными заводами, так как только у него был собственный шестиэтажный элеватор, созданный в качестве склада

для семян подсолнечника. В течение года, с ноября 1912-го по ноябрь 1913 г., из Армавира по Владикавказской железной дороге было отправлено 3125 вагонов подсолнечного масла. 249 вагонов принадлежало заводу Спари и 218 вагонов – другому греку Калогереси [23, с. 182].

Бизнесом в Армавире также занимались греки Хиотиди и Сарап-тиди, в чьей собственности был музыкальный магазин. Кинотеатр «Казино-де-Пари» открыл Г.Н. Папафанасопуло. В общественной жизни также заметную роль играли: Н.П. Олимпиади – инспектор мужской гимназии, член кадетской партии, кандидат в гласные городской думы 1917 г.; Г.И. Чероникос – управляющий Русско-азиатским банком; Д.И. Станбакио и С.Г. Тарици – доверенные управляющего Русского банка для внешней торговли; С.Г. Геопуло – член РСДРП (меньшеви-ков), кандидат в гласные городской думы 1917 г. [16, с. 56].

Значительный вклад в развитие Кубани внес грек Николай Егорович Никифораки. Его назначают попечителем прибрежных черноморских территорий в 1874 г. А спустя всего два года он получил повышение и занял должность руководителя всего Черноморского округа.

Во многом благодаря деятельности Н.Е. Никифораки этот регион заселялся греками, которые эмигрировали из Османской империи. А форты на Черном море превратились в города. В их числе были Михайловское, Тенгинское, Лазаревское, Вельяминовское, Навагинское, Новороссийское. Очень скоро Новороссийск стал важным экономическим центром на юге России с крупнейшим портом. Благодаря Н.Е. Никифораки между Екатеринодаром и Новороссийском была проложена железная дорога и Новороссийск стал превращаться в крупный промышленный центр [25, с. 707–708].

12 марта 1887 г. Николай Егорович Никифораки стал генерал-губернатором Ставропольской губернии. Одной из главных его задач как генерал-губернатора было развитие сельского хозяйства в регионе, а в дальнейшем и промышленного производства, в том числе на крепкой сельскохозяйственной основе. Благодаря такому подходу в экономической политике уже к началу XX в. из Ставропольской губернии по железной дороге отправляли зерно в другие губернии Российской империи. А на продажу за границу через Новороссийский порт отправили около 37 млн пудов ячменя и пшеницы.

В промышленном производстве при губернаторе Н.Е. Никифораки также были достигнуты значительные успехи. В Ставропольской губернии был создан ряд маслобойных и винокуренных заводов, паровые вальцовые мельницы, мыльные и свечные предприятия. Первая электростанция в губернии, как и первые электрические лампочки, также появилась при этом генерал-губернаторе. В начале XX в. в регионе открывались лечебницы разного профиля, в том числе и психиатрическая больница. Н.Е. Никифораки поспособствовал открытию училищ имени Короленко, Абрамова, Белинского, Гоголя. Его стараниями была создана женская Ольгинская гимназия. Возросло количество церковно-приходских школ. Был создан народный дом, где имелся театр, бесплатная библиотека, бесплатная столовая, а также ночлежный дом [26, с. 46–51].

Значительную роль в развитии региона сыграл и Егор Егорович Никифораки. Он был почетным председателем Эллинского благотворительного общества, а помимо этого, гласным городской думы и екатеринодарским нотариусом. С 1906 г. по 1924 г. он содержал училище и небольшую церковь. На средства нотариуса Никифораки обучали грамоте детей из бедных семей [27].

В 1914 г. газета «Отклики Кавказа» в заметке «Греческая служба в Николаевском храме г. Армавира» сообщала о том, что «явилась мысль об ежегодном устройении в Армавире торжественных служб на греческом языке, преимущественно для местной греческой колонии. 8-го апреля, во вторник Пасхи, миссионерами протоиереем Симеоном Никольским и священником Сергеем Лавровым совместно с причтом Николаевского храма совершена торжественная божественная литургия по пасхальному чину на византийском греческом языке. Что армавирские певчие справились со своей задачей, можно заключить из выражений восторга самих греков Армавира. Певчих буквально засыпали конфетами, апельсинами и другими сладостями, пожимали руки, словом, благодарили без конца» [16, с. 58].

После того, как Карская область отошла к туркам, греческое ее население предприняло очередную волну эмиграции в Россию, где расселилось преимущественно в пределах Кубани. Этот процесс происходил с 1918 по 1920 гг. В результате этой миграционной волны возросло количество греческих поселений на Кубани, а доля греческих жителей

Армавира увеличилась с 0,2 % до 0,3 %. Стали открываться национальные греческие школы [28].

В период с 1930 по 1938 гг. в Краснодарском крае на месте нынешнего Крымского района существовал Греческий район, название которого отражало его национальный состав. Тем не менее положение греческой диаспоры было шатким. В результате греки подверглись депортации в годы Второй мировой войны. После этих событий поднялась волна реэмиграции в Грецию. Но она увлекла не всех. Многие греки по-прежнему проживают на территории России, в частности Кубани [29].

Таким образом, греческая диаспора, несомненно, внесла свой весомый вклад в социально-экономическое развитие Кубани. Вместе с тем греки сохранили те привычки и традиционные особенности в хозяйственно-экономической деятельности, которые приобрели до своего переселения в Россию. Греческие переселенцы рубежа XIX–XX вв. смогли занять свою нишу в экономике Кубанского региона, особенно в пищевой промышленности. Греческая диаспора не отличалась от других этнических меньшинств в России особыми правами, существенная часть из них не была юридически полноправна, оставаясь на положении турецкоподданных граждан. Тем не менее греческий народ, проживавший на Кубани, смог влиться в многонациональное и поликультурное пространство, сохранив при этом высокий уровень национального самосознания.

Список литературы

1. Каминская И.В. Исследование Ильичевского городища на Урупе // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Майкоп: АГРИ, 1992. – С. 75–77.
2. Кузнецов В.А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. – Пятигорск: Снег, 2017. – 320 с.
3. Герасименко А., Санеев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. – Краснодар: Эдви, 1998. – 496 с.
4. Доброхотов В.П. Черноморское побережье Кавказа. – Краснодар: Традиция, 2009. – 528 с.
5. Илиади И.Х. Самый блистательный губернатор: генерал-лейтенант Николай Егорович Никифораки. – М.: Илекса, 2008. – 384 с.
6. Крижановский Н.И., Дорофеева О.А., Рыжкина Н.А. Армавирская газета «Отклики Кавказа»: информационная политика, проблемно-тематические линии, жанровая палитра. – Армавир: АГПУ, 2018. – 224 с.
7. Крижановский Н.И. Армавирская газета «Отклики Кавказа»: специфика информационной политики в полиэтнической среде. Динамика языковых процессов в условиях поликультурного пространства Северного Кавказа // Сб. науч. ст. по итогам работы регион. науч. конф. с междунар. участием (11–13 октября 2017 г.). – Армавир: Д.С. Ершов, 2017. – С. 295–302.

8. Ктиторов С.Н. Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX – начало XX в.). – Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. – 378 с.
9. Ктиторов С.Н. Солидарность народов России в переломные моменты истории: начало Первой мировой войны // Вопросы южнороссийской истории: науч. сб. Вып. 12. – Армавир-М., 2006. – С. 82–86.
10. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. – Екатеринодар: Традиция, 1916. – 336 с.
11. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. I: История края. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. – 756 с.
12. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 гг. – Екатеринодар: Тип. Т-ва печат. и изд. дела под фирмою «Печатник», 1913. – 897 с.
13. Колесов В.И. Кубань многонациональная: этнограф. слов.-справ. – Краснодар: Краснодар. изв., 2007. – 240 с.
14. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе в 1819–1846 гг. – Тифлис: Канцелярия главноначальствующего гражданской части на Кавказе, 1900. – 494 с.
15. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед. Вып. 2. – Краснодар, 1990. – С. 132–174.
16. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного населения. Книга историко-культурных регионоведческих очерков). – Армавир: АГПУ, 1995. – 149 с.
17. Ефремов Ю.К. Тропами горного Черноморья. – М.: Гос. изд-во географ. лит., 1963. – 404 с.
18. Сборник сведений о Кавказе, 1871. Т. 1. – Тифлис: В Тип. Глав. упр. наместника Кавказского. – 371 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 65. Кубанская область. – СПб.: Изд. центр. Стат. ком. М-ва внутр. дел, 1905. – С. 60–63.
20. Ктиторов С.Н. Города Кубани и Причерноморья в процессах межэтнической коммуникации в конце XIX – начале XX в. // Культурная жизнь юга России. – № 55. – Краснодар. – 2014. – С. 72–79.
21. Юракова О.В. Греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе. Середина XIX – начало XX в. // Кубан. сб. Т. IV. – Краснодар: Книга, 2012. – С. 227–246.
22. Короленко П.П. Турецкие эмигранты в Кубанской области // Кубан. сб. – Т. 11. – Екатеринодар. – 1905. – С. 35–37.
23. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период). – Армавир: Скорина, 2002. – 384 с.
24. Кочериди Ю.Д. Греки в истории Кубани. – Краснодар: Кн., 2011. – 546 с.
25. Гольдберг Г.А. Альманах современных русских государственных деятелей. – СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. – 1250 с.
26. Судавцов Н.Д. Николай Егорович Никифораки // Ставропольский хронограф на 2004 г. – Ставрополь: СГК УНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2004.
27. Оспищева Л.Е. История благотворительных организаций Кубани: конец XIX – начало XX в.: опыт изучения. – Майкоп: Адыгея, 2003. – 255 с.
28. Армавир в трех столетиях истории России: XIX–XX–XXI вв. (к 180-летию юбилею города): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / гл. ред. А.Р. Галустов; науч. ред. С.Н. Ктиторов. – Армавир: О.А. Ершова, 2019. – 258 с.
29. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). – Краснодар.: Краснодар. кн. изд-во, 1986. – 394 с.

References

1. Kaminskaya I.V. *Issledovanie Il'ichevskogo gorodishcha na Urupe* [Exploration of the Ilchevsk settlement in Urup] // XVII «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza [XVII Krupnovskie readings on archeology of the North Caucasus]. – Maikop: AGRI, 1992. – P. 75–77.
2. Kuznetsov V.A. *Nizhnii Arkhyz i rannee pravoslavie. Alanskaya eparkhiya v X–XII vekakh* [Lower Arkhyz and early Orthodoxy. Alan diocese in the X–XII centuries]. – Pyatigorsk: Sneg, 2017. – 320 p.
3. Gerasimenko A., Saneev S. *Novorossiisk – ot ukrepleniya k gubernskomu gorodu* [Novorossiysk – from the fortification to the provincial city]. – Krasnodar: Edvi, 1998. – 496 p.
4. Dobrokhoto V.P. *Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza* [Black Sea coast of the Caucasus]. – Krasnodar: Traditsiya, 2009. – 528 p.
5. Iliadi I.Kh. *Samyi blizatel'nyi gubernator: general-leitenant Nikolai Egorovich Nikiforaki* [The most brilliant governor: Lieutenant General Nikolai Yegorovich Nikiforaki]. – M.: Ileksa, 2008. – 384 p.
6. Krizhanovskii N.I., Dorofeeva O.A., Ryzhkina N.A. *Armavirskaya gazeta «Otkliki Kavkaza»: informatsionnaya politika, problemno-tematicheskie linii, zhanrovaya palitra* [Armavir newspaper "Otkliki Kavkaza": information policy, problem-thematic lines, genre palette]. – Armavir: AGPU, 2018. – 224 p.
7. Krizhanovskii N.I. *Armavirskaya gazeta «Otkliki Kavkaza»: spetsifika informatsionnoi politiki v polietnicheskoi srede. Dinamika yazykovykh protsessov v usloviyakh polikul'turnogo prostranstva Severnogo Kavkaza* [Armavir newspaper "Otkliki Kavkaza": specifics of information policy in a multiethnic environment. Dynamics of linguistic processes in the conditions of the multicultural space of the North Caucasus] // *Sbornik nauchnykh statei po itogam raboty Regional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (11–13 oktyabrya 2017 goda)* [Collection of scientific articles on the results of the work of the Regional Scientific Conference with International Participation (October 11–13, 2017)]. – Armavir.: D.S. Ershov, 2017. – P. 295–302.
8. Ktitorov S.N. *Etnicheskie soobshchestva predkavkazskogo goroda: problemy adaptatsii i identichnosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Ethnic Communities of the Ciscaucasian City: Problems of Adaptation and Identity (second half of the 19th – early 20th centuries)]. – Armavir: Dizain-studiya B., 2014. – 378 p.
9. Ktitorov S.N. *Solidarnost' narodov Rossii v perelomnye momenty istorii: nachalo Pervoi mirovoi voiny* [Solidarity of the peoples of Russia at the turning points in history: the beginning of the First World War] // *Voprosy yuzhnorossiiskoi istorii: Nauchnyi sbornik. Vyp. 12.* [Questions of South Russian history: Scientific collection. Issue 12]. – Armavir-M[Armavir-M], 2006. – P. 82–86.
10. Shcherbina F.A. *Istoriya Armavira i cherkesogaev* [History of Armavir and Circassians]. – Ekaterinodar: Traditsiya, 1916. – 336 p.
11. Shcherbina F.A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska. T. I: Istoriya kraja.* [History of the Kuban Cossack army. T. I: History of the region]. – Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya, 1910. – 756 p.
12. Shcherbina F.A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska. T. II: Istoriya voiny kazakov s zakubanskimi gortsami: s voenno-istoricheskoi kartoi Kubanskoj oblasti za vremya s 1800 po 1860 gody* [History of the Kuban Cossack army. Volume II: History of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban highlanders: with a military-historical map of the Kuban region for the period from 1800 to 1860]. – Ekaterinodar: Tip. Tovari-shchestva Pechatnogo i Izdatel'skogo Dela pod firmoyu «Pechatnik», 1913. – 897 p.
13. Kolesov V.I. *Kuban' mnogonatsional'naya: etnograficheskii slovar'-spravochnik* [Multinational Kuban: Ethnographic Dictionary]. – Krasnodar.: Krasnodarskie izvestiya, 2007. – 240 p.

14. *Rakovich D.V. Tenginskii polk na Kavkaze v 1819–1846 godov* [Tengin regiment in the Caucasus in 1819–1846]. – Tiflis: Kantselyariya Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chasti na Kavkaze, 1900. – 494 p.

15. *Bondar' N.I. Chto my znaem drug o druge? Etnograficheskii ocherk o narodakh Kubani* [What do we know about each other? Ethnographic essay on the peoples of the Kuban] // *Kubanskii kraeved. Vyp 2* [Kuban ethnographer. Issue 2]. – Krasnodar, 1990. – S.132–174.

16. *Vinogradov V.B. Srednyaya Kuban': zemlyaki i sosedi (formirovanie traditsionnogo naseleniya. Kniga istoriko-kul'turnykh regionovedcheskikh ocherkov)* [Middle Kuban: fellow countrymen and neighbors (the formation of the traditional population. The book of historical and cultural regional studies)]. – Armavir: AGPU, 1995. – 149 p.

17. *Efremov Yu.K. Tropami gornogo Chernomor'ya* [By the paths of the mountainous Black Sea]. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1963. – 404 p.

18. *Sbornik svedenii o Kavkaze, 1871. T. 1* [Collection of information about the Caucasus, 1871. Vol. 1]. – Tiflis: V Tipografii Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. – 371 p.

19. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. T. 65. Kubanskaya oblast'* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. V.65. Kuban region]. – SPb.: Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. del, 1905. – P. 60–63.

20. *Ktitorov S.N. Goroda Kubani i Prichernomor'ya v protsessakh mezhetnicheskoi kommunikatsii v kontse XIX – nachale XX veka* [Cities of the Kuban and the Black Sea Region in the Processes of Interethnic Communication in the Late 19th – Early 20th Centuries] // *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii № 55* [Cultural life of the South of Russia № 55]. – Krasnodar, 2014. – P. 72–79.

21. *Yurakova O.V. Grecheskie poselentsy na Severo-Zapadnom Kavkaze. Seredina XIX – nachalo XX veka* [Greek settlers in the Northwest Caucasus. Mid XIX – early XX century] // *Kubanskii sbornik T. IV* [Kuban collection T. IV]. – Krasnodar: Kniga, 2012. – S. 227–246.

22. *Korolenko P.P. Turetskie emigranty v Kubanskoi oblasti* [Turkish emigrants in the Kuban region] // *Kubanskii sbornik. T. 11* [Ekaterinodar Kuban collection T. 11], – Ekaterinodar, 1905. – P. 35–37.

23. *Ktitorov S.N. Istoriya Armavira (dosovetskii period)* [Armavir history (pre-Soviet period)]. – Armavir: Skorina, 2002. – 384 p.

24. *Kocheridi Yu.D. Greki v istorii Kubani* [Greeks in the history of the Kuban]. – Krasnodar: Kniga, 2011. – 546 p.

25. *Gol'dberg G.A. Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyatelei* [Almanac of modern Russian statesmen]. – SPb.: Tip. Isidora Gol'dberga, 1897. – 1250 p.

26. *Sudavtsov N.D. Nikolai Egorovich Nikiforaki* [Nikolay Egorovich Nikiforaki] // *Stavropol'skii khronograf na 2004 god* [Stavropol Chronograph for 2004], 2004.

27. *Ospishcheva L.E. Istoriya blagotvoritel'nykh organizatsii Kubani: konets XIX – nachalo XX veka: opyt izucheniya* [The history of charitable organizations of the Kuban: late XIX – early XX century: the experience of studying]. – Maikop: Adygeya, 2003. – 255 p.

28. *Armavir v trekh stoletiyakh istorii Rossii: XIX–XX–XXI vv. (k 180-letnemu yubileyu goroda)* [Armavir in three centuries of Russian history: XIX–XX–XXI centuries. (to the 180th anniversary of the city)]: *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem / Gl.red. A.R. Galustov. Nauch. Red. S.N. Ktitorov* [Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation / Chief editor. A.R. Galustov. Sci. Ed. S.N. Ktitorov]. – Armavir: O.A. Ershova, 2019. – 258 p.

29. *Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.)*. [The main administrative and territorial transformations in the Kuban (1793–1985)]. – Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. – 394 p.

Н.М. Маркдорф

Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950)

В статье анализируются проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Кемеровской области в последние годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие, когда уровень беспризорности и безнадзорности был высоким. Автор приходит к следующим выводам. Причинами беспризорности и особенно безнадзорности в Кузбассе стали военное сиротство, материальные трудности низкооплачиваемых семей; плохие материально-бытовые условия в детских приемниках-распределителях и детских домах области; значительный уровень преступности в регионе, утрата связи по различным причинам с родителями или опекунами. В тяжелое для страны время на уровне государственной власти и на местах принимались серьезные меры по ликвидации беспризорности и безнадзорности. Статья написана в основном на основе архивным материалов, находящихся в Архиве информационного центра ГУ МВД России по Кемеровской области.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, детские приемники-распределители, детские дома, жилищно-бытовые условия детей и подростков, Кемеровская область, Кузбасс.

Natal'ya M. Markdorf

On the elimination of child neglect and homelessness in Kuzbass (1944–1950)

In this article analyzes the problems of child homelessness and neglect in the Kemerovo region in the last years of the Great Patriotic War and in the first post-war decade, when the level of homelessness and neglect was high. The author comes to the following conclusions. The reasons for homelessness and especially neglect in Kuzbass were military orphanhood, material difficulties of low-paid families; poor material and living conditions in children's reception centers and children's homes in the region; significant crime rate in the region, loss of communication for various reasons with parents or guardians. In a difficult time for the country, at the level of government and local authorities, serious measures were taken to eliminate homelessness and neglect. The article was written mainly on the basis of archival materials located in the Archives of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Region.

Key words: Homelessness, neglect, children's reception centers, orphanages, living conditions for children and adolescents, Kemerovo region, Kuzbass.

Детская беспризорность¹ и безнадзорность² – «спутники» любых войн. В СССР большое количество детей остались без родителей на территориях, где непосредственно велись военные действия. Многие дети и подростки осиротели в процессе эвакуации или находясь в тыловых районах страны.

В историографии можно выделить ряд основополагающих проблем, которые решаются современными исследователями. Вопросы социальной защиты детей-сирот в годы войны и после ее окончания в различных районах СССР в диссертациях и отдельных статьях рассмотрели Н.Н. Карамышева [1], М.Р. Зезина [2], В.С. Меркурьева [3], И.А. Ложкина [4], Ф.Ф. Рисулова [5], В.Г. Бобровников, Н.В. Дулина, Ю.Е. Игнатова [6] и другие авторы. Т.И. Дунбинской [7] на основе нормативно-правовых опубликованных документов и материалов государственных федеральных и западносибирских архивов изучены проблемы адаптации детей (в том числе и беспризорных) в военные годы, состояния детского здравоохранения и его эффективности, профилактической оздоровительной работы, организации детского питания в условиях войны в западносибирском регионе.

В.С. Меркурьева [8], Л.Я. Тарасова [9] исследовали вопросы реализации государственной политики, деятельность органов власти и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности и предупреждения безнадзорности. Комплексный анализ процессов становления и развития системы учёта и отчётности по детской беспризорности и безнадзорности, функционирования детских домов, трудовых воспитательных колоний в социализации беспризорного и безнадзорного ребёнка был дан А.А. Славко [10].

В публикациях В.А. Гусака [11; 12] анализируются особенности деятельности органов милиции по реализации государственной политики в этой области, вопросы координации работы милиции с другими правоохранительными органами власти по борьбе с беспризорностью и

¹ Беспризорный – это безнадзорный, но находящийся в наиболее сложной жизненной ситуации ввиду отсутствия у него места жительства (федеральный закон от 24.06.1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

² Безнадзорный – несовершеннолетний, контроль над поведением которого отсутствует вследствие невыполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию родителями или опекунами или должностными лицами.

безнадзорностью. Автор приходит к выводу, что «особая социальная и правовая природа органов милиции обусловила ее роль как непосредственно действующего элемента, обладающего необходимыми правовыми и организационными ресурсами для эффективного противодействия беспризорности и безнадзорности».

Изучая вопросы детской беспризорности и безнадзорности, исследователи, как правило, выделяют их социальные корни, определяют пути и методы, направленные на ликвидацию этого социального явления в условиях войны и послевоенного времени в отдельных районах СССР. Можно констатировать, что в различных уголках страны происшедшие процессы были схожими. Однако можно проследить и определенную региональную специфику в сложившейся социально-экономической и политической ситуации. В промышленном Кузбассе с высокой концентрацией подневольного труда (дети репрессированных родителей и спецпоселенцев), мобилизованных рабочих из многих краев и областей Советского Союза (наличие большого количества брошенных детей в результате дезертирства с предприятий), в условиях дефицита рабочих мест для подростков с низким уровнем образования, а также сурового климата были свои особенности в реализации целей, поставленных правительством и региональной властью по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. При обилии работ, анализирующих военный период времени, наблюдается их незначительное количество, посвященное послевоенному периоду. Отсутствует комплексное исследование состояния детской беспризорности и безнадзорности в Кемеровской области, что и обусловило актуальность данной статьи.

Из районов страны, к которым «приближалась» война, детские учреждения эвакуировались в глубокий тыл. Только за период со второй половины 1941 г. по начало 1942 г. было вывезено 976 детских домов с 167 223 воспитанниками [13].

Можно выделить следующие категории беспризорности и безнадзорности в Кузбассе: а) сироты военного и послевоенного времени, родители которых умерли или пропали без вести; б) безнадзорные: брошенные родителями или бежавшие от них; в) бежавшие из детских приемников, домов, школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных училищ, колоний для несовершеннолетних как из Кузбасса, так и других регионов страны. Также к числу безнадзорных, как правило,

относили детей и подростков, которые по различным причинам «утратили связь со своими родителями или опекунами» (из-за тяжелых материально-бытовых условий родственников или в процессе эвакуации из прифронтовых районов страны); несовершеннолетних, уволенных или бежавших с производства или из сельской местности; а также детей репрессированных или арестованных родителей и спецпоселенцев.

В годы войны как на уровне государственных органов власти, так и отдельных граждан предпринимались различные меры, чтобы собрать детей с улиц, привокзальных площадей, подвалов и чердаков городов, шахтовых моек, рынков. Это были регулярные облавы милиции, посты и пикеты. К этой работе привлекались педагоги, рабочие, служащие, комсомольцы. По данным С.М. Емелина, в 1942 г. в стране милиция изъяла с вокзалов, улиц, рынков и других общественных мест при массовых облавах и обходах около 379 000 беспризорных и безнадзорных детей, в 1943 г. – более 802 000 (соответственно 277 948 и 524 497), в 1944 г. – более 1 173 000 (432 898 и 740 770) чел. [14]. Большую помощь милиции по изъятию детей с улицы оказывали комсомольские организации, домовые комитеты и просто неравнодушные граждане.

Процесс ликвидации беспризорности и безнадзорности регламентировался целой серией государственных директив, постановлений и инструкций. При НКВД СССР был создан отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Аналогичные отделы действовали при областных и краевых управлениях НКВД.

В постановлении СНК СССР от 23.01.1942 г.¹ устройство детей, оставшихся без родителей, и мероприятия по предупреждению детской безнадзорности объявлялись важнейшим государственным делом. Сироты не должны были оставаться без надзора и распределялись в детские учреждения через специальные комиссии при исполнительных комитетах краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся. В состав этих комиссий входили: заместитель председателя исполнительного комитета и представители профсоюзов, ВЛКСМ, органов НКВД, народного образования и здравоохранения. Данный вопрос находился под строгим контролем Совнаркомов союзных и автономных республик.

¹ Об устройстве детей, оставшихся без родителей: постановление СНК СССР от 23.01.1942 г. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>. (дата обращения: 12.12.2020).

На протяжении 1944–1950 гг. бюро обкома ВКП(б), городские и районные комитеты партии в крупных городах Кузбасса ежегодно принимали развернутое решение городских и районных комитетов партии «О мерах предупреждения беспризорности и безнадзорности». В 1945 г. бюро обкома ВЛКСМ выступило с инициативой широкого привлечения комсомольцев области к участию в рейдах по изъятию беспризорников с улиц, по оказанию любой помощи детским учреждениям. В 1947 г. была создана комиссия, которая ведала организацией фондов помощи сиротам и полусиротам [15, л. 3]. Крупные промышленные предприятия обязались курировать детские дома, а также открыть дополнительно социальные детские учреждения. Работой по оказанию помощи детприемникам и детдомам занимались комиссии в составе представителей областного отдела народного образования, отделения по БДББ¹ и трудовых резервов.

Деятельность по ликвидации детской и подростковой беспризорности, безнадзорности и связанной с ними преступности значительно активизировалась во второй половине 1944 г. и в 1945 г. При прокуратуре СССР 25 января 1944 г. была создана группа по делам несовершеннолетних [16], которая выполняла функции надзора за исполнением законов по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. В Кузбассе при прокуратуре создавались отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

На НКВД СССР были возложены обязанности выявления всех беспризорников и безнадзорных детей и размещения их в приемниках-распределителях². Их сеть постоянно расширялась. Детприемники были созданы в каждом регионе Советского Союза. В Кемеровской области действовало шесть таких учреждений (Кемеровский, Сталинский, Анжерский, Ленинск-Кузнецкий, Тудальский, Мариинский), а в конце декабря 1945 г. в связи с увеличением беспризорных детей был открыт и седьмой – в г. Прокопьевске³. Детприемники в населенных пунктах Кемеровской об-

¹ Отделение по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

² Народный комиссариат внутренних дел. Далее – НКВД СССР.

³ Судя по отчетам отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью УНКВД Кемеровской области за 1944–1945 гг., в области было выявлено: беспризорных и безнадзорных в 1944 г. – 10 720 чел., а в 1945 г. – 14 033 чел. По этой причине потребность в дополнительном приемнике-распределителе была очень большая. Однако в начале 1949 г. в г. Сталинске (Новокузнецке, 1932–1961 гг.) по причине ветхости здания приемник-распределитель был закрыт. Вопрос о строительстве нового здания и, соответственно, о возобновлении деятельности детприемника областным руководством, несмотря на неоднократные ходатайства перед советским правительством, так и не был решен.

ласти располагались таким образом, чтобы можно было равномерно распределять по ним беспризорников, не допуская перегрузки одних и недогрузки других учреждений.

В детские приемники-распределители (ДПР) направлялись дети в возрасте до 14–15 лет включительно. В каждом из них примерная численность должна была составлять от 40 до 60–80 чел. Однако на протяжении всех 1940-х гг. количество поступающих детей существенно превышало возможности их содержания в этих учреждениях. Кроме круглых сирот сюда доставляли детей, у которых были родственники. К концу 1945 г. и до начала 1950 г. их число постоянно возрастало. Как отмечало руководство УНКВД-УМВД области, около 45 % детей и подростков попадали «на улицу» из многодетных семей. Ушедшие от родителей из-за тяжелого материального положения зачастую скрывали, что имеют родных и близких. Нередкими были случаи, когда при дезертирстве с производства мобилизованные на промышленные предприятия рабочие бросали своих детей на вокзалах и базарах. Возраст подбрасываемых, как правило, составлял от 2 до 7 лет. Так, например, в мае 1946 г. в Ленинск-Кузнецкий приемник железнодорожной милицией доставили четверых малолетних детей. Позже было установлено, что их родители приехали из Тамбовской области на шахту «Тырганские уклоны», откуда дезертировали. Уезжая на родину, своих детей они оставили на вокзале под предлогом того, что ушли на базар и вскоре вернутся [17, л. 10]. Если в 1944–1946 гг. количество беснадзорных детей и подростков в Кузбассе увеличивалось за счет семей из центральных районов страны и выходцев из сельской местности, потерявших связь со своими родственниками в ходе эвакуации, то в 1947–1949 гг. – в основном по причинам прибытия в область большого числа рабочих с Урала, Западной Украины, Белоруссии, средней полосы СССР.

Пребывание в приемниках-распределителях детей и подростков не должно было продолжаться более двух недель. Однако как в военное время, так и в первое послевоенное десятилетие зачастую сроки проживания в них воспитанников составляли от одного до трех, а иногда и до пяти месяцев. Во-первых, беспризорные и беснадзорные поступали в приемники-распределители в крайне истощенном состоянии, были больны различными, в том числе инфекционными (скарлатиной, корью, тифом, трахомой) заболеваниями, страдали педикулезом, чесоткой,

стригушим лишаем, пиодермией¹. В осеннее и зимнее время эпидемическая ситуация по скарлатине, дифтерии и кори в регионе только усугублялась. Как следствие, администрации ДПР требовалось время для проведения санитарно-гигиенических и профилактических мероприятий. Перевод в другие детские учреждения задерживали и из-за отсутствия в достаточном количестве зимней одежды и обуви во время суровых морозов.

Во-вторых, среди вновь прибывших необходимо было произвести серию карантинных мероприятий, взять анализы на наличие инфекционных заболеваний. В местных условиях это не всегда возможно было сделать оперативно. Санитарно-бактериологические лаборатории располагались на расстоянии 8–15 км от детприемников (Кемерово, Сталинск, Мариинск). В с. Тутальском и в г. Мариинске они совсем отсутствовали, поэтому для проведения необходимых анализов и прививок воспитанников приходилось возить в Томск [17, л. 11].

В-третьих, у большинства детей и подростков не было каких-либо документов, поэтому оформление личного дела (включая свидетельства о рождении, справки о здоровье), а также розыск сведений о предполагаемых родственниках требовали немалого времени.

Число беспризорников в Кузбассе пополняли выходцы из других регионов страны, которых ежедневно десятками снимала с проходящих поездов железнодорожная милиция на станциях Кемерово, Сталинска, Тайги, Юрги, Мариинска. Так, только за один день работы новокузнецкого отдела милиции в мае 1946 г. были задержаны 18 подростков, многие из них бежали из колоний Томска, Красноярска, Иркутска, Абакана [18, л. 6].

В весеннее и летнее время в 1940-е гг. росло число «беглецов», поступающих в приемники-распределители из сельской местности. На вопрос, задаваемый в железнодорожной милиции о причинах побега из дома, дети, как правило, отвечали, что «пришли устроиться в детский дом», а подростки, что «пришли устроиться на работу». Например, в мае сотрудники детской комнаты милиции задержали на кемеровском рынке промышляющих попрошайничеством семилетнего мальчика и

¹ Если инфекционное заболевание диагностировалось сразу, то детей определяли на лечение в местные больницы. На проведение необходимых анализов требовалось длительное время, а детприемники закрывали на карантин. За 1945–1947 гг. во всех шести детприемниках Кузбасса карантин вводился ежемесячно.

девятилетнюю девочку из Крапивинского района. Последние свое бегство в город объяснили: «... мы хотим устроиться в детский дом, так как у мамы в деревне есть нечего». Подобные ответы работники милиции получали в 70 % случаев от общего числа всех поступивших из сельской местности. Особенно тяжелая ситуация сложилась на севере Кемеровской области, где весной 1946 г. количество воспитанников в детприемнике г. Мариинска увеличилось втрое за счет притока детей и подростков из окрестных сел и деревень, в том числе из соседнего Красноярского края [19, л. 24].

Детские приемники-распределители финансировались за счет средств местных бюджетов Совнаркомов союзных республик и Наркомфина СССР. В условиях войны все детские учреждения испытывали материальные и финансовые проблемы. Это объяснялось не только трудностями военного и послевоенного времени, но зачастую и несогласованностью с местными органами власти. Например, в Кемеровской области зимой 1944–1945 гг. воспитанники детских учреждений не были обеспечены валенками, что в условиях сибирской зимы не просто затрудняло эвакуацию детей, но и приводило к частым случаям обморожения и способствовало росту заболеваемости воспитанников, особенно воспалением легких. В «угольном» регионе местные органы власти отказались от выделения топлива приемникам-распределителям. Вопрос снабжения этих учреждений углем удалось решить благодаря вмешательству заместителя народного комиссара угольной промышленности Советского Союза В.С. Абакумова, который находился в это время в Кемерово. Отдел борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью с его помощью добился отпуска угля от трестов Наркомугля [20, л. 9]. Ситуация обеспеченности детских учреждений топливом оставалась напряженной и в последующие зимы и была разрешена только к началу 1950 г.

Управление НКВД по Кемеровской области регулярно проводило обследования жилищно-бытовых условий, санитарного состояния и организации порядка в детприемниках. Приказом начальника УНКВД Кемеровской области от 18 мая 1945 г. обязанности по их ремонту были возложены на отделы (отделения) исправительно-трудовых колоний (ОИТК). Для создания в них приемлемых жилищно-бытовых условий стали выделять необходимые финансовые средства, строительные материалы и рабочих [21, л. 16].

Однако, как отмечалось в отчетах комиссий, в ряде детприемников имела место антисанитария. Приготовление пищи – не доброкачественное. Продукты питания были накрыты грязными тряпками. Детям вместо хлеба давали хлебные крошки. Совершенно отсутствовал медицинский надзор за воспитанниками. В спальнях детей матрасы оказались не зашиты, а на кроватях не хватало досок. Воспитанники ходили грязными, у многих отсутствовала какая-либо обувь. Реакция УНКВД следовала незамедлительно. Начальники детприемников, где выявлялись указанные недостатки, подвергались аресту (вплоть до уголовной ответственности), а часть из них увольнялись [22, л. 28].

Только ко второй половине 1948 г. в основном удалось наладить снабжение продуктами питания. Продовольствие получали через областные торговые отделы. Крупы, мясо, картофель, овощи доставлялись с городских подсобных хозяйств. Оказывали шефскую помощь и промышленные предприятия, в основном в организации ремонтных работ и в обеспечении строительными материалами [23, л. 56].

В первом квартале 1947 г. ввели усиленное питание истощенным детям, каждому приемнику-распределителю выделили до 10–12 дополнительных пайков на страдающих алиментарной дистрофией. В феврале начальник УМВД Кемеровской области издал специальный приказ о профилактических мерах по предотвращению детских инфекционных заболеваний: во всех учреждениях создали дезокамеры, ввели персональную ответственность должностных лиц за нарушения медико-санитарного режима.

В случае невозможности возвращения несовершеннолетних родителям дети до 14 лет направлялись через органы народного образования в соответствующие детские дома, подведомственные наркомату просвещения, или определялись на патронирование (усыновление). Подростки старше 14 лет устраивались по разверстке наркомпросов союзных республик на работу в промышленность или сельское хозяйство.

Дети в возрасте до трех лет включительно, поступающие в приемники-распределители, направлялись после обследования в местных органах здравоохранения в дома ребенка или на патронирование [24, л. 27]. В 1944 г. в Кемеровской области были открыты 50 детских домов (из них 42 – для школьников и восемь – дошкольных)¹, а на следующий

¹ В ноябре 1944 г. был открыт еще один детский дом с особым режимом содержания.

год по инициативе руководства промышленных предприятий и местных Советов стали действовать детские дома при Кузнецком металлургическом комбинате и заводе ферросплавов. К 1949 г. уже семь промышленных предприятий области имели детские дома для сирот, родители которых когда-либо на них работали. В сельской местности детдома располагались от 40 до 60 км от ближайших железнодорожных станций, что вносило существенные трудности не только в плане их материального снабжения, но и в комплектование воспитанниками.

Как и другие детские учреждения, детские дома имели «перекомплект» воспитанников, который сложился ввиду того, что по различным причинам в них продолжали находиться подростки старше 14 лет, к тому же имеющих 2–3 класса образования. Трудоустроить их в промышленность было практически невозможно, так как у них отсутствовали и образование, и какие-либо навыки к труду, и, конечно же, специальность. Рабочих мест для применения женского труда не хватало. Колхозы и совхозы также неохотно брали таких подростков, так как не могли в должной мере обеспечить их жильем и зарплатой. Промышленности региона нужны были квалифицированные рабочие кадры.

Для выхода из этой ситуации в области решением Совета министров СССР создавались ремесленные училища с четырехгодичным сроком обучения подростков. Главное управление трудовых резервов при Совнаркомe СССР производило набор несовершеннолетних из детских домов от 14 лет и старше на обучение в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищах с соблюдением всех правил приема и заявок промышленных предприятий области. Подростки, не желавшие обучаться в общеобразовательных школах, ремесленных училищах и школах ФЗО, направлялись на работу в промышленность и сельское хозяйство. Руководители предприятий и совхозов и председатели правлений колхозов, принимавшие на работу подростков, должны были обеспечивать их жильем¹. С промышленных предприятий области запрещалось увольнение лиц, не достигших 17-летнего возраста. Особое внимание уделялось охране их труда.

¹ Об устройстве детей, оставшихся без родителей: постановление СНК СССР от 23.01.1942 г. // Б-ка норм.-прав. актов Союза Советских Социалистических Республик [Электрон. ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4340.htm (дата обращения: 16.09.2020 г.).

Как отмечала М.Р. Зезина, серьезные трудности испытывали местные исполкомы и детприемники при устройстве детей-инвалидов и умственно отсталых. «Детские дома Министерства социального обеспечения были переполнены, и больные дети часто содержались в ДПР по несколько месяцев» [25]. Не исключением была ситуация и в Кузбассе. Процесс получения путевки в собесе на направление в специализированный детский дом занимал до восьми месяцев. Для детей-инвалидов в 1940–1950-е гг. в области действовали всего два таких учреждения, относящихся к Министерству социального обеспечения. В них могли лечиться до 140 чел. [26, л. 17]. В то же время потребность в домах инвалидов в области была очень высокой.

Работа по ликвидации побегов воспитанников ложилась «на плечи» работников приемников-распределителей и детских домов и строилась на основе директивы НКВД народным комиссарам внутренних дел республик, начальникам УНКВД краев и областей «О предотвращении побегов воспитанников» за № 100 от 13.03.1944 г. [27, л. 27]. В областном комитете партии и в УНКВД по КО констатировали, что число побегов из детдомов на протяжении всего послевоенного десятилетия оставалось высоким. Это было вызвано следующими причинами: плохие жилищно-бытовые условия, нарушения режима содержания и охраны и неудовлетворительная постановка культурно-массовой работы воспитанников.

В целях оказания помощи родителям и родственникам в поиске детей при центральных органах НКВД СССР создавались центральный справочный адресный детский стол и справочно-адресные детские столы при областных и краевых управлениях НКВД, городских отделах и районных отделениях НКВД. Дети, находящиеся в детских приемниках-распределителях, а также несовершеннолетние, направленные ими на производство, в детские учреждения или определенные на патронат, в обязательном порядке регистрировались в справочно-адресных детских столах. В сельской местности учет несовершеннолетних производился исполкомами сельсоветов, в городах и поселках городского типа – участковыми милиции, уличными комитетами, домоуправлениями и фабрично-заводскими комитетами. Усыновление и патронирование детей войны в семьях рабочих, служащих и колхозников осуществлялось на добровольных началах и поощрялось государством.

Лицам, принявшим на воспитание (патронат) детей, должны были выдавать через местные органы Наркомпроса ежемесячное пособие в размере 50 р. на одного ребенка. Над такими детьми был установлен контроль со стороны наркомпросов, наркомздравов союзных республик и их местных органов, а также городских, районных и сельских советов депутатов трудящихся.

При определении детей на патронат или при направлении на работу в промышленность и сельское хозяйство несовершеннолетние должны были обеспечиваться приемниками-распределителями НКВД необходимой одеждой на сумму до 200 р. на одного человека. При этом одежда и обувь выделялась по заявкам органов НКВД местными органами власти.

На начало 1948 г. в Кузбассе на патронате находилось 2868 чел. Из них опекаемых – 1 780 чел., усыновленных – 375 чел. В том числе детей фронтовиков Великой Отечественной войны: на патронате – 432 чел., были отданы под опеку – 232 чел., усыновлены – 219 чел., определены в детские дома – 482 чел., определены в ремесленные училища и в ФЗО – 57, не устроено – 55 чел. [28, л. 13].

К 1950 г. количество беспризорных детей сократилось. Однако советским правительством и областными органами власти проблемы безнадзорности и беспризорности с повестки дня не снимались. Проводилась целенаправленная и активная работа по борьбе с преступностью несовершеннолетних, с детской безнадзорностью и беспризорностью. Во взаимодействии с государственными органами, партийными и общественными организациями, хозяйственными и иными предприятиями был принят комплекс мер по выявлению, задержанию, устройству беспризорных и безнадзорных детей. Большое внимание уделялось ограждению детей от уголовно-преступного элемента и созданию необходимых условий для их нормальной жизни и учебы.

В послевоенные годы показатели беспризорности и безнадзорности как в стране, так и рассматриваемом нами регионе по-прежнему оставались высокими. За 1948–1949 гг. и первые три квартала 1950 г. детприемники-распределители приняли 5677 детей и подростков (2522 – беспризорных и 3095 безнадзорных). Из них 2359 чел. имели одного родителя, а 1061 чел. – двоих [29, л. 20]. К 1950 г. в области сократилось количество нищенствующих детей. Однако сохранялись причины беспризорности и особенно безнадзорности: материальные трудности низкооплачиваемых

семей; плохие материально-бытовые условия в детских домах области; значительный уровень преступности в регионе, в результате чего в детские дома поступали дети осужденных и отбывающих наказание в колониях родителей; отсутствие должного воспитания в семье. До 1949 г. в Кузбассе отсутствовала собственная детская колония для несовершеннолетних преступников и правонарушителей отправляли для отбытия срока наказания в соседние сибирские регионы. Более 50 % детей в ДПР и детские дома поступали не с «улицы», а из семей. В 1950–1951 гг. за «допущение безнадзорности и жестокого обращения с детьми» показательными народными судами в Кузбассе были лишены родительских прав десятки отцов и матерей. Их детей направляли в детские дома, а родители выплачивали в зависимости от их количества алименты на содержание [30, л. 123].

К 1950 г. в Кемеровской области функционировало 49 детских домов, в которых воспитывалось 6260 детей. Лишь спустя восемь лет число их воспитанников сократилось [31, л. 19]. Можно констатировать, что в тяжелое для страны время на уровне государственной власти и на местах принимались серьезные меры по ликвидации беспризорности и безнадзорности – «спутников» войны.

Список литературы

1. Карамышева Н.Н. Некоторые проблемы охраны детства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири) // Проблемы отечественной истории: сб. науч. ст. аспирантов и соиск. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 84–104.
2. Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопр. ист. – 1999. – № 1. – С. 127–136.
3. Меркурьева В.С. Реализация государственной политики в отношении детей-сирот в Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2009. – 22 с.
4. Ложкина И.А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны: на материалах детских домов и интернатов Удмуртской АССР: автореф. дис. канд. ист. наук. – Ижевск, 2010. – 25 с.
5. Рисулова Ф.Ф. Социальная защита беспризорных и безнадзорных детей в 1945–1946 гг. (на материалах БАССР) // Исторические исследования: материалы I междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2012 г.). – Уфа: Лето, 2012. – С. 55–58.
6. Бобровников В.Г., Дулина Н.В., Игнатова Ю.Е. Беспризорники военного времени: вопросы социальной защиты в Сталинградской области в период 1941–1945 гг. // Соц.-гуманитар. вестн. Прикаспия: науч. журн. / Астрахан. инж.-строит. ин-т. – Астрахань: АИСИ. – 2015. – № 2 (3). – С. 39–45.
7. Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. канд. ист. наук. – Томск, 2004. – 27 с.

8. Меркурьева В.С. Реализация государственной политики в отношении детей-сирот в Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2009. – 22 с.

9. Тарасова Л.Я. Деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Алтайском крае: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013. – 165 с.

10. Славко А.А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х гг.: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. д-ра ист. наук. – Самара, 2011. – 43 с.

11. Гусак В.А. Милиция в системе органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. – 2009. – № 9. – С. 81–86.

12. Гусак В.А. Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 48 с.

13. Воеводина Т.К. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних. – Петрозаводск: Новая наука, 2019. – 101 с.

14. Емелин С.М. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вопр. ювен. юстиции. – 2010. – № 2 (28) [Электрон. ресурс]. – URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopi> (дата обращения: 14.09.2020).

15. Архив информационного центра Главного управления МВД России по Кемеровской области (далее – ИЦ ГУ МВД России по КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

16. Кузьмин С.И., Якушина Е.С. Уголовная и исправительно-трудовая политика в отношении несовершеннолетних правонарушителей в годы Великой Отечественной войны [Электрон. ресурс]. – URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4383> (дата обращения: 12.08.2020).

17. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 9.

18. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10.

19. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 16.

20. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

21. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11.

22. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 16. Д. 11.

23. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

24. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.

25. Зезина М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР. – М.: Науч. цифр. б-ка PORTALUS.RU, 04 окт. 2007 [Электрон. ресурс]. – URL: <https://portalus.ru/modules/shkola/rus>

26. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 12. Оп. 16. Д. 9.

27. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 210.

28. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.

29. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17.

30. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 12. Оп. 16. Д. 10.

31. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 12. Оп. 16. Д. 23.

References

1. *Karamysheva N.N. Nekotorye problemy ohrany detstva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Vostochnoj Sibiri)* [Some problems of child protection during the Great Patriotic War (based on materials from Eastern Siberia)] // *Problemy Otech-*

estvennoj istorii. Sbornik nauchnyh statej aspirantov i soiskatelej [Problems of the Patriotic History. Collection of scientific articles of graduate students and applicants]. – M., 1993. – V. 2. – P. 84–104.

2. *Zežina M.R. Social'naya zashchita detej-sirot v poslevoennye gody (1945–1955)* [Social protection of orphans in the post-war years (1945–1955)] // *Voprosy istorii* [History questions]. – 1999. – № 1. – P. 127–136.

3. *Merkuryeva V.S. Realizaciya gosudarstvennoj politiki v otnoshenii detej-sirot v Stalingradskoj oblasti v 1943 – nachale 1950-h gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Implementation of state policy in relation to orphans in the Stalingrad region in 1943 – early 1950s: author. dis. cand. ist. sciences]. – Astrahan, 2009. – 22 p.

4. *Lozhkina I.A. Social'naya zashchita detej-sirot v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: na materialah detskih domov i internatov Udmurtskoj ASSR: avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Social protection of orphans during the Great Patriotic War: on materials from orphanages and boarding schools of the Udmurt ASSR: author. dis. cand. ist. sciences]. – Izhevsk, 2010. – 25 p.

5. *Riskulova F.F. Social'naya zashchita besprizornyh i beznadzornyh detej v 1945–1946 gg. (na materialah BASSR)* [Social protection of homeless and neglected children in 1945–1946. (based on materials from BASSR)] // *Istoricheskie issledovaniya: materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Ufa, iyun' 2012 g.)* [Materials of the I International Scientific Conference (Ufa, June 2012)]. – Ufa: Leto, 2012. – P. 55–58.

6. *Bobrovnikov V.G., Dulina N.V., Ignatova YU.E. Besprizorniki voennogo vremeni: voprosy social'noj zashchity v Stalingradskoj oblasti v period 1941–1945 gg.* [Wartime homeless children: issues of social protection in the Stalingrad region in the period 1941–1945.] // *Social'no-gumanitarnyj vestnik Prikaspiya: nauchnyj zhurnal / Astrahanskij inženerno-stroitel'nyj institut. Astrahan* [Social and humanitarian bulletin of the Caspian region: scientific journal / Astrakhan Civil Engineering Institute]: GAOU AO VPO «AISI». – 2015. – № 2 (3). – P. 39–45.

7. *Dunbinskaya T.I. Social'naya adaptaciya detej na territorii Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: analiz istoricheskogo opyta: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Social adaptation of children on the territory of Western Siberia during the Great Patriotic War: analysis of historical experience: author. dis. cand. ist. sciences]. – Tomsk, 2004. – 27 p.

8. *Merkurieva V.S. Realizaciya gosudarstvennoj politiki v otnoshenii detej-sirot v Stalingradskoj oblasti v 1943 – nachale 1950-h gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Implementation of state policy in relation to orphans in the Stalingrad region in 1943 – early 1950s: author. dis. cand. ist. sciences]. – Astrahan, 2009. – 22 p.

9. *Tarasova L.A. Deyatel'nost' gosudarstvennyh i obshchestvennyh organizacij po likvidacii detskoj besprizornosti i beznadzornosti v Altajskom krae: 1941–1945 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of state and public organizations to eliminate child homelessness and neglect in the Altai territory: 1941–1945: dis. ... cand. ist. sciences]. – Barnaul, 2013. – 165 p.

10. *Slavko A.A. Detskaya besprizornost' i beznadzornost' v Rossii konca 1920-h – nachala 1950-h godov: social'nyj portret, prichiny, formy bor'by: avtoref. dis. dokt. ist. nauk* [Children's homelessness and neglect in Russia in the late 1920s – early 1950s: a social portrait, causes, forms of struggle: avtoref. of dis. doct. ist. sciences]. – Samara, 2011. – 43 p.

11. *Gusak V.A. Miliciya v sisteme organov po bor'be s detskoj besprizornost'yu i beznadzornost'yu v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [The police in the system of bodies to combat child homelessness and neglect during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Institute Bulletin: crime, punishment, correction]. – 2009. – № 9. – P. 81–86.

12. *Gusak V.A. Deyatel'nost' sovetskoj milicii po obespecheniyu funkcionirovaniya tylu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, iyun' 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk* [The activities of the Soviet militia to ensure the functioning of the rear during the Great Patriotic War, June 1941–1945: historical and legal research: author. dis. ... doct. jurid. sciences]. – M., 2010. – 48 p.

13. *Voevodina T.K. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov o nesovershennoletnih* [Prosecutorial Supervision over the execution of juvenile law]. – Petrozavodsk: MCNP «Novaya nauka [Petrozavodsk: ICNP "New Science], 2019. – 101 p.

14. *Emelin S.M. Bor'ba s detskoj besprizornost'yu i beznadzornost'yu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Combating child homelessness and neglect during World War II (1941–1945)] // *Voprosy yuvenal'noj yusticii* [Questions of Juvenile Justice]. – 2010. – № 2 (28).

15. *Arhiv informacionnogo centra Glavnogo upravleniya MVD Rossii po Kemerovskoj oblasti (dalee – IC GU MVD Rossii po KO)* [Archive of the information center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo Region (hereinafter - Archive IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia for KD)]. F. 1. Op. 1. D. 2.

16. *Kuzmin, S.I., Yakushina, E.S. Ugolovnaya i ispravitel'no-trudovaya politika v otnoshenii nesovershennoletnih pravonarushitelej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Criminal and corrective labor policy in relation to juvenile offenders during the Great Patriotic War]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4383>.

17. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 11. Op. 1. D. 9.

18. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 11. Op. 1. D. 10.

19. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 11. Op. 1. D. 16.

20. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 1. Op. 1. D. 17.

21. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 1. Op. 1. D. 11.

22. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 11. Op. 16. D. 11.

23. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 1. Op. 1. D. 3.

24. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 1. Op. 1. D. 8.

25. *Zežina M.R. Sistema social'noj zashchity detej-sirot v SSSR* [The system of social protection of orphans in the USSR]. - Moskva: Nauchnaya cifrovaya biblioteka PORTALUS.RU, 04 oktyabrya 2007. [M.: Scientific digital library PORTALUS.RU, 04 October 2007]. URL: <https://portalus.ru/modules/shkola/rus>

26. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 12. Op. 16. D. 9. (In Russian).

27. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF)* [The State Archive of the Russian Federation (hereinafter – GARF)]. F. R-9401. Op. 12. D. 210. L. 2.

28. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 1. Op. 1. D. 12.

29. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 16. Op. 1. D. 17.

30. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 16. Op. 1. D. 10.

31. *Archive IC GU MVD Russia of KD*. F. 12. Op. 16. D. 23.

О.А. Балабейкина, К.С. Гаврилова, А.А. Янковская

Процесс формирования экологической ответственности и его влияние на бытовое поведение у населения Швеции в XX в.

В статье на основе разнообразных русско- и шведскоязычных источников рассматриваются основные этапы процесса формирования экологического сознания населения Швеции и его влияние на бытовое поведение. Проблема утилизации бытовых отходов – неотъемлемая часть повседневной жизни общества на любом этапе его развития, но особенно она обострилась в условиях постиндустриальной стадии, предполагающей рост производства и потребления. Наибольшего успеха в формировании экологической ответственности, разнообразно проявляющейся в быту, достигла Швеция, поэтому так актуально рассмотрение опыта данной страны в этом направлении.

Первый опыт применения практики отдельного сбора бытовых отходов, неотъемлемой в современном быту населения стран Северной Европы, имел место в конце XIX – начале XX в. именно в Швеции, в Стокгольме. В последующие десятилетия в стране поступательно развивалось направление, формирующее природосообразную модель поведения у ее жителей. Во многом этому способствовала грамотная система экологического воспитания и образования, а также постоянное внедрение в повседневную жизнь результатов научных достижений в данной области. Высокий уровень экологической культуры, обуславливающий экологическую ответственность населения Швеции, формировался более века благодаря разнообразным мероприятиям и постепенно стал неотъемлемой частью ментальности, которая успешно проявляется в организации разных сторон быта.

Ключевые слова: Швеция начала XX в., природосообразная ментальность, экологически осознанная модель поведения, утилизация бытовых отходов

***Ol'ga A. Balabeikina, Karineh S. Gavrilova,
Anna A. Yankovskaya***

The process of formation of environmental responsibility and its impact on everyday behavior of the population of Sweden in the XX century

The article, based on various Russian and Swedish-language sources, examines the main stages of the process of forming the ecological consciousness of the Swedish population and its influence on everyday behavior. The problem of utilization of household waste is an integral part of the conventional life of society at any stage of its development, but it has become especially acute in the conditions of the post-industrial stage, which presupposes an increase in production and consumption. Sweden has achieved the greatest success in the formation of environmental responsibility, manifested in various

ways in everyday life, therefore it is so important to consider the experience of the designated country in this direction.

The first experience of separate collection of household waste, which is integrated in the modern life of the population of the Nordic countries, took place in the late XIX and early XX centuries precisely in Sweden, in Stockholm. In the following decades, this direction was progressively developing in the country, forming a nature-friendly model of behavior among its inhabitants. This process was facilitated by a competent system of environmental upbringing and education, as well as the regular introduction of the results of scientific achievements in this area into everyday life. The high level of environmental culture, which determines the environmental responsibility of the Swedish population, has been formed for more than a century due to variety of activities and has gradually become an integral part of the mentality, which is successfully showed by the organization of different aspects of life.

Key words: Sweden in the beginning of the XX century, nature-friendly mentality, environmentally conscious model of behavior, utilization of household waste.

Постиндустриальный этап развития общества поставил перед человечеством многие проблемы таким образом, что от их решения зависит все его дальнейшее существование. К таковым, безусловно, относятся вопросы, связанные с сохранением окружающей природной среды и бережным отношением к использованию природных ресурсов. В комплексном подходе к решению этих проблем немаловажное место занимает формирование природосообразной ментальности населения, которая должна находить отражение во всех сферах человеческой деятельности, в том числе в быту. Признанным является тот факт, что на данный момент страны Северной Европы достигли наибольших успехов в развитии данного направления и экологически осознанное поведение является одной из отличительных черт, присущих жителям региона [1, с. 1399; 2]. Процесс формирования модели бытового поведения, направленного на бережное отношение к природным ресурсам и окружающей среде, протекает в Швеции не один десяток лет. Поскольку в России данный вопрос находится в стадии решения, а меры, принимаемые для его реализации, на практике внедряются с большим трудом и не дают желаемых результатов [3, с. 55], для нас представляет большой интерес опыт стран Северной Европы. Именно это делает особенно актуальным обращение к этапам становления модели экологически обусловленного бытового поведения в ретроспективе на примере Швеции и других стран региона.

Цель данной статьи – выявить, в какой период и с помощью каких средств было положено начало формированию природоохранной мен-

тальности населения стран Северной Европы, благодаря которой многие действия в повседневной жизни стали осознанно направляться на сохранение природных ресурсов и минимизацию экологического следа.

В шведскоязычной научной литературе данная проблематика нашла подробное отражение, став главным предметом диссертационного исследования историка экономических учений Юльвы Шёстранд, по результатам которого автор была удостоена премии «Клио-2015» [4]. Отечественные ученые также неоднократно обращались к опыту европейских стран, рассматривая вопросы, связанные с проявлением мер экологической политики в повседневности [5; 6, с. 201]. Но в центре их внимания оказывались современные практики бытового природосообразного поведения, а ретроспективные аспекты, обусловившие его формирование, чаще всего оставались в стороне. Среди немногих исключений следует упомянуть работу И.А. Цверианашвили, в которой представлены результаты исследования, посвященные экологическим школам Швеции 1930–1990 гг. [7].

Между тем, осознавая преимущества экологической политики зарубежных стран в данном направлении и желая во многом перенять их результативный опыт, нельзя не учитывать исторические факторы, под воздействием которых выработывалась современная модель экологически грамотно организованного быта.

При обращении к рассмотрению конкретных мер, связанных с минимизацией экологического следа в быту, в первую очередь в сознании ассоциативно возникает очень популярная в современной Швеции практика отдельной сортировки твердых бытовых отходов (ТБО). Результаты ее применения таковы, что из почти 0,5 млн т отходов, которые ежегодно в среднем приходится на одного жителя страны, 99 % перерабатывается с целью вторичного использования или сжигается для получения тепла и энергии [8, с. 199; 9].

Мировое лидерство Швеции в области организации сбора и переработки бытовых отходов – общепризнанный факт, поэтому его история заслуживает внимания [10].

Еще зафиксированные в ходе археологических раскопок североевропейские поселения, датированные периодом каменного века, отмечены находками, в которых содержались пищевые отходы. Они позволяют специалистам судить о рационе питания в обозначенный период,

а в шведском языке стали именоваться «kökkenmödding» – двусоставным заимствованным датским термином, состоящим из двух слов – «кухня» и «навоз», что в переводе на русский язык означает «куча мусора». Древнейшие североевропейские поселения были малочисленными, поэтому самоутилизовались оставленные ими органические остатки, не оставляя существенного экологического следа.

Ситуация постепенно изменялась и усугублялась по мере развития общества. В сельской местности остатки пищи – преобладающий вид отходов – использовались для корма свиней, но в городах Швеции, где к началу XIX в. проживало 10 % населения страны, утилизация отходов обернулась серьезной проблемой. Уличные водостоки и выкопанные во дворах ямы служили в качестве мусорных свалок, что привело к вспышке заболевания холерой, достигшей Швеции в 1834 г. Чтобы предотвратить распространение болезни, было решено организовывать мусорные свалки за пределами городов. В 1868 г. законодательно было запрещено выбрасывать мусор на улицу [11].

Первые попытки вовлечения бытовых отходов в качестве сырья для промышленного производства удобрений датируются рубежом XIX–XX вв. и отражены в соответствующей документации [12]. Начало организованной практике раздельного сбора твердых бытовых отходов было положено в Швеции в 1907 г. Тогда жители Стокгольма их рассортировывали на два вида: пригодные и непригодные к использованию как удобрение или для корма свиней. Причем второй вид мусора, если не находил какого-либо применения у старьевщиков, сбрасывался в воду. Что касается пищевых органических отходов, то призывы к их отделению были обусловлены идеей использования в качестве корма на свинофермах, расположенных в небольшом радиусе от крупных городов Швеции, но уже в 1920-х гг. установившиеся низкие цены на свинину послужили для признания этой практики экономически нецелесообразной [11].

В 1920-е гг. в повседневном быту многих городских жителей Швеции появился мусоропровод, который в 1980-х постепенно был выведен из употребления. Причем среди причин этого, помимо нарушения санитарных, а также норм гигиены и охраны труда, значится и практика сортировки и переработки отходов [4].

В Швеции, несмотря на успешное внедрение мер, направленных на грамотную утилизацию бытовых отходов с начала XX в., сохранялись и серьезные проблемы. Например, не только в сельской местности, но даже в городах до середины 1970-х гг. еще оставались дворовые туалеты, которые периодически обслуживались специальными машинами ассенизаторами. Тем не менее действия, связанные с решением подобного рода проблем, продумывались и осуществлялись [13].

Позитивные изменения в быту шведов, связанные со сбором и утилизацией отходов, происходили постоянно, намного опережая в этом плане другие страны. Так, уже в 1954 г. альтернативой жестяному ведру для сбора домашнего мусора стали специальные одноразовые бумажные мешки, использование которых было гораздо более гигиеничным в домашнем быту и позволяло сотрудникам служб, работавших с утилизацией и переработкой отходов, избегать физического контакта с ними [4]. В 1970-х гг. появились первые пластиковые баки для сбора мусора, а бумажные пакеты заменились полиэтиленовыми [14].

Еще одну существенную трансформацию бытового поведения жителей Швеции повлекло за собой вступление в силу в 1972 г. закона, устанавливавшего запрет домашним хозяйствам на сжигание или иные виды утилизации отходов. То есть с того момента жители Швеции больше не имели права сжигать или закапывать мусор на собственных участках. Этим теперь предписывалось заниматься специальным службам на уровне муниципалитетов [15]. Муниципальные власти несли обязательство проводить исследования в области мониторинга состояния окружающей среды и публиковать по нему отчетные данные [16]. Формированию экологической ответственности в тот период времени существенно способствовал экономический фактор: в 1970-х гг. цены на нефть и нефтепродукты на мировом рынке существенно возросли. Тогда и началось активное использование тепла от сжигания отходов для центрального теплоснабжения, при этом снижалась зависимость от потребления нефтепродуктов [14].

Несмотря на то, что с начала XX в. в Швеции активно внедрялись природоохранные меры, которые находили отражение и в организации быта, законодательно концепция переработки использованных материалов была закреплена по инициативе членов парламента страны только в 1975 г. [17].

Еще один прорыв в переработке вторичного сырья произошел в Швеции в 1994 г., когда был принят закон, обязывающий производителя к использованию перерабатываемых упаковок [18].

Одним из важнейших инструментов экологической политики, который служит формированию экологической ответственности у шведского населения, является сфера образования. С 1980-х гг. в рамках системы образования в стране стали реализовываться целевые программы его экологизации для учащихся старших классов школ и студентов педагогических вузов [7, с. 74]. Причем в центре внимания разработчиков этих программ изначально оказалась именно экологическая история, так как, согласно их мнению, именно обращение к ретроспективе лучше всего помогает осознать первопричины экологических проблем, выявить, какое отношение они вызывали у людей на разных этапах развития общества, а также узнать, какие меры предпринимались при попытках решения той или иной ситуации [19, с. 12]. Экологическое образование в Швеции носит практико-ориентированный характер и направлено на то, чтобы у учащихся сформировалось представление о взаимосвязанности конкретных, ежедневно совершаемых ими действий с последствиями для окружающей среды [20].

Интересно отметить тот факт, что на современном этапе экологическая ответственность у населения страны целенаправленно воспитывается с самого раннего возраста. Причем для этого используются новейшие технические средства и привычные для детей средства наглядности. Очевидно, что обучающие программы выполнены с учетом психофизиологических особенностей разных возрастных групп для максимально удобного восприятия и усвоения знаний.

Если экологизация образования младших школьников начиналась в конце 1980-х – 1990-е с разработки тематических комиксов и рассказов для детей, то в наше время большое распространение и популярность получили обучающие игровые мультипликационные фильмы. Например, один из них, в котором главные герои – фантастические добрые монстры-сборщики мусора, размещен на школьном сайте Hässleholm Miljö's skolhemsida [21].

Для обучения детей младшего возраста отдельной сортировке мусора разработана электронная игра, в которой необходимые для этого действия увлекательно показывает маленький червячок [22]. Популярны в Швеции и обучающие мини-сериалы, направленные на то,

чтобы прививать нормы природосообразного поведения детей. Например, фильм «Приключения Элиаса», состоящий из коротких серий (по 9–10 мин), рассказывает о маленьком мальчике Элиасе, который учится сортировать мусор, помогая при этом своему отцу [23]. Другой аналогичный пример – фильм для дошкольников «Барр и Пинне спасают мир», где по сюжету главные герои спасают мир от мусора и узнают о правилах его сортировки, переработки и утилизации. Тематические серии посвящены отдельным правилам бытового природосообразного поведения: куда бросать стекло, газеты, батарейки и т. д. [24].

Получил популярность и сериал для дошкольных учреждений: Ангелина сопровождает Торо, который работает на фабрике по переработке вторсырья, где ПЭТ-бутылки сортируются и измельчаются, а затем перерабатываются [25].

Итак, практика внедрения модели природосообразного поведения в Швеции изначально была продиктована экономическими и санитарно-гигиеническими причинами, вполне понятными для людей, так как они непосредственно связаны с состоянием их здоровья и благополучия, поэтому довольно легко воспринималась ими. С течением времени эта практика приобрела законодательно закреплённые формы и очень прочно вошла в быт шведов.

За более чем столетний период формирования экологической ответственности населения в ментальности и поведении современных шведов закрепились нормы, направленные на бережное и экономное расходование природных ресурсов, а также действия, способствующие максимальному использованию вторичной переработки сырья. В повседневной жизни они постоянно сталкиваются с наглядными свидетельствами, напоминающими им о соответствующих нормах: эмблемами, призывами, плакатами, пунктами сбора пластиковых бутылок и иных видов бытовых отходов [26; 27].

Грамотно организованная система экологического воспитания и образования на всех уровнях также способствует успешному формированию экологического сознания у населения Швеции, что позволяет ей на данный момент быть одним из мировых лидеров в области распространения природосообразного образа жизни.

Список литературы

1. Тайлакова Е.А. Воспитание экологической культуры детей и молодежи в Финляндии и Швеции // Вестн. Башкир. ун-та – 2012. – № 3. – С. 1398–1402.
2. Ekvall T., Malmheden S. Hållbar Avfallshantering: Populärvetenskaplig sammanfattning av Naturvårdsverkets forskningsprogram // Naturvårdsverket. – 2012. – 57 p. – URL: <https://www.naturvardsverket.se/Documents/publikationer6400/978-91-620-6523-2.pdf> (дата обращения: 19.11.2020).
3. Шурупова М.Ф. Повседневное поведение в быту и экологическое сознание россиян // Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда: материалы XII регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием / сост. и отв. ред.: И.А. Федоров; А.Я. Донин; В.Г. Лебедева. – СПб.: С.-Петербур. гос. лесотехн. ун-т им. С.М. Кирова, 2018. – С. 51–57.
4. Sjöstrand Y.S. Stadens sopor: Tillvaratagande, förbränning och tippning i Stockholm 1900–1975. – Lund: Nordic Academic Press, 2014. – 320 p.
5. Болотова А.А. Экологическая политика повседневности в западных странах и в России // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 80–89.
6. Халий И.А. Экологическое сознание населения современной России // История и современность. – 2015. – № 1 (21) – С. 189–205.
7. Цверианашвили И.А. Из истории научного опыта Швеции в решении экологических проблем в 1930–1990-х гг. // Клио. – 2016. – № 9 (117). – С. 71–76.
8. Черныщов В.И., Рей Д.В. Обращение с твердыми бытовыми отходами в Швеции // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. – 2016. – № 1. – С. 99–201.
9. Статистический портал Швеции. – URL: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 20.11.2020).
10. Swedish National Reporting to the UN Commission on Sustainable Development CSD18-19 Chemicals, Waste management, Sustainable consumption and production, Transport and Mining. – URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/dsd/dsd_aofw_ni/ni_pdfs/NationalReports/sweden/Full_text.pdf (дата обращения: 21.11.2020).
11. Avfallshantering genom tiderna. – URL: <https://www.rambo.se/skola/renhallning-en-historia/> (дата обращения: 22.11.2020).
12. Meddelande angående billig gödsel från Renhållningsverket i Stockholm. – Stockholm, 1903.
13. Naturen och samhället. Betänkande avgivet av 1960 års naturvårdsutredning. – Stockholm, 1962. – 440 p.
14. Valenzuela N.C. A comparative study of waste collection systems in Mexico and Sweden. – University West, Department of Technology, Mathematics and Computer Science, S-461 86 Trollhättan, SWEDEN – 46 p. – P. 23. – URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:215443/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 22.11.2020).
15. Environmental Legislation and the Regulation of Waste Management in Sweden. – URL: <https://www.nrel.gov/docs/legosti/old/7976.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).
16. Stockholms kommun, miljö- och hälsovårdsförvaltningen, *Stockholms luft. Sammanställning och utvärdering av luftföroreningsundersökningar vid förbränningsanläggningarna i Högdalen och Lövsta.* – Stockholm. – 1978.
17. A Strategy for Sustainable Waste Management Sweden's Waste Plan. – URL: <https://www.naturvardsverket.se/Documents/publikationer/620-1249-5.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).
18. From waste management to resource efficiency. – URL: <http://www.naturvardsverket.se/Documents/publikationer6400/978-91-620-6560-7.pdf> (дата обращения: 21.11.2020).
19. Karlegård C., Toftenow H. (red). Miljöhistoria. – Lund: Studentlitteratur, 1990. – 199 p.

20. The Status of Environmental Education in Sweden. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197279331.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).
21. Hässleholm Miljös skolhemsida. – URL: <https://www.mittavtryck.se/> (дата обращения: 20.11.2020).
22. Spela Sopspelet. – URL: <https://sopspelet.se> (дата обращения: 21.12.2020).
23. Elias äventyr <https://www.svt.se/barnkanalen/barnplay/elias-aventyr> (дата обращения: 22.12.2020).
24. Barr och Pinne räddar världen. – URL: <https://urplay.se/serie/155102-barr-och-pinne-raddar-varlden> (дата обращения: 22.11.2020).
25. Med på jobbet: På återvinningsfabriken. – URL: <https://sli.se/apps/sli/prod-info.php?db=36&article=U104824-04> (дата обращения: 22.12.2020).
26. Ecological Citizens: Identifying Values and Beliefs that Support Individual Environmental Responsibility among Swedes. – URL: https://www.researchgate.net/publication/43336250_Ecological_Citizens_Identifying_Values_and_Beliefs_that_Support_Individual_Environmental_Responsibility_among_Swedes (дата обращения: 21.11.2020).
27. Swedish Sustainable Building. – URL: https://www.formas.se/download/18.462d60ec167c69393b91e53c/1549956093043/Formas_SB11_brochure.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

References

1. Tailakova E.A. *Vospitanie ehkologicheskoi kul'tury detei i molodezhi v Finlyandii i Shvetsii* [Raising the ecological culture of children and youth in Finland and Sweden] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. – 2012. – № 3. – P. 1398–1402.
2. Ekvall T., Malmheden S. Hållbar Avfallshantering: Populärvetenskaplig sammanfattning av Naturvårdsverkets forskningsprogram // Naturvårdsverket. – 2012. – 57 p. – URL: <https://www.naturvardsverket.se/Documents/publikationer6400/978-91-620-6523-2.pdf> (accessed: 19.11.2020).
3. Shurupova M.F. *Povsednevnoe povedenie v bytu i ehkologicheskoe soznanie rossiyan* [Everyday behavior in everyday life and the ecological consciousness of Russians] // *Problemy sotsiokul'turnoi i politicheskoi modernizatsii: chelovek, kommunikatsiya, sreda Materialy XII regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of socio-cultural and political modernization: man, communication, environment. Materials of the XII regional scientific-practical conference with international participation] / red.: I.A. Fedorov; A.Y. Donin; V.G. Lebedeva. – SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi lesotekhnicheskii universitet imeni S.M. Kirova, 2018. – P. 51–57.
4. Sjöstrand Y.S. *Stadens sopor: Tillvaratagande, förbränning och tippning i Stockholm 1900–1975*. – Lund: Nordic Academic Press, 2014. – 320 p.
5. Bolotova A.A. *Ehkologicheskaya politika povsednevnosti v zapadnykh stranakh i v Rossii* [Environmental policy of everyday life in Western countries and in Russia] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. – 2002. – № 1. – P. 80–89.
6. Khalii I.A. *Ehkologicheskoe soznanie naseleniya sovremennoi Rossii* [Ecological consciousness of the population of modern Russia] // *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity]. – 2015. – №1 (21). – P. 189–205.
7. Tsverianashvili I.A. *Iz istorii nauchnogo opyta Shvetsii v reshenii ehkologicheskikh problem v 1930–1990-kh godakh* [From the history of Sweden's scientific experience in solving environmental problems in the 1930s–1990s.] // *Klio* [Clio]. – 2016. – №9 (117). – P. 71–76.
8. Chernyshchov V.I., Rei D.V. *Obrashchenie s tverdymi bytovymi otkhodami v Shvetsii* [Solid Waste Management in Sweden] // *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. – 2016. – № 1. – P. 99–201.

9. Statistisches portal Shvetsii. – URL: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (accessed: 20.12.2020).
10. Swedish National Reporting to the UN Commission on Sustainable Development CSD18-19 Chemicals, Waste management, Sustainable consumption and production, Transport and Mining. [Electronic resource]. Access mode: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/dsd/dsd_aofw_ni/ni_pdfs/NationalReports/sweden/Full_text.pdf (accessed: 21.12.2020).
11. Avfallshantering genom tiderna [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rambo.se/skola/renhallning-en-historia/> (accessed: 20.12.2020).
12. Meddelande angående billig gödsel från Renhållningsverket i Stockholm. – Stockholm, 1903. – 80 p.
13. Naturen och samhället. Betänkande avgivet av 1960 års naturvårdsutredning. – Stockholm, 1962. – 440 p.
14. Valenzuela N.C. A comparative study of waste collection systems in Mexico and Sweden. - University West, Department of Technology, Mathematics and Computer Science, S-461 86 Trollhättan, SWEDEN - 46 p. – P. 23 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:215443/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 20.12.2020).
15. Environmental Legislation and the Regulation of Waste Management in Sweden. – URL: <https://www.nrel.gov/docs/legosti/old/7976.pdf> (accessed: 20.11.2020).
16. Stockholms kommun, miljö- och hälsovårdsförvaltningen, Stockholms luft. Sammanställning och utvärdering av luftföroreningsundersökningar vid förbränningsanläggningarna i Högdalen och Lövsta. – Stockholm, 1978.
17. A Strategy for Sustainable Waste Management Sweden's Waste Plan [Electronic resource]. Access mode: <https://www.naturvardsverket.se/Documents/publikationer/620-1249-5.pdf> (accessed: 20.11.2020).
18. From waste management to resource efficiency [Electronic resource]. Access mode: <http://www.naturvardsverket.se/Documents/publikationer6400/978-91-620-6560-7.pdf> (accessed: 21.11.2020).
19. Karlegård C., Toftenow H. (red). Miljöhistoria. – Lund: Studentlitteratur, 1990. – 199 p.
20. The Status of Environmental Education in Sweden [Electronic resource]. Access mode: <https://core.ac.uk/download/pdf/197279331.pdf> (accessed: 20.11.2020).
21. Hässleholm Miljös skolhemsida [Electronic resource]. Access mode: <https://www.mittavtryck.se/> (accessed: 20.11.2020).
22. Spela Sopspelet [Electronic resource]. Access mode: <https://sopspelet.se> (accessed: 21.11.2020).
23. Elias äventyr [Electronic resource]. Access mode: <https://www.svt.se/barnkanalen/barnplay/elias-aventyr> (accessed: 22.11.2020).
24. Barr och Pinne räddar världen [Electronic resource]. Access mode: <https://urplay.se/serie/155102-barr-och-pinne-raddar-varlden> (accessed: 22.11.2020).
25. Med på jobbet: På återvinningsfabriken [Electronic resource]. Access mode: <https://sli.se/apps/sli/prodinfo.php?db=36&article=U104824-04> (accessed: 22.11.2020).
26. Ecological Citizens: Identifying Values and Beliefs that Support Individual Environmental Responsibility among Swedes. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/43336250_Ecological_Citizens_Identifying_Values_and_Beliefs_that_Support_Individual_Environmental_Responsibility_among_Swedes (accessed: 21.11.2020).
27. Swedish Sustainable Building [Electronic resource]. Access mode: https://www.formas.se/download/18.462d60ec167c69393b91e53c/1549956093043/Formas_SB11_brochure.pdf (accessed: 20.11.2020).

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 664.143(470.23-25)

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25419501_2020_4_90

Ю.В. Митлина

Торгово-промышленная деятельность товарищества «Жорж Борман» во второй половине XIX – начале XX в.

Статья посвящена вопросам становления кондитерского производства в Российской империи в конце XIX – начале XX в. на примере фирмы Ж. Бормана. Характеризуются существовавшие в данный период условия кондитерского производства и особенности его организации товариществом «Жорж Борман» в Санкт-Петербурге и Харькове.

В исследовании проводится анализ факторов, сыгравших ключевую роль в финансовом успехе немецкого предпринимателя Ж. Бормана. Определяются требования, которые помогли наладить образцовую санитарную обстановку на кондитерском и бисквитном производстве, критерии отбора продуктов, используемых при изготовлении товаров.

Обращается внимание на сложность решения проблемы утилизации использованных сточных вод на харьковском предприятии из-за неудачного расположения завода и отсутствия налаженной системы очистки.

Производство и торговля товарищества «Жорж Борман» считалась образцовой для своего времени благодаря умелому сочетанию высочайшего качества и художественного оформления продукции.

Ключевые слова: кондитерское производство, товарищество «Жорж Борман», шоколадная и конфетная фабрика, Георгий Григорьевич Борман.

Yuliya V. Mitlina

Commercial and industrial activities of the Georges Borman company in the second half of the XIX – early XX centuries

The article examines the issues of the formation of confectionery production in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries on the example of G. Bormann's firm. The conditions of the confectionery production of that period and the peculiarities of its organization by the Georges Borman partnership in St. Petersburg and Kharkov are characterized.

The study analyzes the factors that played the key role in the financial success of the German entrepreneur G. Bormann. The requirements that helped to establish an exemplary sanitary environment in the confectionery and biscuit production, the criteria for the products' selection used in the goods manufacturing are determined.

© Митлина Ю.В., 2020

© Mitlina Yuliya V., 2020

Attention is drawn to the complexity of solving the problem of utilization of used wastewater at the Kharkov enterprise due to the disadvantageous location of the plant and the lack of established treatment system.

The production and trade of the Georges Borman partnership was considered exemplary for its time due to the skillful combination of the highest quality and artistic design of products.

Key words: confectionery production, Georges Borman, chocolate and candy factory, Georgy Grigorievich Borman.

Петербург с момента своего основания был городом многонациональным. К XIX в. среди нерусского населения столицы самой большой общиной была немецкая. В 1869 г. из 667 207 жителей города 45,6 тыс. были немцы, и немецкий язык считали родным уже 46 498 чел. [1, с. 7]. С 1728 г. по 1916 г. в столице империи выходила газета на немецком языке «St. Petersburger Zeitung». Немцы традиционно селились в казанской и восточной части Васильевского острова Санкт-Петербурга. В городе работали немецкие школы, открывались лютеранские церкви [1, с. 124–127].

«Немецкий элемент в столице был повсюду, везде слышна немецкая речь и видны вывески на немецком языке», – писал А.А. Бахтиаров о жизни в Петербурге в последней четверти XIX в. [2, с. 13]. Активно участвуя в экономической жизни столицы, немцы-фабриканты, купцы, ремесленники открывали в городе свои предприятия, зачастую начинали с крохотной лавочки и мастерской, но, благодаря трудолюбию и целеустремленности, достигали небывалых высот, приносили в российскую промышленность новейшие достижения европейского машиностроения, развивали свой бизнес буквально с нуля.

К 1914 г. из 13 тыс. купцов I и II гильдии С.-Петербурга было 1056 немцев. Если в середине XIX в. среди крупных предпринимателей-фабрикантов немцев было 105, то в начале XX в. – 212. Они открывали новые производства, увеличивали экономический потенциал своей новой родины.

Одним из таких немцев-промышленников был Жорж (Григорий) Борман, который начал свое дело с небольшой кондитерской и стал крупнейшим фабрикантом Российской империи, активно экспортировавшим продукцию в Европу и Америку. Его сын Георгий успешно продолжил и усовершенствовал начинания отца, развил и модернизировал производство.

Цель данного исследования – рассмотреть особенности создания промышленно-торговых предприятий («семейных фирм») в последней четверти XIX в. на примере кондитерского производства Ж. Бормана, проанализировать предпосылки организации данного товарищества в реалиях того времени (санитарную, экологическую, кадровую составляющую).

При рассмотрении этапов становления производства Ж. Бормана были использованы косвенные материалы – отчеты санитарных служб, которые помогли провести сравнительный анализ организации работы фирмы Ж. Бормана и других производителей конца XIX – начала XX в.

До настоящего исследования изучение фирмы Жоржа Бормана осуществлялось в контексте истории предпринимательства. Основные вехи становления и особенности функционирования фирмы Ж. Бормана упоминались в работах М.Н. Барышникова «Деловой мир России» [3] и К.К. Вишнякова-Вишневецкого «Кондитерское дело Борманов в Петербурге» [4]. Жизнь немцев в Петербурге исследовалась в статьях сборника «Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв.» [5].

Для того чтобы в полной мере оценить значение деятельности Жоржа Бормана и его акционерного товарищества на паях, следует рассмотреть характерные черты рынка кондитерской продукции в исследуемый период.

Кондитерское производство в середине XIX в. в Санкт-Петербурге располагалось в основном при пекарнях. Для производственного процесса отводились, как правило, необорудованные помещения и, как следствие, используемые в производстве продукты портились из-за нарушения условий хранения: отсыревала мука, вода, хранящаяся в бочках, была тухлой и грязной (из-за отсутствия водопровода). Готовили в таких кондитерских в основном самые простые пирожные, конфеты и выпечку [6, с. 250].

Нехватка специалистов в условиях урбанизации, неудовлетворенный спрос на кондитерский ассортимент привели к тому, что производством стали заниматься «пришлые в столицу грязные и некультурные крестьяне, которые везут из деревни в столицу добытое вековым опытом и передаваемое преемственно из поколения в поколение умение изготавливать продукт» [7, с. 389]. Несоблюдение элементарных санитарных норм: грязь в производственном помещении, где работники ходили

в уличной обуви, тут же ели, спали, сушили обувь на печах, где готовили кондитерскую продукцию, – приводило в ужас санитарных врачей [7, с. 390, 419, 423].

Еще одной проблемой кондитерского производства того времени стала фальсификация продукции, в частности использование красок. Яркая продукция бросалась в глаза покупателю, ее охотнее покупали для детей, но внешняя привлекательность была достаточно обманчивой, ведь данная продукция могла содержать салициловую кислоту или каменноугольные краски, представлявшие угрозу для здоровья. Количество краски, применяемой в производстве «конфет, пряников, мармелада, пастилы и т. п.», достигало таких объемов, что в 1867 г. был издан указ о запрещении употребления в производстве всех вреднодействующих на здоровье веществ для окрашивания лакомств [8, с. 476]. Однако это распоряжение с трудом исполнялось и даже спустя сорок лет. В 1908 г. доктор Скородумов, являющийся торгово-санитарным врачом, констатировал: «распространенные в кондитерском производстве краски заводов Буша и Бреме, с надписью на этикетках о полной их безвредности, на самом деле каменноугольные и как вредные здоровью подлежат уничтожению» [7, с. 363].

Недобросовестные промышленники в погоне за наживой не стеснялись вводить в откровенный обман покупателей, сообщали заведомо ложную информацию о составе продуктов, что приводило к тому, что в кондитерской торговле производилась и реализовывалась продукция, где «вместо ананасового или малинового пирожного продается просто тесто, окрашенное желтым деревом или куркумой, или кошенилью, с довольно изрядным количеством глинозема, и еще не всегда чистого» [9, с. 35], т. е. вместо рекламируемых натуральных фруктов и ягод спокойно использовали различные пищевые краски, не стесняясь выдавать продукт за натуральный.

Таким образом, в середине XIX– начале XX в. кондитерское производство в России было оборудовано при пекарнях и булочных. Изготовление продукции происходило в необорудованных помещениях с нарушением даже элементарных санитарных норм, с использованием недоброкачественных продуктов. Также острой проблемой в то время была фальсификация продукции, использование в производстве вредных для здоровья красок. Впрочем, в условиях ограниченного ассорти-

мента даже такие товары были востребованы. Производство Ж. Бормана стало одним из первых предприятий на российском рынке, где высокое качество продукции сочеталось с умеренной ценой.

Григорий (Жорж) Николаевич Борман, основатель купеческой династии, родился в 1837 г. в Санкт-Петербурге в немецкой семье. Его отец был фармацевтом, имевшим безупречную репутацию и обширную клиентуру, достойно конкурирующий с самим доктором Пелем¹. В семье говорили на русском, немецком и французском языках. После окончания школы Григорий поступил на естественный факультет С.-Петербургского университета, надеясь продолжить дело отца. В университете особое внимание уделялось изучению химии и биологии, что очень помогло Григорию Николаевичу в его будущей профессиональной деятельности, хотя он и не стал фармацевтом по окончании университета.

Маленькая кондитерская на Невском проспекте, куда после занятий студент Борман регулярно заходил перекусить, изменила его судьбу. Хозяева предложили Григорию в свободное время подрабатывать в кондитерской. Видя трудолюбие и усердие юноши, хозяева, будучи бездетными и желая отойти от дел в силу возраста, подарили кондитерскую Григорию Борману. Он модернизировал подаренный ему магазин на Невском проспекте, расширяя его ассортимент. Многочисленных покупателей привлекла прежде всего демонстрация процесса производства шоколада (в то время он еще практически полностью был импортным). С помощью ручной машины из серого какао-порошка, с добавлением сахара и ванили (по желанию покупателя и с другими добавками) получалась теплая формованная плитка шоколада. Лучшей рекламой кондитерской Бормана был аромат, который чувствовался на этом участке Невского проспекта и привлекал публику [10, с. 54].

Испытывая нехватку качественной продукции, Борман в 1867 г. купил помещение под шоколадную фабрику у другого немецкого кондитера на Английском проспекте. В 1869 г. Григорий (ему был 31 год) оформил свидетельство на право торговли и стал купцом II гильдии [11, с. 91]. Всю прибыль от товарооборота магазина он направил на модернизацию и совершенствование производственного помещения, при

¹ Александр Васильевич Пель (1850–1908) – химик, фармацевт, открывший аптеку на 7-й линии Васильевского острова.

этом сам Г. Борман жил в то время очень скромно, даже аскетично. Кондитер был убежден, что в середине XIX в. надо заменять ручной труд машинным, механизировать, используя новейшие достижения европейской науки и промышленности. Работа эта была кропотливой и долгосрочной и не имела на тот момент аналогов в Российской империи. В полном объеме «Паровая фабрика шоколада и конфет Жорж Борман» начала работать в 1875 г., и изготовление шоколадных изделий стало ее преимущественной специализацией. Основой фабрики являлось «помещение паровика, в котором изготовлялась сила, приводящая в движение с лишком 60 фабричных машин различной величины. В этом помещении находился громадных размеров паровой котел новейшей конструкции, который регулярно снабжал паром паровую машину в 30 лошадиных сил, находящуюся в машинном отделении [12, с. 397].

Впрочем, краеугольным камнем «экономического чуда» Г. Бормана стало не только использование новейших технических достижений. Живя в Санкт-Петербурге, Григорий Николаевич знал о проблемах российской кондитерской промышленности: нарушении санитарных норм, использовании некачественных и фальсифицированных продуктов. Желая изжить эти недостатки, он строго относился к отбору сырья для своей фабрики, не гонясь за удешевлением затрат. Для производства поставлялись лучшие какао-бобы, а не готовые порошки, для получения шоколада использовалось «только какао, сахар и ваниль и, кроме них шоколад не имел никаких других составных частей» [12, с. 397]. Признавая авторитет Г. Бормана как знатока производства шоколада, Брокгауз и Ефрон предложили ему написать статью о шоколаде в свой словарь. В этой статье Г. Борман особо подчеркивал, что «достоинство шоколада зависит от выбора материала, что влияет на различный аромат и вкус, при этом дешевые сорта состоят из двух, дорогие – из пяти и более сортов какао» [13, с. 766].

Прекрасно зная химию, Г. Борман сам контролировал качество поставляемого сырья и, что не менее важно, его хранение на складах. Особое внимание, что крайне актуально в то время, уделялось на фабрике соблюдению санитарных норм, а за любое нарушение при производстве следовало увольнение. Из-за этого в начале работы фабрики текучесть кадров была огромной. Подбор квалифицированных кадров для работы на фабрике в то время был крайне затруднителен. Устраивались работниками на фабрику в основном недавние крестьяне, не

имевшие понятия о необходимости соблюдать технику безопасности на производстве, а также санитарные нормы. Крайнее недовольство такого персонала вызывала необходимость постоянно носить головные уборы, мыть руки и т. д. Возмущались рабочие и запретом пить чай на рабочем месте, облизывать пальцы и есть продукцию. Ежедневно работникам после смены выдавали полфунта шоколада, но они предпочитали надкусывать сладкую продукцию прямо на рабочем месте. Понять и принять строгую организацию производственного процесса могли далеко не все. Постепенно на фабрике в столице были подобраны рабочие, соответствовавшие высоким требованиям фирмы Г. Бормана [14, с. 2–3].

Помимо шоколадного цеха на фабрике открылись цеха по производству шоколадных конфет, леденцов и монпансье. При приготовлении фруктовых леденцов использовались фрукты и ягоды: ананасы, груши, персики, яблоки, ягоды малины, апельсины, лимоны и т. д. [15, с. 430]. Чуть позже Г. Борман открыл отдел производства мармелада, при этом отбор фруктов осуществлялся в «Могилевской и Курской губернии, и тотчас же после снятия яблок с дерева их везли на склады и фабрику» [16, с. 443]. Качество изделий шоколадной и кондитерской фабрики Жоржа Бормана было высочайшим, широкий ассортимент и демократичный порядок цен обеспечили потребительский спрос на эту продукцию, «которая удовлетворяет вкусам и потребностям публики, предлагая ей свежие и прекрасно выделанные продукты» [17, с. 16].

«Произведения» фабрики Жоржа Бормана достойно конкурировали с импортной продукцией и даже начинали выходить на европейский рынок. С 1876 г. Г. Борман – «Поставщик Двора его Императорского Величества». Это звание, помимо престижа, было важно еще и тем, что давало разрешение на изображение на продукции фирмы государственного герба. В то время это представляло особую ценность, поскольку, пользуясь популярностью продукции Г. Бормана, фальсификаторы стали подделывать ее, а за подделку государственного герба наказание было значительно строже. Расширяя производство, Г. Борман открывал оптовые склады не только в Петербурге, но и в Москве, Риге и на Нижегородской ярмарке, откуда продукция фабрики расходилась по всей стране и в «самых отдаленных уголках России, начиная от роскошных магазинов и кончая скромными мелочными лавочками и

ларьками, всюду можно встретить произведения фабрики Жоржа Бормана» [17, с. 16].

Современники такую популярность продукции Ж. Бормана объясняли в том числе энергией и добросовестностью, с какой он вел свои дела. Не боялся Григорий Николаевич и экспериментов с новейшими техническими достижениями. Так, первый торговый автомат в России появился именно стараниями Жоржа Бормана в Санкт-Петербурге в 1888 г. на Невском проспекте и предназначался для продажи шоколадок. Этот аппарат под черепичной крышей, высотой более 170 см, тут же получил среди обывателей название «Домик братьев Grimm» (памятуя о происхождении владельца). За 15 к. в автомате можно было купить плитку шоколада. Однако эта затея оказалась неудачной, так как в щель кидали монеты различного номинала, даже банкноты, требуя продукцию и сдачу. Не получая желаемого, излагали требования в щель для денег (по-русски и по-немецки, чтобы автомат понял), били по нему. Пришлось приставить к торговому автомату служащего, но и это не помогло, автомат постоянно выходил из строя [18, № 308, с. 3]. Со временем его пришлось снять, но тяга Г. Бормана к техническим новинкам не ослабела.

Подлинный расцвет предприятие Ж. Бормана получило в 90-е гг. XIX в., когда в дело вошел сын владельца Георгий и было образовано товарищество. Георгий получил типичное для петербургского немца образование: окончил гимназию Карла Мая, где особое внимание уделялось прикладному использованию полученных знаний, затем Лейпцигскую коммерческую академию и прошел двухгодичную стажировку по специальности «кондитерское дело». На семейном совете решено было преобразовать фирму в товарищество на паях для большего привлечения инвестиций, необходимых для «содержания, расширения и модернизации производства» [19, с. 11]. Устав «Товарищества Жорж Борман» был высочайше утвержден 13 января 1895 г. [20, с. 16]. В соответствии с «Положением о компаниях на акциях» [21, с. 257] были утверждены «формальные позиции»: уставной капитал фирмы составил 1,6 млн р. в 3100 паях (по 1000 и 250 р.). В товарищество вошли Жорж Борман с сыном (директор-распорядитель и директор соответственно), а также семья Ивана Яковлевича Упенка. В последующем в 1915 г. товарищество полностью перешло под контроль семьи Борма-

нов (бывшие компаньоны продали им свои паи). Общее собрание имевших паи проходило в соответствии с уставом не менее одного раза в год, в мае, непосредственно на фабрике [19, с. 13]. Следует обратить внимание, что в уставе было заложено стремление товарищества строить бизнес по примеру «благоустроенного коммерческого дома», при этом оговаривалось, что из годового чистого дохода отчисляется не менее 5 % в запасной капитал [19, с. 11]. Этот «денежный буфер» помогал существованию и развитию товарищества в годы экономической нестабильности.

Одним из первых товарищество зарегистрировало свой товарный знак: круглая красная печать с большими заглавными печатными буквами «ЖБ» [22, с. 129], дабы оградить себя от фальсификации. Именно благодаря заемным средствам в начале XX в. по инициативе директора-распорядителя товарищества «Жорж Борман» в Петербурге появляется сеть специализированных магазинов, состоящая из девяти разноплановых кондитерских магазинов. Так, на Невском проспекте находились два магазина, поражающих своей роскошной обстановкой и изысканным ассортиментом. На углу Мучного переулка и Садовой улицы магазин, наоборот, располагался в небольшом помещении, и его ассортимент состоял из недорогих кондитерских изделий, таких как монпансье, леденцы, карамель. Здесь же можно было и перекусить, что, учитывая его месторасположение у Апраксиного двора, было очень востребовано. Такое профилирование магазинов под определенную публику оказалось эффективным. «Чувство приобщённости» потребителя к фирме, фирменной торговле способствовало увеличению спроса, а разнообразие продукции товарищества позволяло познакомиться с продукцией фирмы широкие круги потребителей [4, с. 33–34].

В 1896 г. усилиями товарищества были открыты завод, склад и магазин в Харькове (именно на юге себестоимость сырья (натуральных фруктов и ягод) была недорогой при высоком качестве). Товарищество развивало выпуск бисквитной продукции, а также недорогих, доступных изделий, значительно расширяя ассортимент. Только конфет фабрика выпускала более двухсот видов. Строительство, а затем и сама работа фабрики в Харькове была очень нелегкой. Связано это было прежде всего с двумя проблемами: экологической и квалификации наемных рабочих. Фабрика находилась в $\frac{1}{2}$ версты от реки и все сточные воды спускала в городской сток из-за отсутствия системы очищения воды.

Изначально планировалось вывозить использованные воды, но на деле это не выполнялось и по уверениям П.Н. Лашенкова «ни одно фабричное заведение, лежащее в черте города, не причиняло столько неприятностей жителям своим зловонием, исходившим от сточной трубы» [23, с. 41]. В открытый колодезь городской трубы, находившийся недалеко от фабрики, сливали всю использованную воду, забродившую и резко пахнущую, без всякой очистки, «делая это чаще всего ночью, когда и так недостаточный слабый надзор отсутствовал совершенно» [23, с. 44–45].

Закупленное очистительное оборудование на фабрике не устанавливалось очень долго, а даже будучи уже установленным, практически не работало из-за несвоевременной замены салфеток на фильтр-прессах. Только репрессивными мерами (составлением протоколов) санитарная служба Харькова заставила администрацию фабрики навести порядок с очисткой сточных вод [23, с. 45].

Еще одной проблемой работы фабрики в Харькове был подбор персонала. Ситуация была значительно острее, чем ранее в Санкт-Петербурге. В 1905 г. между администрацией фабрики и рабочими было подписано соглашение. Были удовлетворены справедливые требования персонала о том, чтобы не ставить неопытных рабочих на машинное оборудование (п. 10), исключить из обязанностей женщин-фасовщиц переносить ящики с мягкой карамелью (п. 17), увеличить расценки завёрточной шоколадной фабрики. Но и по новому соглашению за завертку пуда конфет (шоколад в желатине), работница получала всего 80 к. [14, с. 2–3].

Огромное значение в производстве уделялось оформлению продукции. Выпускались тематические серии, носившие познавательный характер: «Жуки», «Детские песни», «Народы Сибири», «Географический атлас». Самой популярной была серия «Детский волшебник», состоящая из 14 видов оберток с вкладышами, где описывались фокусы, которые могли провести сами дети из подручных средств (вот названия некоторых фокусов: «Карусель на иголке», «Глаза на затылке», «Летающая монета», «Сальтомортале куриного яйца» и т. д.). Именно эта серия была востребована во Франции и в Германии.

Товарищество «Жорж Борман» было уникально еще и тем, что упаковка подчас стоила дороже самой продукции и имела прикладной характер. Для этого Борман заключил контракт с владельцами жестяной

фабрики Меером Бирманом и Моисеем Коком, имевшими предприятия в Петербурге и Харькове [4, с. 33]. Неповторимая, яркая упаковка продукции в виде жестяных коробок различных размеров стала отличительным знаком фирмы. Интересна серия «Смесь для хозяек», упаковка которой была выполнена в виде жестяных коробок различных размеров с надписями «Мука», «Соль», «Сахар» и т. д. В жестяных коробках «Смеси» продавалась самая различная продукция фабрики и ценилось не только содержимое коробок, но и сама упаковка, которую можно было использовать в домашнем хозяйстве. Упаковки были высочайшего качества и сохранились до сих пор [15, с. 427].

Новатором фирма была и в применении эффективной логистики: одними из первых кондитеры стали использовать грузовики (1904) с надписью на бортах «Жорж Борман», а упаковочный склад на Апраксином дворе занимал несколько помещений. Да и оформление магазинов потрясало современников: темное дерево в сочетании с атласом и бархатом, украшенное искусственными цветами, особое украшение было перед Пасхой и Рождеством: «снежные глыбы из сахара с елками и рождественскими дедами аршина в полтора величиною; ротонды с колоннами, в которых сидят мальчики и девочки в русских костюмах и кокаются яйцами и т. п.» [10, с. 54].

Вся деятельность товарищества благодаря энергии и трудолюбию владельцев была максимально эффективной. Так, если в 1903 г. чистая прибыль составляла 148 500 р. (дивиденды – 5 %), то уже в 1913 г. (через 10 лет) дивиденды составляли 15%, а баланс товарищества свыше пяти миллионов рублей [3, с. 81].

В годы Первой мировой войны производство велось в прежних объемах, этому способствовал широкий и доступный ассортимент (например, цены на шоколадные конфеты были от 65 к. до 1 р. 75 к. за фунт) [24, с. 41]. На производство и на работу на складах в это время активно стали брать женщин. Дублирование машин, заведенное еще при основании фирмы для бесперебойной работы, экономически оправдало себя в военные годы. Все эти меры привели к тому, что за 1915 г. чистая прибыль товарищества составила 728 468 р., увеличившись за год на 173 634 р. – и это в военные годы! Из выручки товарищества на пожертвования воюющим на фронте было выделено 19 103 р. [25, л. 19, 54].

В годы войны популярность получила и серия конфет «Военная жизнь», которая выпускалась в 1913–1916 гг. Особенность этой упаковки в том, что за основу брались настоящие черно-белые фотографии на военную тему. Они были менее красочные, чем прежние упаковки фирмы, но более реалистичные, что соответствовало патриотическому настрою населения.

За годы своего существования продукция фабрики получила множество наград, в том числе золотые медали на Всемирной выставке в Париже (в 1878 г. и 1895 г.), а также почетный диплом на выставке в Чикаго (1895) [3, с. 81].

Товарищество на паях «Жорж Борман» было национализировано в 1918 г. Его основатель, Григорий (Жорж) Николаевич Борман, скончался в Харькове в 1918 г. Его сын, Георгий Григорьевич, годом ранее покинул Россию и с 1920 г. жил в Париже, где открыл кондитерскую. Экономический потенциал фабрик Жоржа Бормана был настолько велик, что на их мощностях были открыты кондитерская фабрика «Октябрь» (Харьков, 1922) и 1-я государственная конфетно-шоколадная фабрика им. К. Самойловой (Петроград, 1918). Эти предприятия работают и по сей день [26, с. 6].

Жорж Борман за 60 лет своей деятельности прошел путь от наемного буфетчика в кондитерской до владельца огромнейшей шоколадной империи, товары которой с фирменной красной печатью были популярны в России, поставлялись в Европу и Америку. Личные качества Г.Н. Бормана, такие как ответственность, целеустремленность, глубокая вовлеченность в процесс производства, способствовали успеху. Во главу работы предприятий ставился выпуск продукции, произведенной на современном европейском оборудовании, а также строгий отбор сырья, педантичное следование санитарным нормам на всех предприятиях и складах фирмы. Благодаря Ж. Борману и его сыну было создано товарищество «Жорж Борман» и этот шаг оказался экономически оправдан. Расширение ассортимента, запуск новых наименований, художественное эксклюзивное оформление продукции способствовало тому, что даже в годы Первой мировой войны предприятие приносило стабильную прибыль. Этому помогло еще и решение Ж. Бормана, а затем и его сына, тратить прибыль на развитие производства. Созданные фирмой заводы в Санкт-Петербурге и Харькове имели такой уровень, что продолжали работать и после революции и национализации.

Российская империя благодаря таким предприятиям, как «Жорж Борман», в начале XX в. отказалась от импорта шоколадной продукции, обеспечивая свои потребности, а часть товаров даже экспортировала в другие страны. Книги о фирме Ж. Бормана издавались помимо русского на французском и немецких языках, а фирма стала эталоном работы кондитерского производства, «шоколадным экономическим чудом».

Список литературы

1. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г.: Вып. 1. – СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1873. – 129 с.
2. Бахтиаров А.А. Петербург – столица России: геогр.-стат. очерк. – СПб.: Синод. тип., 1904. – 32 с.
3. Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: ист. справ. – СПб.: Logos, 2000. – 582 с.
4. Вишняков-Вишневецкий К.К. Кондитерское дело Борманов в Санкт-Петербурге // История Петербурга. – СПб., 2003. – № 6 (нояб.). – С. 32–34.
5. Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 11. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 436 с.
6. Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1903 г. Ч. 4: Санитарная комиссия. – СПб.: Гос. тип., 1904. – 265 с.
7. Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1908 г. Ч. 4: Санитарная комиссия. – СПб.: Гос. тип., 1909. – 429 с.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. – 2. Т. XLII. 1825–1881. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1871.
9. Таиров В. Материалы по вопросу о фальсификации пищевых продуктов с приложением законопроекта // Вестн. виноделия. – Одесса. – 1900. – 347 с.
10. Светлов С.Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия. – СПб.: ГИПЕРИОН, 1998. – 124 с.
11. Справочная книга о лицах, получивших на 1869 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. – СПб.: тип. Ю. Вигандта, 1869. – 464 с.
12. Шоколадная и конфетная фабрика Ж. Бормана в Санкт-Петербурге // Всемирная иллюстрация. – 1882. – Т. 27. – № 696. – С. 395–396.
13. Борман Ж. Шоколад // Энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона: Т. XXXIXа. – СПб.: Семенов. типолитогр. (И.А. Ефрона), 1903.
14. Соглашение между правлением товарищества «Жорж Борман» и рабочими фабрики. – Харьков: б.и., 1905. – 4 с.
15. Шоколадная и конфетная фабрика Ж. Бормана в Санкт-Петербурге // Всемир. илл. – 1882. – Т. 27. – № 698. – С. 427, 430.
16. Шоколадная и конфетная фабрика Ж. Бормана в Санкт-Петербурге // Всемир. илл. – 1882. – Т. 27. – № 699. – С. 443, 446.
17. Паровая фабрика шоколада и конфет «Жорж Борман» в С.-Петербурге: крат. сведения о ф-ке. – СПб.: б.и., 1889. – 18 с.
18. Петербургский листок: газ. полит. и общ. жизни и лит. с рис. в тексте – СПб.: контора Екатеринин. кан., 31, 1888.
19. Устав товарищества С.-Петербургской шоколадной фабрики «Жорж Борман» [утв. 8 июня 1890 г.]. – СПб.: изд. неофиц., 1895. – 27 с.

20. ПСЗ РИ. Собр. – 3. Т. XV. 1881–1913. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1899.
21. ПСЗ РИ. Собр. – 2. Т. XI. 1825–1881. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1837.
22. ПСЗ РИ. Собр. – 3. Т. XVI. 1881–1913. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1899.
23. Лашенков П.Н. Сточные воды канатной фабрики, пивоваренных заводов, городской скотобойни, конфектной фабрики «Жорж Борман» и методы их очистки. – Харьков: Тип. и лит. Н.В. Петрова, 1904. – 49 с.
24. Оптовый прейскурант «Жорж Борман». – СПб.: б.и., 1913. – 44 с.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 28. Д. 285.
26. Новое в организации производства мучных кондитерских изделий: Опыт работы Ленингр. кондитер. ф-ки им. Самойловой. – М.: б.и., 1956. – 12 с.

References

1. *Sankt-Peterburg po perepisi 10 dekabrya 1869 goda* [Saint Petersburg according to the census of December 10, 1869]: Vyp. 1. – SPb.: Centr. stat. kom. M-va vn. del, 1873. – 129 p.
2. *Bahtiarov A.A. Peterburg – stolica Rossii: Geogr.- stat. ocherk* [St. Petersburg – the capital of Russia: Geogr. - stat. essay]. – SPb.: Sinod. tip., 1904. – 32 p.
3. *Baryshnikov M.N. Delovoj mir Peterburga: Ist. sprav* [Business world of St. Petersburg: Hist. background]. – SPb.: Logos, 2000. – 582 p.
4. *Vishnyakov-Vishneveckij K.K. Konditerskoe delo Bormanov v Sankt-Peterburge* [Borman confectionery business in Saint Petersburg] // *Istoriya Peterburga*. – SPb., 2003. – №6 (noyab.). – P. 32 – 34.
5. *Nemcy v Sankt-Peterburge: Biograficheskij aspekt. XVIII–XX vv.* [The Germans in Saint-Petersburg: a Biographic aspect. XVIII-XX centuries]. Vyp. 11. – SPb.: MAE RAN, 2018. – 436 p.
6. *Otchet Sankt-Peterburgskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya za 1903 god* [Report of the St. Petersburg city public administration for 1903]. CH. 4: Sanitarnaya komissiya. – SPb.: Gos. tip., 1904. – 265 p.
7. *Otchet Sankt-Peterburgskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya za 1908 god* [Report of the St. Petersburg city public administration for 1908]. CH. 4: Sanitarnaya komissiya. – SPb.: Gos. tip., 1909. – 429 p.
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] (PSZ RI). Sobranie – 2. Т. XLII. 1825–1881. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E.I.V. kancelyarii, 1871.
9. *Tairov V. Materialy po voprosu o fal'sifikacii pishchevyh produktov s prilozheniem zakonoproekta* [Materials on the issue of falsification of food products with the application of the draft law]. – Odessa: zhurn. «Vestn. vinodeliya», 1900. – 347 p.
10. *Svetlov S.F. Peterburgskaya zhizn' v konce XIX stoletiya* [Petersburg life at the end of the XIX century]. – SPb.: «GIPERION», 1998. – 124 p.
11. *Spravochnaya kniga o lichah, poluchivshih na 1869 god kupecheskie svi-detel'stva po 1 i 2 gil'diyam* [Reference book on persons who received merchant certificates for 1869 for 1 and 2 guilds]. – SPb.: tip. YU. Vigandta, 1869. – 464 p.
12. *Shokoladnaya i konfetnaya fabrika ZH. Bormana, v Sankt-Peterburge* [Chocolate and candy factory Zh. Bormann in Saint Petersburg] // *Vsemirnaya illyustraciya*. – 1882. – Т. 27. № 696. – P. 395 – 396.
13. *Borman ZH. Shokolad* [Chocolate] // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona*: Т. XXXIXa. – SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1903. – P. 766.

14. *Soglashenie mezhdru Pravleniem tovarishchestva «ZHorzh Borman» i rabochimi fabriki* [Agreement between the management Board of the Georges Bormann partnership and the factory workers]. – Har'kov: b.i., 1905. – 4 p.
15. *Shokoladnaya i konfetnaya fabrika ZH. Bormana, v Sankt-Peterburge* [Chocolate and candy factory Zh. Bormann in Saint Petersburg] // *Vsemirnaya illyustraciya*. – 1882. – T. 27. № 698. – P. 427, 430.
16. *Shokoladnaya i konfetnaya fabrika ZH. Bormana, v Sankt-Peterburge* [Chocolate and candy factory Zh. Bormann in Saint Petersburg] // *Vsemirnaya illyustraciya*. – 1882. – T. 27. № 699. – P. 443, 446.
17. *Parovaya fabrika shokolada i konfet ZHorzh Borman v S.-Peterburge: Krat. svedeniya o f-ke* [Georges Bormann steam factory of chocolate and sweets in St. Petersburg: Brief information about f-k]. – SPb.: b.i., 1889. – 18 p.
18. *Peterburgskij listok* [St. Petersburg sheet]: Gaz. polit. i obshch. zhizni i lit. s ris. v tekste – SPb.: Kantora Ekaterininskogo kan. 31. – 1888.
19. *Ustav tovarishchestva S.-Peterburgskoj shokoladnoj fabriki «ZHorzh Borman»* [Charter of the partnership of the St. Petersburg chocolate factory «Georges Borman»]: [Utv. 8 iyunya 1890 g.]. – SPb.: izd. neofic., 1895. – 27 p.
20. *PSZ RI* [PSZ RI]. Sobranie – 3. T. XV. 1881–1913. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E.I.V. kancelyarii, 1899.
21. *PSZ RI* [PSZ RI]. Sobranie – 2. T. XI. 1825–1881. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E.I.V. kancelyarii, 1837.
22. *PSZ RI* [PSZ RI]. Sobranie – 3. T. XVI. 1881–1913. – SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E.I.V. kancelyarii, 1899.
23. *Lashchenkov P.N. Stochnye vody kanatnoj fabriki, pivovarenyh zavodov, gorodskoj skotobojni, konfektnoj fabriki «ZHorzh Borman» i metody ih ochistki* [Waste water from cable factories, Breweries, city slaughterhouses, Georges Bormann confectionary factory and methods of their treatment]. – Har'kov: tip. i lit. N.V. Petrova, 1904. – 49 p.
24. *Optovyy prejskurant ZHorzh Borman* [Georges Bormann wholesale price list]. – SPb.: b.i., 1913. – 44 p.
25. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive]. F. 23. Op. 28. D. 285.
26. *Novoe v organizacii proizvodstva muchnyh konditerskih izdelij: Opyt raboty Leningr. konditerskoj fabriki im. Samojlovoj* [New in the organization of production of flour confectionery products: the experience of the leningr. confectionary factory. Samoilova]. – M.: B.i., 1956. – 12 p.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94"04/14"(44):82-392

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25419501_2020_4_105

Е.В. Мачульская, А.В. Немирова

Сцена из рыцарского романа «Джауфре» в контексте средневековой истории и культуры Окситании

В статье приводится впервые переведенный на русский язык отрывок из романа «Джауфре» – единственного написанного на окситанском языке произведения, которое относится к артуровскому циклу, и анализируется взаимосвязь текста с характерными особенностями региональной культуры юга Франции XIII в. При дворах феодалов сложился своеобразный этикет, получивший название *cortesia* – «куртуазность». Главными ценностями южного общества были *Pretz* и *Paratge*. *Pretz* – в буквальном смысле «цена», т. е. оценка человека. Стоящий человек – это совершенный рыцарь.

Paratge подразумевает идею равновесия, правильного порядка вещей. Это нечто большее, чем просто честь, благородство, рыцарственность или вежество.

Рыцарю подобало жить, шаг за шагом приближаясь к рыцарскому идеалу. Главной его целью провозглашалось самоусовершенствование – *Melhorar*. Роль рыцарских добродетелей, освещенных в романе, была чрезвычайно велика в жизни окситанских рыцарей, о чем повествуют контекстные исторические источники.

Ключевые слова: исторические источники, Высокое Средневековье, Окситания, рыцарские романы, Джауфре.

Elena V. Machul'skaya, Alina V. Nemirova

An Episode of the "Jaufre" Romance in the Context of Medieval Occitan Culture

The article deals with an episode from the "Jaufre" romance translated from Occitan to Russian for the first time. It is the unique specimen of Occitan text based on Arthurian legendarium that happened to survive till our days. The correlations between the text and some characteristic features of the regional culture of the Southern France in the XIIIth century are analyzed. Main values of the Southern culture were *Pretz* and *Paratge*. *Pretz* means literally «price», but it was the measure of human virtues. The most valuable man was the perfect knight. *Paratge* implies such features as honor, noble mind, but it also includes the ideas of equilibrium, the righteous order of things. A knight ought to live according strict rules, known as *cortesia*, approaching step by step to a chivalrous ideal. Self-perfection (*Melhorar*) was proclaimed the main goal of a knight's life. We can see that these virtues were not an abstraction for Occitan knights by comparing the text of the romance with known historical facts.

© Мачульская Е.В., Немирова А.В., 2020

© Machul'skaya Elena V., Nemirova Alina V., 2020

Key words: Historical sources, High middle Ages, Occitania, chivalric novels, Jaufre.

Роман «Джауфре» представляет собой стихотворный текст, в нем насчитывают 10 956 восьмисложных строк. По содержанию он относится к артуровскому циклу; в настоящее время это единственное произведение этого сюжетного круга на окситанском языке.

Окситанский язык принадлежит к романской семье языков; на нем издревле говорили (и говорят до сих пор) на юге Франции. Под названием Окситании ныне объединяют две разные и по климату, и по историческим судьбам области: Прованс (юго-восточная часть) – бывшая древнеримская провинция, т. е. Нарбоннская Галлия и Лангедок. Это последнее название появилось достаточно поздно. В латинских административных документах, составленных в 1290-е гг., выражение *lingua de oc* относилось не к языку, а к людям той области, где на нем говорили. Латинское выражение *lingua occitana* появилось в 1302 г. Данте Алигьери применил это понятие в своем трактате «*De vulgari eloquentia*», чтобы провести различие между тремя родственными языками по употреблению утвердительной частицы *oc* («да») в окситанском, *oil* – во французском и *si* – в итальянском. Существительное *occitan* появилось уже в XIX в. благодаря поэту Фредерику Мистралю (1830–1914). Название «окситанский» точнее, чем традиционное «провансальский», наводящее на мысль только о Провансе, без учета региона, лежащего по правую сторону Роны [1, с. 5–13]. Но как бы то ни было, сегодня ни об окситанском, ни о провансальском языке не знает даже всеведущий гугл-переводчик...

Между тем Окситания – позабытая родина рыцарства и культа Прекрасной Дамы – в течение относительно краткого периода Средних веков могла похвалиться обширной и разнообразной литературой, от которой до наших дней дошла в основном поэзия трубадуров; это было единое культурное поле, захватывавшее и соседние регионы, и потому название языка, которым здесь пользовались, менялось в зависимости от контекста и географии. Испанцы и каталонцы называли его лимузинским (*lemosí*), ведь в лимузинском аббатстве Св. Марциала обучались многие известные трубадуры. В Италии сохранилось название *provenzale*. А сами трубадуры называли свой язык *proensal* или просто *romanz* – т. е. «светский», противопоставляя его латыни [1, с. 5].

Роман «Джауфре» выделяется и размерами, и содержанием. Главный герой Джауфре, сын Досона, отождествляется с Жирфлетом, одним из рыцарей Круглого стола. Однако от большинства романов этого типа данный отличается прежде всего заметной юмористической, сниженной трактовкой двора короля Артура и обилием конкретных реалистических деталей.

Автор произведения неизвестен, датируют текст концом XII – началом XIII в. Большинство специалистов склоняется к более поздней дате – от 1213 до 1230 гг. [2, с. 26]. Эта датировка весьма существенна для правильного понимания сути и смысла «странного» романа.

Указанные годы были тяжелым, сокрушительным испытанием для южной Франции. Этот край, называемый также Югом Благословенным, предали огню и буквально утопили в крови – по политическим и экономическим соображениям.

Многие сегодня восхищаются японской культурой, приходя в восторг от удивительного сочетания в ней вещей, вроде бы несочетаемых, – силы и утонченности. Но мало кто знает, что не менее яркая культура, в которой изысканность манер ценилась наравне с доблестью, проявленной на поле боя, а умение слагать песни прекрасно сочеталась с искусством владения оружием, существовала и в Европе.

В силу исторических обстоятельств южные земли надолго оказались независимы от Парижа, на них сформировались фактически самостоятельные государства. В этих краях сходились многие торговые пути, сюда везли толедские клинки, кордовские кожи и мосульские шелка, вывозили пшеницу, вина, соль, шерсть... И между собой вполне уживались люди разных наций и религий. Например, в знаменитой школе Монпелье спокойно преподавали арабские и еврейские ученые [3, с. 15].

При дворцах (*corts*) феодалов юга Франции сложился своеобразный этикет, получивший название *cortesia* – «куртуазность». Там трубадуры в своих песнях прославляли весну, молодость, любовь, рыцарскую доблесть и благородство [1, с. 31].

Тулуза, столица обширного и богатого графства, еще во времена Рима слывшая городом риториков и поэтов, своим могуществом и блеском превосходила Париж. А граф Тулузский, принадлежавший к одному из самых знаменитых родов Европы, был могущественным христиан-

ским государем, но не единоличным правителем Лангедока. С его владениями соседствовали земли виконтов Тренкавелей. Их город Каркассон был настоящей жемчужиной куртуазного юга. А владетели горного графства Фуа состояли в родстве с легендарным Эль Сидом: один из графов Фуа в свое время женился на Химене Барселонской, внучке Родриго де Вивара [3, с. 8–14].

Бароны Северной Европы давно с завистью смотрели на богатые южные земли и города. Для того чтобы поставить гордый юг на место, нужен был лишь повод. И он наконец появился: в январе 1208 г. на берегу Роны был убит Пьер де Кастельно – легат папы римского, который с первого дня пребывания на юге всем, что говорил и делал, добивался для себя именно такого финала. Иннокентий III немедленно объявил крестовый поход против южных земель, чтобы искоренить ересь, которая якобы расцвела там пышным цветом. Да, в землях Лангедока действительно хватало катаров, последователей учения, называвшего весь материальный земной мир царством победившего зла. Неудивительно, что их слова находили отклик в душах людей, стремившихся к неземному.

В июле 1209 г. в Лангедок устремилась огромная армия из северных регионов Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Англии и даже Скандинавии. Для рыцарства юга настал момент проверить прочность своих идеалов на деле. Не все, но удивительно многие (если учесть тяжесть обстоятельств) остались им верны [3, с. 39–45].

Самым ярким примером такой верности служит история виконта Раймона-Роже Тренкавеля. Крестоносцы, осадившие Каркассон, предложили ему беспрепятственно покинуть город в сопровождении двадцати рыцарей. Он ответил отказом. А когда ситуация стала безнадежной (осажденным перекрыли доступ к реке), поступил с точностью до наоборот: спас тех, кому обещал свою защиту, ценой собственной жизни, сдавшись крестоносцам в обмен на свободный выход для всех жителей Каркассона [3, с. 45].

Окситанская трагедия длилась несколько десятилетий. Начатое отцами противостояние продолжили их сыновья. Цветущий край был опустошен, превратился в разграбленную, распятую землю. Местную знать практически полностью лишили фьефов в пользу северных баронов. Многие окситанские рыцари стали фьейдитами – изгнанниками на

собственной земле. Они устроили захватчикам настоящую партизанскую войну, отказываясь сложить оружие, даже когда для них уже не осталось никакой надежды. Тем не менее земли юга постепенно прибирали к рукам французские короли. После смерти Раймонда VII графство Тулузское перешло в руки Альфонса де Пуатье, мужа единственной дочери последнего графа. Оба супруга умерли в 1271 г., не оставив наследников. И французская корона окончательно присоединила к себе страну, за двадцать лет уже превратившуюся во французскую провинцию, в страну второстепенного значения, колонизованную и эксплуатируемую, административно и интеллектуально подавленную сильной метрополией, блюдущей свои интересы [3, с. 65–74]. Былая слава была тщательно забыта. Ведь историю пишут победители.

Черный пиар появился не сегодня – он возник гораздо раньше, и рыцари юга как раз стали его объектом. Например, в книгах про первый крестовый поход графа Раймонда IV Сен-Жиля повсеместно выставляют алчным персонажем, которого в Святую землю привела исключительно жажда наживы [4, с. 102–103]. Хотя граф Тулузский на тот момент был богатейшим феодалом в Европе, проблем с деньгами не испытывал, и тем не менее первым среди крупных феодалов откликнулся на призыв папы римского отправиться освобождать Гроб Господень, хотя был уже не молод. Он привел с собой самое большое войско и дал обет не возвращаться обратно в свой благословенный край, где у него было все, о чем можно только мечтать [3, с. 20]. Раймонд VI, его правнук, сделавший всё возможное для спасения своей земли от захватчиков, также стал объектом клеветы, его выставляли и трусом, и мошенником, причем даже в книгах, написанных исследователями, чьи симпатии были на стороне юга [3, с. 44].

От враждебных югу летописцев (зато добрых католиков) того времени пошла эта, мягко скажем, необъективная традиция, и поныне окситанских рыцарей в литературе и в кино очень часто показывают «гламурными мальчиками для битья», столь своеобразно интерпретируя куртуазную культуру [5]. Между тем сопоставление поэзии трубадуров с фактами историческими дает совершенно иную картину. В этом отношении анализ романа «Джауфре» особенно интересен. Вернемся к нему.

Песни окситанских трубадуров (точнее, их небольшая часть) сравнительно хорошо известны русскому читателю, но более крупные про-

изведения до сих пор остаются во мраке забвения. Романы северофранцузского автора Кретьена де Труа (ок. 1135–1190), которого называют основоположником куртуазного романа, основателя цикла произведений о короле Артуре, изданы в русском переводе.

Был также переведен и опубликован сохранившийся в единственном экземпляре роман «Фламенка». А «Джауфре» повезло больше: сохранилось четыре рукописи конца XIII и XIV в., да ещё отдельные фрагменты в архивах. В 1530 и 1539 гг. роман был адаптирован в прозе под другими названиями. В 1777 г. прозаический вариант издали ещё раз и тут же перевели на английский язык. Более того, в XVI в. его преобразовали в прозаический текст и регулярно печатали в Испании вплоть до начала XIX в. Во Франции текст вновь издали в 1856 г. (и переиздали в 1876 г.) под названием «*Les Aventures du chevalier Jaufre et de la belle Brunissende*» («Приключения рыцаря Джауфре и прекрасной Брунисенды») [6].

А вот в русскоязычном культурном пространстве рыцарь Джауфре не появлялся. Есть лишь беглое упоминание о нем в книге Жака Мадюля «Альбигойская драма и судьбы Франции» [3, с. 16]. Сравнивая персонажей двух романов – Джауфре и Персиваля, автор пишет: «И если, к примеру, вы прочитаете южный роман «Джауфре», то увидите, что его дух не очень отличается от духа романов Кретьена де Труа. Артуровский цикл был распространён на Юге не менее, чем на Севере Франции. Между Джауфре и Персевалем, однако, есть одно важное различие: первый много изящнее. Это не грубый галл, постепенно поднимающийся до совершенного усвоения законов рыцарства, но рыцарь с первой минуты» [3, с. 16–17].

Любая эпоха – это не только материальная составляющая – разнообразные артефакты, – но и духовная, которая обычно остается в тени, на заднем плане. То, чем жили люди в те далекие времена, в какие идеалы верили, важно не менее, чем созданные ими вещи. Но у духовной составляющей есть и материальное воплощение – литература. Чтобы объяснить отмеченное Ж. Мадюлем различие, требовалось ознакомиться с исходным текстом.

Большинство упомянутых выше изданий воспроизводило прозаический пересказ романа. А стихотворный оригинал – большая редкость. Продолжительные поиски позволили выяснить, что есть изданная книга «*Jaufré roman occitan du XIIe siècle*», где опубликованы отрывки из этого

романа в транскрипции на современный окситанский с французским подстрочником [7, с. 11–13]. Потом удалось найти скан книги 1844 г. издания, где оригинальный текст приведен полностью [8, с. 109–111]. Благодаря этой находке за год удалось сделать поэтический перевод одного интересного отрывка из этого романа (строки 5269–5440, перевод подстрочника – Алина Немирова (Харьков), поэтический перевод – Елена Мачульская (Омск)).

Сюжет романа таков: Джауфре, недавно посвящённый в рыцари, должен пройти испытание, чтобы доказать свою доблесть. Юноше поручают важную миссию: найти и победить некоего негодяя, который оскорбил короля, осмелившись в его присутствии при дворе убить одного из рыцарей. Выполнение этой миссии, однако, затрудняется многими препятствиями, требующими преодоления. Чистый душою, герой все же не совершенен: он наивен, порой поддается гордыне и теряется, столкнувшись с проявлениями сверхъестественного или с любовью. Он и в самом деле похож на Персиваля. Всё идет по достаточно традиционной схеме, пока не случается встреча, при описании которой неизвестный автор забывает о юморе и иронии. В использованном нами источнике этой части истории дан заголовок «Lo cavalièr negre» («Чёрный рыцарь»).

Свой путь продолжил Джауфре,
И вот увидел вдалеке
Он крест часовни небольшой:
Служил отшельник там святой,
В честь Троицы храм строен был.
Вдруг рыцарь выехал из тьмы
Верхом на черном скакуне,
Копье и щит – угля черней,
Темнее темноты ночной.
В молчании он начал бой. (1)
Его удар неотвратим,
Стремителен, неудержим.
И оказался на земле
В одно мгновенье Джауфре.
Он встал, сгорая от стыда, –
Так не бывало никогда!

Он меч рванул из ножен вмиг,
Шагнул вперед и поднял щит.
Но перед ним лишь ночи мрак –
Неведомо, где скрылся враг.
Что здесь по сторонам глядеть?
Уже нет рыцаря нигде.
Лишь темнота и тишина,
И леса черная стена.
«Мой Бог! – воскликнул Джауфре. –
Куда противник мой исчез?»
Но только лишь он сел в седло,
Явился черный рыцарь вновь
И снова на него напал.
Но боя этого желал
Отважный рыцарь Джауфре.
Врага заметить он успел
И тут же устремился в бой.
Как молния помчался конь.
Удар, еще... Верна рука
И каждый спешить смог врага.
Что ж, значит всё мечи решат!
С тем, кто поверг его, сейчас
Он рассчитается сполна...
Но тьма вокруг и тишина.
И на дороге нет следов.
Как будто сном был рыцарь тот
И ниоткуда здесь возник...
То не понять, не объяснить.
«Что за насмешка, Боже мой!
Мой враг смеется надо мной!
Куда он здесь успел сбежать?
И где теперь его искать?»
Как сон дурной растаял вмиг...
Он вновь по сторонам глядит,
Потом садится на коня,
И тут же тенью по теням
Вновь устремился на него

Его противник, враг его.
Он словно дикий зверь рычал,
Но только по седлу попал.
А Джауфре ответил так,
Что наземь повалился враг.
Насквозь пронзен его копьем –
Видны полдревка с острием.
Но, сам не удержась в седле,
Вмиг оказался на земле. (2)
Сейчас окончен будет спор!
Но вновь пред ним нет никого...
Лишь лес в молчании своем
Да на лесной тропе копье...
«Святая Дева, дай мне знак
Где скрылся мой бесчестный враг! –
Рек Джауфре. – Мое копье
Насквозь пробило грудь его,
Его с коня я наземь сбил,
Но не могу теперь найти!
Такой войны не видел свет!
Его нигде, нигде здесь нет!
Где он таится? Под землей?
К тебе взываю, Дух Святой!»
Итак, он снова сел в седло,
Но пользы то не принесло –
Вновь черный рыцарь перед ним!
Как быть с противником таким?
Та схватка краткою была –
Он снова выбит из седла.
И повторялось вновь и вновь
Все прежде бывшее в ту ночь.
Он до рассвета бился так:
Исчезнув, вновь являлся враг,
На землю Джауфре сбивал,
И вновь во мраке исчезал.
Как будто ныне сон дурной
Стал явью чьей-то волей злой.

Все той же схватке нет конца,
И Джауфре решил тогда
К часовне той идти пешком,
Раз не пробиться к ней верхом.
Он в руку взял свое копье
И под уздцы коня повел,
Но враг дорогу преградил –
Теперь он тоже пешим был.
А ночь темна, глуха, черна –
Всю ночь за тучами луна.
Шагов врага не услышать,
И остается только ждать,
Копье на меч переменяв.
Не медлил враг, на шлем и щит
Такой удар обрушил он,
Что Джауфре с большим трудом
Смог устоять. Ответный дар
Не хуже был, чем тот удар.
Он разрубил врагу плечо
И треть щита срубил еще.
Но что с того? Враг невредим –
Все также свеж, неутомим,
Как будто не был ранен он,
И тот же длится странный сон. (3)
Но этот бой – не сон, а явь
И все труднее устоять.
Противник посчитался с ним,
Ударом яростным своим
Упасть заставив. Но с колен
Тотчас поднялся Джауфре
И тут же сам врага поверг,
Обрушив меч на черный шлем,
И даже разрубил его,
Но снова проку нет с того.
Все тяжелей доспех и щит,
Все яростней звенят мечи.
Но все напрасно: в схватке той

Не может победить никто.
Со сталью тщетно спорит сталь –
Напрасен здесь любой удар.
И даже отложив мечи
Им в рукопашной не решить,
Кто победил, кто побежден –
Их спор не кончен, не решен...
Удары сыплются как град,
И содрогнулся ночи мрак.
Никто таких не видел битв!
Святого старца от молитв
Шум боя все-таки отвлек.
Он взял оружие свое –
Святую воду, крест Христов –
И, помолившись, за порог
Шагнул в ночную темноту,
Где новое нечистый дух
Измыслил верно в этот раз,
Ему вновь досадить стремясь...
Пошел навстречу духу тьмы,
Читал молитвы и псалмы,
И окроплял святой водой
Тропу лесную пред собой.
И черный рыцарь закричал,
Его увидев, и бежал
Так быстро, как он только мог...
И хлынул дождь, и грянул гром,
Такая буря поднялась...
И так же пламенно молясь,
Повел отшельник Джауфре
В часовню на лесном холме. (4)

Комментарии

(1) На первый взгляд, сюжет выглядит классическим. Черный рыцарь фигурирует во многих рыцарских романах. Но обычно это просто человек, рыцарь в черных доспехах. Здесь же он существо inferнальное, с весьма нетривиальными свойствами.

В окситанской куртуазной культуре основой всего считалась любовь (Amor): любовь к ближнему и любовь к истине (Vertat). Ведь только благодаря ей можно было достичь идеальной радости (Joi), бывшей отражением божественной гармонии. А главным врагом объявляли зло (Mal). Рыцарь Джауфре встречается как раз с воплощенным злом.

(2) Поединок описан очень детально: автор не обходится общими выражениями и стандартными формулировками. Скорее всего, он сам был рыцарем и писал о том, в чем хорошо разбирался. Ведь в тексте встречаются подробности, которые сторонним зрителям турниров просто неизвестны. Реалистичность деталей создает резкий контраст с мистической сущностью сцены, подчеркивая материальность зла, его присутствие в реальном мире.

(3) Читателю уже становится ясно, что Джауфре повстречался противник, победить которого невозможно в принципе. Но в этом безнадежном бою Джауфре ему ничуть не уступает – сражаются двое равных.

(4) Этот эпизод – аллегория. Быть может, символическое изображение того, как подобает принимать удары судьбы. Но, скорее, он выглядит аллегорией вечного противостояния, происходящего в сердце каждого человека. Главная мысль, которую хочет донести до читателя автор, – как бы ни было сильно зло, ему нельзя поддаваться. Ему нужно противостоять всеми возможными способами. И тогда помощь обязательно будет. Ведь поле боя в итоге осталось за Джауфре. А вот если бы Джауфре сложил оружие, у этой истории был бы совсем другой финал. Точнее, на этом она бы закончилась.

Хотя, как уже сказано выше, точная датировка романа неизвестна, мрачный колорит эпизода, отчаянное напряжение битвы вряд ли могли возникнуть в мирное время. Важно и то, что спасение Джауфре приносит человек, единственным оружием которого является слово веры, молитва. Автор явно хотел показать, что для борьбы со злом только оружия недостаточно.

Сопоставление этого эпизода с другими позволяет найти ответ на часто возникающий у наших современников вопрос: «Насколько реальное поведение рыцарей соответствовало идеалу?» Джауфре отнюдь не лишен недостатков, порой даже смешон, но в решающий момент он ведет себя безупречно. И это было вполне понятно окситанским читателям.

Окситанское рыцарство было действительно уникальным явлением. Для того чтобы стать рыцарем, в земле Ок необязательно было быть благородным по рождению, нужно было иметь благородное сердце. Среди них не было господ и простолюдинов, королей и слуг, только равные люди, которые должны были доказать свои личные качества (Valor) и личную значимость (Pretz) [9, с. 72].

Многие сеньоры Прованса и Лангедока, несомненно, следовали этим принципам. Неслучайно в Первый крестовый поход отправилось столько окситанских рыцарей. Практически все представители рода Тренкавелей участвовали в крестовых походах в Палестине или же в Пиренейской Реконкисте. Известно, к примеру, что Бернард Атон Тренкавель в 1101–1105 гг. воевал с сарацинами в Святой земле, защищая новообразованные королевства крестоносцев [10].

То же самое можно сказать и о графах де Фуа. Раймунд Роже де Фуа в 1191 г. принял участие в Третьем крестовом походе в составе армии Филиппа II Августа, короля Франции, и отличился при осаде Аскалона и взятии Акры [11].

Рыцарь, основавший орден госпитальеров, – Жерар Том, названный Благословенным, – тоже родом из земли Ок. Его последователь, который превратил братство в военный монашеский орден и стал его первым магистром – Раймунд дю Пюи, – знатный сеньор из Прованса [12].

И это только самые известные имена....

Главными ценностями изысканного южного общества были Pretz и Paratge.

Pretz – буквально «цена», то, что придает цену не вещи, не предмету, а человеку. Это его оценка. То есть человек одухотворен неким высоким идеалом, а внешне этот идеал воплощается в его поведении и манерах. Стоящий человек – это совершенный рыцарь.

«Paratge» иногда переводится как «равенство», но это даже в отдаленной степени не передает всего значения этого слова в средневековой Окситании. В отличие от «классических» рыцарских добродетелей, paratge считался присущим любому человеку, вне зависимости от происхождения и сословной принадлежности. Paratge – это мировоззрение, почти философия, столь же чуждая для современного мира, какой она была и для франков-крестоносцев. Это нечто большее, чем честь, куртуазность, благородство, рыцарственность или вежество, хотя все эти понятия, несомненно, связаны с этим концептом. Это

слово также подразумевает идею равновесия, естественного порядка вещей, представления о том, что «правильно».

Посвящение в рыцари фактически было началом долгого пути. Рыцарю подобало жить как должно, шаг за шагом приближаясь к рыцарскому идеалу. Он должен был поставить главной своей целью самоусовершенствование – *Melhorar*, быть верным (*leials*) и отвергать любое вероломство (*Desleialtat*) [9, с. 66–74].

Именно ради торжества должного порядка трудится герой романа, о котором идет речь в этой статье. Ведь Джауфре отправляется в путь, чтобы восстановить справедливость, ответить как подобает неизвестному рыцарю, устроившему безобразную сцену в королевском дворце. В конце концов, после ряда приключений он побеждает много о себе возомнившего рыцаря в поединке и восстанавливает нормальный порядок вещей. Проклятие рассеивается, чудесный замок Монбрун – больше не место печали, а его прекрасная хозяйка становится женой Джауфре.

О поисках Грааля напрямую в тексте никак не упоминается, но этот роман – именно о них. Ведь Грааль – не обязательно нечто материальное.

И готовый ответ на вопрос, как найти Грааль, здесь тоже присутствует. Он, оказывается, очень прост: не оставаться в стороне, когда рядом творится зло. В общем, главную мысль романа можно выразить, несколько перефразируя известное выражение: «Делай, что должно, и всё будет».

Именно всем комплексом понятий, не только книжных, но и внедрившихся в сознание людей, объясняется, почему во время трагических событий, названных «альбигойским крестовым походом», окситанские дворяне, которые в большинстве были католиками, отказались выдать своих подданных на верную смерть. И, похоже, именно поэтому многие решились на безнадежный бой, который одним стоил жизни, другим – владений. В землях Юга Благословенного ценили *leialtat* – верность, в том числе и верность своему долгу, долгу сюзерена. И поступали соответственно.

Список литературы

1. Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров: учеб. пособие. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 176 с.
2. Purbrick M.A. The medieval Romance of Jaufre: a storyteller's perspective / PhD thesis. – Cardiff: Cardiff University, 2019. – 343 с.

3. Мадоль Жак. Альбигойская драма и судьбы Франции. – Изд. Евразия, 2000. – 104 с.
4. Доманин А.А. Крестовые походы. Под сенью креста. – М.: Центрполиграф, 2005. – 431 с.
5. Хаецкая Е.В. Дама Тулуза. – М.: АСТ, 2003. – 382 с.
6. Georges Vicaire. Manuel de l'amateur de livres du XIXe siècle: 1801–1893. Paris, 1894–1920. Vol. 2. – 884 с.
7. Jaufre, adaptation moderne et traduction Claire Torreilles, Université Paul-Valéry, Montpellier. Использован перевод на современный окситанский язык из кн. René Lavaud et René Nelli, Les Troubadours, Desclée de Brouwer, 1960. – 24 с.
8. Raynouard François-Just-Marie (1761–1836). Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine. 1838–1844. – 680 с.
9. Nouvel A. L'occitan sans peine – Méthode quotidienne Assimil. Assimil, 1975. – 440 с.
10. Dupont A. Le vicomte Bernard-Aton IV (1074–1129) // Mémoires de l'Académie de Nîmes VII. – 1965–1967. – № 56. – P. 153–177.
11. Foundation for Medieval Genealogy: Raymond–Roger, comte de Foix. – URL: <https://fmg.ac/Projects/MedLands/TOULOUSE%20NOBILITY.htm#RaymondRogerFoixdied1223B> (режим доступа: 15.11.2020).
12. The second director of the Hospital Community: Raymond du Puy. – URL: https://blessed-gerard.org/bgt_1_4.htm (режим доступа: 15.11.2020).

References

1. Alisova T.B., Pluzhnikova K.N. *Staroprovansalskij yazyk i poeziya trubadurov: Uchebnoe posobie* [Old provençal language and poetry of the troubadours: a Training manual]. – М.: MAKS Press, 2011. – 176 p.
2. Purbrick M.A. The medieval Romance of Jaufre: a storyteller's perspective / PhD thesis. – Cardiff: Cardiff University, 2019. – 343 p.
3. *Madol Zhak. Albigoiskaya drama I sudby Francii* [Albigensian drama and the fate of France]. – М.: Евразия, 2000. – 104 p.
4. *Domanin A.A. Krestovye pohody. Pod seniu kresta* [The Crusades. Under the shadow of the Cross]. – М.: ZAO Centrpoligraf, 2005. – 431 p.
5. *Haetskaya E.V. Dama Tuluza* [The Lady of Toulouse]. – М., AST, 2003. – 382 p.
6. Georges Vicaire. Manuel de l'amateur de livres du XIXe siècle: 1801–1893. Paris, 1894–1920. Vol. 2. – 884 p.
7. Jaufre, adaptation moderne et traduction Claire Torreilles, Université Paul-Valéry, Montpellier. Used a translation into modern Occitan from the book René Lavaud et René Nelli, Les Troubadours, Desclée de Brouwer, 1960. – 24 p.
8. Raynouard François–Just–Marie (1761–1836). Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine. 1838–1844. – 680 p.
9. Nouvel A. L'occitan sans peine – Méthode quotidienne Assimil. Assimil, 1975. – 440 p.
10. Dupont A. Le vicomte Bernard-Aton IV (1074–1129) // Mémoires de l'Académie de Nîmes VII. – 1965–1967. – № 56. – P. 153–177.
11. Foundation for Medieval Genealogy: Raymond–Roger, comte de Foix. The electronic source: <https://fmg.ac/Projects/MedLands/TOULOUSE%20NOBILITY.htm#RaymondRogerFoixdied1223B> (Access mode: 15.11.2020).
12. The second director of the Hospital Community: Raymond du Puy. The electronic source: https://blessed-gerard.org/bgt_1_4.htm (Access mode: 15.11.2020).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 791.11:394.014(470.53)(049.32)
ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени
DOI 10.35231/25419501_2020_4_120

Е.В. Бурлуцкая (Банникова)

Рецензия на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук В.В. Устюговой «Раннее немое кино и трансляция ценностей модерна в жизнь российского губернского города (на материале Перми конца XIX – начала XX века)» (Пермь, 2020. 611 с.)

Предлагаемая рецензия выполнена на диссертацию В.В. Устюговой «Раннее немое кино и трансляция ценностей модерна в жизнь российского губернского города (на материале Перми конца XIX – начала XX века)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук и защищенную в октябре 2020 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева. Диссертация представляет собой комплексное исследование влияния такого нового вида искусства, как кинематограф, на повседневную жизнь губернского центра на рубеже XIX–XX вв., на процессы урбанизации в провинции, на ценностные ориентиры городских жителей. Автор диссертации приходит к выводу, что кинотеатры являлись моделями взаимодействия, пересечения, встреч разных социальных миров. Кроме универсальных современных ценностей – прогресса, мобильности, динамизма, открытости, разнообразия, субъектности, эмансипации, ценностей семьи, материального достатка, социального статуса – кинематограф транслировал ценности, характерные для времени господства Art Nouveau и отечественного Серебряного века. История раннего кино помогает понять своеобразие российского опыта в свете многообразия путей модернизации.

Ключевые слова: В.В. Устюгова, история повседневности, история искусства, история кинематографа, модернизация, урбанизация, ценности модерна, провинциальный город.

Elena V. Burlutskaya (Bannikova)

Review of V.V. Ustyugova's dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences "Early silent cinema and the transmission of the values of the Modern into Russian provincial city life (based on the material of Perm in the late XIX – early XX centuries)" (Perm, 2020, 611 p.)

This is a review of V.V. Ustyugova's dissertation "Early silent cinema and the transmission of the values of the Modern into Russian provincial city life (based on the material of Perm in the late XIX – early XX centuries)", which was presented for the degree of Doctor of Historical Sciences and defended in October 2020 at the Samara

National Research University named after academician S.P. Korolev. The dissertation is a comprehensive study of the influence of cinema, a form of art that was still new, on the daily life of a provincial center at the turn of the XX century, on the urbanization processes in the provinces, on the values of urban residents. The author of the dissertation comes to the conclusion that cinemas were models of interaction, intersection, and meetings of different social worlds. In addition to universal values of modernity – progress, mobility, dynamism, openness, diversity, subjectivity, emancipation, family values, material wealth, social status – cinema conveyed values characteristic of the time of Art Nouveau and the Russian Silver age. The history of early cinema helps to understand the individuality of the Russian experience, taking into account the variety of ways of modernization.

Key words: V.V. Ustyugova, history of everyday life, history of art, history of cinema, modernization, urbanization, values of Modern, provincial city.

Актуальность темы, которую Вера Васильевна предлагает к исследованию, на сегодняшний момент не вызывает сомнений. Во-первых, время конца XIX – начала XX в. по-прежнему по-разному оценивается исследователями, причем эти оценки могут представляться диаметрально противоположными: от «прекрасной эпохи» до декаданса. Во-вторых, рубежная эпоха, предшествовавшая революциям и войнам начала XX в., во многом перекликается с современной ситуацией «предкризисного» существования, когда окружающая реальность стремительно изменяется, заставляя человеческое сообщество приспосабливаться к новым условиям жизни. В-третьих, автор исследует влияние кинематографа на российский провинциальный социум, во многом опираясь на достижения такого направления исторических исследований, как история повседневности, которая в настоящий момент представляет собой один из наиболее популярных концептов исторической науки.

Научная новизна, как указывает сам автор, заключается «в самом ракурсе исследования, объединяющем в одном проблемном поле историю кинематографа, культуры модерна и российской провинции» [1, с. 13]. Действительно, многофакторность анализа, предпринятого исследователем, заставляет совершенно по-новому взглянуть на новый, возникший в конце XIX в. вид визуального искусства и вплести кинематограф в общую ткань российской действительности рубежа веков. Кино рассматривается в качестве одновременно и генератора, и транслятора смыслов и образов, соответствующих новой эпохе.

Модерность изучаемой эпохи (термин, часто используемый автором), представляющая собой набор новых культурных конструктов, идеологических и политических устремлений, с точки зрения автора

включает в себя технический прогресс, эволюцию форм потребления, конкурентность в экономике, публичность в политике, свободу средств массовой информации, глубокую трансформацию визуальных искусств [1, с. 5]. Именно этот арсенал воздействующих на человека эпохи модерна факторов автор и предлагает к исследованию в рамках диссертации. Это делает исследовательскую цель крайне обширной, объективно ставит перед автором множество исследовательских задач. Это же требует от исследователя отточенных навыков владения методологическими инструментами, усиленного внимания к логике описываемых процессов, четкого категориального аппарата, внимательного отношения к формулировке собственных умозаключений и очень жесткого подхода к фактическому материалу. При таком обширном поле исследуемых факторов и обстоятельств исследователю требуется решительно отсекаать «зерна от плевел», включая в свою работу только самые необходимые факты и события для максимально полного и глубокого анализа проблемы.

Объект исследования, сформулированный автором, это «раннее немое кино конца XIX – начала XX в., репрезентация современности в практиках производства и потребления кино, а также в других продуктах модерна». Предмет исследования – «история кинематографа через призму топического случая губернского города и воплощенный в новой культуре ценностный мир людей периода модерна» [1, с. 8]. Таким образом, под объектом можно понять процесс представления и воспроизведения окружающей реальности через кино и другие продукты модерна. Предмет же предполагает сразу два объекта: историю кинематографа и ценностный мир провинциальных горожан, воплощенный в новой культуре модерна. На наш взгляд, автор вполне мог бы отказаться от анализа истории кино и сосредоточиться именно на том, как новая реальность генерировалась и транслировалась посредством кинематографии в провинциальный социум. Так, автор, во-первых, сохранил бы логическую связь между объектом и предметом (предмет сужает объект; общероссийские тенденции анализируются на уровне региона), во-вторых, более четко связал бы предмет с темой исследования (трансляция ценностей модерна в жизнь губернского города) и, в-третьих, избавил бы себя от необходимости изучать такие аспекты, как история становления искусства кинематографии, техническая составляющая кинопроизводства и пр.

Обозначенные автором объект и предмет исследования заявляют о том, что исследователь обращается в диссертации к ценностям модерна не только через продукцию киноиндустрии, но и через другие «продукты модерна». Это видно и на основе структуры исследования: имеются параграфы, посвященные городской инфраструктуре Перми, предметам массового потребления, наиболее распространенным формам досуга и т. д. Тогда, вероятно, логичнее было бы при формулировке темы исследования на первый план вынести именно новые ценности, которые создавались различными способами, в том числе и с помощью кинематографа, например «Формирование и трансляция ценностей модерна в провинции (на примере немого кино в Перми конца XIX – начала XX в.)»).

Обозначенные в диссертации хронологические и территориальные параметры представляются довольно узкими для исследования в рамках докторской диссертации (история всего одного города на протяжении 25 лет), хотя, учитывая многофакторность анализа, это имеет логичное объяснение. Вероятно, автор испытывал опасение запутаться в обширнейшем многообразии обстоятельств, влияющих на формирование новой аксиологии горожанина на рубеже веков, и поэтому не стал обращаться к материалам, например, Екатеринбурга или других городских пунктов.

Внутренняя логика диссертационного исследования ярче всего проявляет себя при сравнении сформулированной темы, структуры работы, исследовательских задач и положений, выносимых на защиту. В связи с этим следует отметить, что в структуре диссертации (названиях глав и параграфов) никак не отражается проблема трансляции ценностей модерна посредством кинематографа. Мы не будем подвергать в этом плане анализу первую главу, носящую теоретико-методологический характер. Вторая глава посвящена, судя по названию, истории возникновения кинематографа как нового вида искусства и его появлению в Перми. Названия параграфов, однако, сформулированы на основе совершенно разных принципов, зачастую не имеющих логической связи именно с историей кино (2.1 – по хронологическому, 2.2 – скорее, по пространственному, 2.3 – по жанровому, 2.4 – по принципу используемых технических приемов).

То же можно сказать и в отношении третьей главы, название которой сформулировано максимально обобщенно. Ее параграфы построены одновременно и по хронологическому («ранние киножанры», кино в годы Первой мировой войны), и по жанровому («нарративное кино»), и по содержательному («социальная тематика в кино») принципам.

Автор структурировал исследование в 14 параграфов, каждый из которых, по логике, должен быть направлен на решение какой-либо исследовательской задачи. Решение же этой задачи должно привести автора к формулировке положения, выносимого на защиту, поскольку докторская диссертация предполагает новое решение важных задач теоретического или практического свойства. Однако задач в исследовании сформулировано всего девять, а положений, выносимых на защиту, – одиннадцать.

Цель исследования сформулирована как «выявление особенностей социокультурной истории раннего немого кино и анализ кинематографа как транслятора ценностей модерна на материале губернской столицы Перми рубежа XIX–XX вв.». В то же время, говоря об актуальности своего исследования, В.В. Устюгова пишет о необходимости «исследования тонких механизмов общественного сознания, внутреннего мира людей, сложных процессов взаимодействия формирующейся современности и новой визуальной культуры» [1, с. 7]. На наш взгляд, в последнем случае идея диссертации выражена более точно, поскольку автор на всем протяжении текста как раз и пытается проанализировать взаимовлияние новой современной современности, общественного сознания и визуальной культуры.

Как уже неоднократно подчеркивалось ранее, исследование В.В. Устюговой носит комплексный, многоаспектный характер. В связи с этим сам автор отмечает, что его методологический подход отличается новизной, поскольку позволяет связать «раннее кино с историко-культурным и художественным периодом рубежа веков» и показать «эту связь на примере российской провинции» [1, с. 13]. Ключевыми, опорными методологическими принципами исследования являются междисциплинарность и концепция модерности. Наиболее полно анализ методологии и теоретических основ исследования представлен в первом параграфе первой главы. Автор подробно останавливается на различных способах интерпретации реальности, предлагаемых философами, культурологами, искусствоведами, политологами, историками,

представителями иных социальных и гуманитарных наук. Позиция исследователя строится на том, что возможны абсолютно разные трактовки эпохи модерна и подходы к его анализу. В диссертации дан прекрасный обзор большинства методологических подходов к изучению переходного периода рубежа XIX–XX вв., предшествующих авторскому, изложена суть дискуссий о модерне и модерности. Однако из текста работы нам так и не удалось выделить сущность методологической и теоретической модели самого диссертационного исследования. Каким все же, по мнению автора, должен быть способ анализа реальности для выявления связей между новым вариантом медиа (кино) и ценностным потенциалом общества? И какими были эти связи? Что было первично в провинции: новые ценности или транслирующий их кинематограф? Если бы автор более четко сформулировал эти позиции, ему самому, как нам кажется, стало бы более понятно исследовательское поле, причинно-следственные связи между исследуемыми событиями и явлениями, структура исследуемой проблемы.

Историография проблемы, излагаемая в параграфе 1.2, построена по проблемному принципу. Автор весьма детально излагает сущность мнений своих предшественников по самым разным вопросам, имеющим отношение к раннему кинематографу. А вопросов этих несметное количество: история кино, фотографии (как искусства визуального) и танца (как пластического искусства); культура досуга вообще; гендер, который затем будет воплощен в немом кино; мода и пр. В результате в диссертации получили отражение десятки публикаций отечественных и зарубежных (это делает честь автору!) исследователей, обратившихся к различным аспектам массовой культуры рубежа веков. Вера Васильевна создала настоящую антологию произведений, посвященных этой широкой проблеме. Возможно, во избежание такой дробности мысли, следовало сосредоточиться именно на истории кино и анализе имеющихся в науке подходов к аксиологическому потенциалу кинематографа, исключив работы, посвященные чисто модерну, менталитету горожан, досуговым практикам и другим «сопутствующим» вопросам.

Параграф 1.3 автор посвятил источниковой базе исследования. Выделены виды источников: письменные, вещественные и визуальные, а также их группы: 1) нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственные источники; 3) эго-документы и произведения художественной

литературы; 4) материалы периодической печати. Вызывает вопрос отсутствие статистических материалов в качестве самостоятельной группы источников (хотя автор использует статистические данные, к примеру, материалы первой всеобщей переписи 1897 г.) [1, с. 125]. На с. 88 пожарные и санитарные нормы содержания кинотеатров отнесены автором к делопроизводственной документации, хотя их, на наш взгляд, правильнее было бы считать разновидностью нормативных актов. Кроме того, в части параграфа, повествующей об эго-документах и художественной литературе, первые представлены максимально широко, а вот произведения художественной литературы не только не проанализированы, но и не названы вовсе.

По словам автора (см. положение 1, выносимое на защиту) [1, с. 19], «реконструкция контекстов позволяет увидеть кинематограф в связи с событиями современности: универсальными модерными тенденциями в развитии общества и уникальными фактами российской культуры рубежа XIX–XX вв.». Это, конечно, так. Однако «реконструкция контекстов» представляет собой вполне универсальный исследовательский механизм, способ работы с источниками, который не требует «защиты». А вот некий итог этой реконструкции, впечатление, умозаключение, остающееся после знакомства с основным массивом источников, могло бы стать отличным тезисом, выносимым автором на всеобщее обсуждение.

Глава вторая, как следует из исследовательских задач, призвана исследовать модернизационные процессы в провинции, реконструировать историю появления там кинематографа, остановиться на самом раннем жанровом феномене «кино аттракционов», проанализировать деятельность кинотеатров как неких «институтов», а также дать обобщенный портрет кинозрителя. Полагаем, что для решения названных вопросов начать следовало бы именно с провинциального модерна, воплотившегося в новом городском пространстве, новой городской инфраструктуре, новых связях и отношениях внутри городского социума, новой психологии горожан (т. е. поменять местами параграфы 2.1 и 2.2).

Хотя параграф 2.1 назван «Первые гастроли синематографа», речь в нем идет и о других формах городского досуга (балаганах, цирках и театрах), а также о железной дороге, электричестве, фотографии, велосипедах и пр. В этой связи, видимо, параграф следовало обозна-

читать как «Техническая революция в досуговой сфере городской повседневности». Кино, как техническая новинка, быстро заинтересовала горожан, выполняя одновременно и развлекательную, и образовательную функции. Использование «туманных картин» и иллюзионов для ознакомления публики с историческими сюжетами, географией и этнографией различных стран и народов, расширяло картину мира провинциальной публики, «эмоционально готовили широкую публику к появлению кино» [1, с. 120]. Хотелось бы, чтобы автор уделил больше внимания именно влиянию раннего кинематографа на провинциальных горожан, а не описывал различные варианты знакомства пермских жителей с «волшебным фонарем».

В этой же связи интересно было бы проследить, какой же из вариантов досуга в большей степени стал «прародителем» раннего кинематографа: балаган, цирк, бурлеск, театр, фотография и т. д.? У всех этих жанров искусства были разные способы привлечения зрителей, техники воздействия на публику, разное смысловое содержание. Что именно стало связующим звеном между традиционными и новыми формами городского досуга?

Параграф 2.2 автор посвятил условиям, в которых началось распространение кинематографии в Перми. В.В. Устюгова пишет об изменениях в городской инфраструктуре (электрическом освещении, водопроводе, трамвайном сообщении, автомобилях, телеграфе и телефоне), появлении массовой культуры (газетах, рекламе, интерьерах модерна), новых формах досуга горожан (театре, клубах, шантанах). Все это позволило проследить «рост качества жизни в городском пространстве, расширение возможностей горожанина», повлекшие «изменения со стороны эстетических запросов обывателей» [1, с. 131]. По мнению исследователя, формы отдыха горожан эволюционировали «от элитизма к коммерции» [1, с. 149], а «сегрегированность» городской культуры – к ее плюрализму [1, с. 154]. «Профессионализация и коммерциализация индустрии досуга способствовала широкому распространению легких жанров развлекательной культуры» [1, с. 154].

Однако, на наш взгляд, параграф перегружен «лишней» информацией, например, обширным описанием архитектурных особенностей модерна, интерьеров и домашней утвари в стиле модерн. Страницы, посвященные этим (и многим другим, сопутствующим) вопросам, логич-

нее было бы отдать под анализ взаимосвязей между новыми явлениями и трансформацией вкусов, пристрастий, ценностей горожан. Параграф нуждается в более очевидно сформулированных причинно-следственных связях: специфика сословного состава городского сообщества – наиболее популярные формы городского досуга; приток крестьянства в города – традиционализм и консерватизм в психологии городских жителей; уровень грамотности горожан – интерес к интеллектуальному досугу; изменения городской инфраструктуры – новые требования к комфорту; завершение промышленного переворота – внимание к техническим новинкам и пр. Каждый упоминаемый автором фактор внешней по отношению к кинематографу городской среды должен «бить» на достижение цели исследования – обозначение новых ценностей эпохи модерна и возможностей их транслирования через кинематограф.

Положение 2, выносимое на защиту, констатирует, что возникновение новых видов досуга было следствием изменения материального положения горожан. Однако появление кинематографа было детерминировано значительно большим числом обстоятельств, в том числе и в провинции, о чем и следовало сказать в положении, перечислив их.

Параграф 2.3 повествует о «кино аттракционов», или «ярмарочном», сосредоточенном на демонстрации различных трюков и зрелищ, строящемся на эстетике удивления. Показ такого кино способствовал размыванию межсословных границ, поскольку на него собирались представители самых разных категорий городского населения. Правда, из текста параграфа не вполне понятно, чем же привлекал этот жанр самую разнообразную публику? Полагаем, что такие фильмы, с одной стороны, выполняли информационную функцию в условиях почти тотальной неграмотности. Более же образованная публика могла получать удовольствие, наблюдая за недоступными ей самой умениями и навыками, точно так же как, например, в цирке она наблюдала за акробатами, атлетами, жонглерами и укротителями. Кроме того, это был определенный вариант «виртуальной мобильности» [1, с. 216] в ситуации, когда большинство населения десятилетиями не покидало мест своего проживания.

На наш взгляд, автору следовало в большей степени сосредоточиться именно на причинах популярности «ярмарочного» кино, а не уходить в описание цирковых программ [1, с. 164–166]. Избыточным, на наш взгляд, представляется и подробное описание кинокомпании

Жоржа Мельеса [1, с. 170–171], Брайтонской школы кинематографии, французского кино [1, с. 172–174]. Эта информация не относится ни к распространению кино в провинции, ни к воздействию его на систему ценностей. Автору все же следовало более четко определиться с тем, повествует ли он о производстве кино (в основном зарубежного), или сосредотачивается на воздействии кино на зрителя, транслируемых ценностях «ярмарочного кино».

Параграф 2.4 автор посвятил электротрам как особым досуговым институтам. Это уже не просто точки, развлекающие зрителей трюками, выполняемыми на экране, а стационарные учреждения досуга. Речь ведется о помещениях, приспособленных под кинозалы, их оформлении, правилах функционирования. Изменение формата кинопоказов привело к смене публики в кинотеатрах. На смену «ярмарочной публике» пришли дамы в шляпах и мужчины в визитках, семьи и учащая молодежь. Вот на этой мысли автору бы и остановиться подробнее, но Вера Васильевна снова «уходит» с основной тропы, переходя к описанию пожаров, разговору о содержателях и работниках кинотеатров, демонстраторах и таперах. Параллельно идет разговор о цензуре в кино и кинорепертуаре. Но различным киножанрам, судя по структуре диссертации, автор посвящает параграфы третьей главы. Соответственно, вновь мы видим несоблюдение принципа системности.

Глава третья призвана решить сразу несколько исследовательских задач: изучить событийную историю раннего кино в провинции, проанализировать жанровое разнообразие раннего кино, выявить градацию социальных ценностей в отечественных фильмах. Довольно сложно четко соотносить заявленные автором исследовательские задачи с пунктами плана и положениями, выносимыми на защиту (5–8), однако в целом автор констатирует, что постепенно происходила институциональная эволюция кинематографа, кино «перекраивало соотношение центра и периферии. В кино нашли отражение новые социальные сюжеты, связанные с урбанизацией, меняющимся статусом женщины и т. п.

Параграф 3.1 посвящен эволюции киножанров. По словам исследователя, в «ранние годы доминирующее место занимали документальные съемки, видовые и бытовые сюжеты, созданные на натуре» [1, с. 220], которые соответствовали колонизаторским задачам империй (экзотические пейзажи дальних стран), формировали образ империи (сюжеты об окраинах России) или просто выполняли информационно-

развлекательную функцию. «Посетитель кинематографа получал возможность сопоставлять увиденное с собственной жизнью, происходившими на его глазах изменениями» [1, с. 229].

В этой связи автор вновь обращается к изменениям, происходившим в рамках городского пространства: новым видам транспорта и связи, предметам интерьера (хотя речь об этом шла в параграфе 2.2). Это вновь десистематизирует материал. Хотя можно было решить эту проблему через более детальное обращение в данном параграфе к городской рекламе. Сравнение того, что демонстрировал кинематограф с тем, что могла предложить пермская промышленность и сфера услуг, как раз привело бы автора к соображениям о транслируемых через эти каналы на региональном уровне новых ценностях.

Речь в параграфе идет также о комических кинолентах, детективах, изображении спортивных событий и фильмах-катастрофах. Однако автор не ставит вопрос о том, почему именно смеховая культура, спорт, трагедии и криминалистика получили столь широкую популярность у горожан? Возможно, это был спрос на сенсации, а может быть, это более глубокая реакция на происходящее вокруг? Смех позволял справляться со стрессом, возникающим от все более ускоряющейся жизни. Спорт был новой модой на здоровый образ жизни в условиях растущей урбанизации. Фильмы-катастрофы были связаны с появлением новых, более скоростных и опасных видов транспорта (автомобилей, дирижаблей, самолетов и пр.). Интерес к судебнопсихиатрической тематике был вызван появлением новой науки – психоанализа – и стремлением объяснить растущую криминализацию общества. Кроме того, «разбойничий фольклор» всегда был популярен среди русской публики. И вот уже вполне определены новые ценности, новые интересы и новые способы их трансляции.

Следующий параграф посвящен нарративному, повествовательному кино. Как отмечает автор, «развлекательный и познавательный аттракцион превращался в сюжетно-игровое кино, связанное с индивидуальным психологическим восприятием кинопроизведения» [1, с. 257]. Однако вновь автор не объясняет причин перехода к новому жанру. Также остается непонятным обращение режиссеров в первую очередь к исторической тематике. По нашему мнению, причина могла крыться в поиске средствами кинематографа национальной идеи, которая могла

бы сплотить российское общество перед лицом ощущающихся грядущих социальных потрясений. Другой причиной могла стать «ностальгия по утраченному времени».

Позднее в рамках того же нарративного кино, «очертив национальные и историко-культурные контуры, кинематография нацелилась на освещение внутренних проблем современности и европейскости (со словность, эмансипация, секс, нигилизм, преступность, нравственность и др.)» [1, с. 283]. Сюжеты берутся теперь уже не из «опер и драм, прозы и песен», а из современной прессы и беллетристики.

Кинопрокат в годы Первой мировой войны и революции становится предметом изучения в следующем параграфе работы. Автор говорит об увеличившемся спросе на отечественные кинокартины в условиях крупного международного кризиса, связанным с этим ростом национального кинобизнеса (при параллельном снижении качества картин). Сложность обстановки в обществе вызвала интерес к «легким» жанрам, преобладание развлекательной функции киноискусства. А вот «попытку правительства использовать кино в патриотической пропаганде можно считать провалившейся» [1, с. 298].

На основании анализа кинопроцесса автор делает вывод о том, что «война обострила общественные противоречия. Одни ценности исповедовала элита, другие – проходящие внутреннюю мобилизацию и трансформацию массы» [1, с. 305]. В угоду последним киноэкраны захлестнул уголовный жанр. В типовых жанрах авантюрного фильма или сентиментальной мелодрамы снимались и картины о народовольцах и революционном движении. «Полуинтеллигентную публику с ее провинциальным ницшеанством властно отодвигал в сторону народный зритель с его «разгульной душой», публика упивалась тоской русской песни и городского романса» [1, с. 307].

Иррациональная безысходность, тоска, страдания, трагедия и драма заполнили кинозалы. Кино превратилось в особую форму эскапизма, помогающую избежать хотя бы на время столкновения с жестокой реальностью. На рубеже веков с ностальгией вспоминался ушедший золотой век дворянской культуры и те культурные ценности, которые невосполнимо разрушались в век индустриальный, в эпоху уничтожения «вишневых садов». В этом контексте просвещенный зритель с интересом следил за экранизацией российской литературной классики (произведений Пушкина, Достоевского, Толстого).

И все же, несмотря на то, что эта часть диссертации выстроена наиболее последовательно, логично и системно, автор так и не дает конкретного ответа на вопрос, какие именно ценности в этот период транслировал массовый кинематограф, а какие – относительно элитарный кинематограф Я. Протазанова и пр.

Последний параграф третьей главы повествует о социальной тематике в кино. Именно здесь, по словам автора, наконец и идет речь об «анализе идей и образов, транслируемых кинематографом и запрашиваемых посетителями кинотеатров» [1, с. 332]. Из содержания параграфа следует, что новые ценности заключались в романтизации и героизации девиантности (в том числе и уголовной), распространении приоритетов индивидуализма и индивидуальной свободы, свободной любви, идей феминизма, секуляризации, массового потребления, рациональности поведения. В фильмах получали отражение общественные и семейные проблемы. Киноленты являлись трансляторами новой моды, новой психологии, новой морали, новой эстетики.

Однако автор предпочитает преподносить эти выводы в крайне завуалированной, запутанной и сложной форме. В качестве примера можно привести цитату из текста (довольно обширную, но необходимую), которая ярко демонстрирует авторскую манеру изложения: «Драмы „из современной жизни“ транслировали новые концепты идентичности, „новый индивидуализм“ европейской культуры. Отечественная литература негативно оценивала индивидуализм, поддерживая концепцию общественного призвания. Попытки национально-государственной самоидентификации осуществлялись в значительной мере в опоре на опыт литературной рефлексии. В пореформенное время на смену традиционному, патриархальному господству и патернализму, власти главы семьи, хозяина, помещика и государя приходили отношения, которые начали строиться на рациональных соображениях, на договоре и законе. Индивидуализм является продуктом секуляризации. Цивилизационный стержень модерности – это совокупность значений, ведущих к эпохальному рывку в человеческой автономии. Личностная автономия формируется в ходе исторического и индивидуального развития; индивидуальное – это сложно сконструированное, объективируемое явление» [1, с. 343].

Глава четвертая, по замыслу автора, должна была решить задачи анализа ценностей публики немого кино (т. е. от того, что транслировал

кинематограф, перейти к тому, что уже сложилось у зрителя), изучить феномен звезд немого кино, а также «проанализировать женские образы в кино в свете проблем гендерной истории» (хотя эта задача по-прежнему решалась по факту и в других параграфах). С другой стороны, в начале главы В.В. Устюгова заявляет, что целью этой части работы представляется демонстрация кинематографа как своеобразного тренд-сеттера, определяющего ключевые тенденции в области моды, в сфере идей, в манере поведения и выражения чувств [1, с. 368]. Таким образом возникает вопрос, а чьи же ценности в итоге собирается исследовать автор: зрителей или кино?

Соответствующие этим задачам положения, выносимые на защиту, заключают, что неоднородная зрительская масса следовала различным ценностным установкам. Звезды немого кино выступали образцами нового стиля, а женские образы «воплощали новые идеалы естественности и красоты». Как нам кажется, положения, выносимые на защиту (9–11), в данном случае должны были носить более конкретизированный характер и быть менее очевидными.

Параграф 4.1 посвящен российскому режиссеру немого кино, театральному художнику и сценаристу Евгению Францевичу Бауэру, чьи работы оказали огромное влияние на эстетику отечественного кинематографа начала XX в. По словам исследователя, «декорации в картинах Е. Бауэра соответствовали орнаментальному, избыточному и поэтому узнаваемому стилю своего времени, ... отразили то стремление к иллюзорной красоте и декадентской манерности, что получило распространение в обывательских кругах» [1, с. 390]. Новшеством при создании фильмов стали эксперименты с электрическим освещением. Режиссер часто вводил в повествование мотив танца, свойственный иконографии модерна и отражающий красоту жизни. В то же время линейно-декоративная система, с бледными, лишёнными объема, застывшими или неестественно изогнутыми фигурами актеров намекала на красоту смерти, эстетику декаданса. Таким образом, именно в фильмах Бауэра наиболее точно отразилась поэтика модерна.

Следующий параграф, посвященный женским образам и женской моде в кино, рассказывает о женщинах, «не похожих на прежних», о женщинах, ставших результатом эмансипации. Женщины становятся героинями рекламных объявлений. В моду входят сексуальность и пуб-

личность женщины. Женщина «дома» и женщина «по дому» трансформируется в женщину «вне дома». И это, пожалуй, следующая, после петровской, революция в женской повседневности.

В объектив внимания автора попадают и зрительницы, и актрисы. Как пишет автор, «сначала посетительницу электротeatра мы узнаем по наряду – платью, которое она приобретала в модном городском магазине, увидев такое же в синематографе на киноактрисах; но впоследствии кинематографическое мышление все глубже захватывает горожанку, пленяя ее кинематографическими образами, выстраивая представления о современной идентичности» [1, с. 417]. «Роковые женщины», «испанские страсти», авантюристки начинают встречаться не только на экранах, но и в жизни. И здесь, на наш взгляд, автор мог бы значительно усилить собственные рассуждения и выводы, используя информацию о громких разводах, случившихся в Перми в это время, или о драматических преступлениях на почве ревности, описываемых в уголовной хронике пермской прессы конца XIX – начала XX в.

В последнем параграфе звезды экрана исследуются как некие собирательные образы времени. Причины их популярности автор видит в том, что актеры являли собой носителей более высокой культуры, были привлекательны, их мир, воплощаемый на экране, позволял уйти на время от окружающей зрителя не слишком приятной реальности. Кроме того, зритель мог отождествить себя с любимившимся персонажем, надеяться на то, что каждый в итоге, если ему повезет, может стать привлекательнее и богаче. Здесь не требовалось ни глубоких знаний, ни уникальных умений. Зачастую лишь привлекательная или фотогеничная внешность, особая пластика движения могли вознести человека на вершину славы. Актеры становились трансляторами новой субъектности. «Зрители „считывали“ не только надписи и мизансцены, но и мимику лица, физическую привлекательность актера, умение двигаться» [1, с. 449]. «Кинематограф „переводил“ на язык массовой публики культуру декаданса» [1, с. 452].

В заключение автор излагает итоговые умозаключения и ответы на поставленные исследовательские задачи, причем делает это гораздо более четко, нежели в основном тексте.

В целом в процессе знакомства с работой возникает ряд вопросов и замечаний. Помимо тех, что были высказаны выше, хотелось бы остановиться еще на нескольких спорных моментах.

1. Тексту диссертации не хватает структурированности и системности, что затрудняет восприятие материала и не позволяет четко определить авторскую позицию по ряду вопросов.

2. Нам показалось, что в исследовании все же было слишком «мало» Перми, по сравнению с Москвой или Парижем. Раз тема исследования была заявлена «на материалах Перми», все транслируемые кинематографом новые ценности должны были быть прослежены именно на пермском материале. Региональная, провинциальная специфика должна была быть показана не только на примерах новой городской инфраструктуры, городской рекламы, городского пространства, но и на примерах биографий, сюжетов из жизни «маленьких» жителей города, рядовых посетителей киносеансов.

3. В рамках достижения исследовательской цели было бы интересно порассуждать о том, что же все-таки было первичным: жанровая эволюция кинематографа или трансформация общества под влиянием внешних экономических и политических причин? Кинематограф транслировал новые ценности в общество или был отражением ценностных трансформаций социума?

4. Хотелось бы все же, как это заявлено в одной из исследовательских задач, увидеть социальный портрет кинозрителя-горожанина.

Высказанные вопросы и замечания носят дискуссионный характер и не снижают в целом положительного впечатления от диссертации.

Изложенные в работе Веры Васильевны Устюговой положения обладают несомненной научной новизной. Автор, обобщив работы предшественников, изучив различные подходы к российской модернизации, проследил эволюцию раннего кинематографа в провинции, проведя анализ влияния на этот новый вариант искусства различных факторов экономического, социального, культурного плана. В процессе работы над научной проблемой автор пришел к интересным самостоятельным выводам, которые представляются интересными и значимыми для исследователей, занимающихся вопросами истории повседневности, социальной истории, истории искусства.

Диссертация представляет собой самостоятельно выполненное законченное исследование. Личное участие автора заключается во введении в научный оборот новых архивных источников; в осуществлении комплексного междисциплинарного исследования, позволяющими увидеть господствующие тенденции в эволюции аксиологического потенциала провинциального общества на рубеже XIX–XX вв.

Объективность и достоверность полученного научного результата достигается через использование сравнительного метода в отношении используемых исторических источников различного характера. Все заимствования, осуществленные автором в тексте, сделаны корректно, с указанием источника информации.

Высокий теоретический уровень исследования, его актуальность, новизна позволяют сделать общий вывод, что диссертация является работой, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для исторической науки. Надеюсь, что материалы диссертации в ближайшем будущем будут опубликованы в формате научной монографии, которая найдет не одну сотню благодарных читателей, интересующихся вопросами истории повседневности и истории культуры.

Список литературы

1. Устюгова В.В. Раннее немое кино и трансляция ценностей модерна в жизнь российского губернского города (на материале Перми конца XIX – начала XX вв.) [Электрон. ресурс]: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – 611 с.

References

1. Ustyugova V.V. Rannee nemoe kino i translyaciya cennostej moderna v zhizn' rossijskogo gubernskogo goroda (na materiale Permi konca XIX – nachala XX vekov) [Early silent cinema and the transmission of the values of the age of Modern into the life of a Russian provincial city (based on the material of Perm in the late 19th – early 20th centuries)]: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Perm', 2019. 611 p.

Сведения об авторах

Балабейкина Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: olga8011@yandex.ru

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, ORCID 0000-003-001-2207; e-mail: ida777@yandex.ru

Ващук Руслан Игоревич, аспирант кафедры Истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: vashchukr@mail.ru

Гаврилова Каринэ Самвеловна, старший преподаватель кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: kmardoyan@gmail.com

Маркдорф Наталья Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: nmamark@mail.ru

Маховская Ирина Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь; e-mail: i.mahovskaya@gmail.com

Мачульская Елена Валентиновна, свободный исследователь; e-mail: aeliren33@gmail.com

Митлина Юлия Витальевна, магистрантка факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: jmitlina@gmail.com

Михайлец Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет; ORCID 0000-0002-5184-0670; e-mail: m.mikhailets@gmail.com

Немирова Алина Владимировна, свободный исследователь; e-mail: alina_nemirova@bk.ru

Новгородский Тадеуш Антонович, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет, зав. кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета, Минск, Республика Беларусь; e-mail: tadeush_minsk@mail.ru

Янковская Анна Андреевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: aia777@yandex.ru

About authors

Balabeikina Ol'ga A., Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: olga8011@yandex.ru

Burlutskaya (Bannikova) Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia); e-mail: ida777@yandex.ru

Vashchuk Ruslan I., Postgraduate of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University; e-mail: vashchukr@mail.ru

Gavrilova Karineh S., Senior Lecturer of the Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: kmardoyan@gmail.com

Markdorf Natal'ya M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University; e-mail: nmamark@mail.ru

Makhovskaya Irina S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ethnology, Museology and Art History, Belarusian State University, Minsk, Belarus; e-mail: i.mahovskaya@gmail.com

Machul'skaya Elena V., Free Researcher; e-mail: aeliren33@gmail.com

Mikhailets Mikhail A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus; e-mail: m.mikhailets@gmail.com

Mitlina Yuliya V., Graduate student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: jmitlina@gmail.com

Nemirova Alina V., Free Researcher; e-mail: alina_nemirova@bk.ru

Novogrodskii Tadeush A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnology, Museology and Art History of the Historical faculty of Belarusian State University, Republic of Belarus; e-mail: tadeush_minsk@mail.ru

Yankovskaya Anna A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: aia777@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 4 (16)

На обложке размещен фрагмент
манускрипта «Roman De Jaufre», (ок. 1275–1425 гг.)
Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 2164.
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b60009476/f25.highres>

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 24.12.2020. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 1683

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10